

**«ЕЩЁ МЫ СКАЖЕМ
НАШЕ СЛОВО!»
(К. Скворцов)**

Сборник материалов
Третьих Скворцовских чтений

Челябинск
2023

УДК 016:882+882.09
ББК 833(2Рос=Рус)6-8a1
Е97

Составитель и редактор
Т. В. Соловьева, кандидат филологических наук

Е97 **Ещё мы скажем наше слово** : сборник материалов Третьих Скворцовских чтений / под ред. Т. В. Соловьевой. — Челябинск : ИЦ «Павлин», 2023. — 220 с.
ISBN 978-5-87980-204-3

Значимым событием в культурной жизни России стало проведение Скворцовских чтений, посвященных творчеству ведущего российского поэта Константина Скворцова. Организаторы Чтений — кафедра языкового и литературного образования Челябинского института переподготовки и повышения квалификации работников образования (заведующий кафедрой — кандидат филологических наук Татьяна Соловьева) и Челябинское региональное отделение Союза писателей России (руководитель — поэт Олег Павлов). В них приняли участие литературоведы, лингвисты, писатели, государственные и общественные деятели.

В настоящем сборнике, посвященном 85-летию писателя, представлены статьи о поэтической драматургии и лирике К. В. Скворцова, о постановках спектаклей по пьесам драматурга, эссе о личности и творчестве писателя, а также новые стихи поэта.

Издание предназначено для филологов, студентов гуманитарных факультетов высших учебных заведений, учителей русского языка и литературы, а также для широкого круга читателей, интересующихся поэзией.

УДК 016:882+882.09
ББК 833(2Рос=Рус)6-8a1

В сборнике использованы гравюры народного художника России Владимира Носкова, фотографии из архива К. В. Скворцова, фото из открытых источников.

ISBN 978-5-87980-204-3

© Скворцов К. В., 2023
© ИЦ «Павлин», 2023

Содержание

Творчество Константина Скворцова в литературной критике

Сергей Арутюнов

Спор о любви (о ранних стихотворениях
Константина Скворцова)..... 9

Людмила Стрелец

Стихия воды в лирике К. Скворцова..... 15

Виктория Волкова

Аллюзия как механизм актуализации
интертекстуальности и её функция
в «Венке сонетов» (1999 г.) К. В. Скворцова 24

Алексей Казаков

Сын отечества 30

Галина Данильцева

Единственная встреча, или Страсти по сонету 36

Елена Жеребцова

Мотив памяти в цикле К. В. Скворцова
«Матушка пела» 40

Историю христианского святого расскажут

в Липецке в стихах («Георгий Победоносец»

в театре драмы им. Л. Н. Толстого)..... 47

Елена Оленина

Судьбой дарованная встреча 52

Алексей Крылов

Главные инвестиции — это инвестиции
в людей..... 56

Оксана Кириллова

Традиции античного театра в пьесе К. В. Скворцова
«Иоанн Златоуст» 61

К юбилеям спектаклей по пьесам Константина Скворцова

«Ущелье крылатых коней»	66
«Отечество мы не меняем»	67
Татьяна Екимова Жанрообразующее значение мотивов уральского фольклора в драматических легендах К. Скворцова («Легенда о белом дереве» и «Ущелье крылатых коней»)	69
Оксана Кириллова Романтическая поэма как протожанровая модель в пьесе К. В. Скворцова «Ущелье крылатых коней»	81
 Писатели о писателе	
Владимир Крупин «Деятельность его поистине удивительна...»	87
Евгений Чебалин Открытое письмо Константину Скворцову	88
Марина Ганичева Из ранней поэзии Константина Скворцова, или У поэта все живы.....	91
Сергей Котькало Песней наполнено сердце поэта.....	105
Татьяна Набатникова Не бывает провинциальной литературы	110
Сергей Овчинников К. В. Скворцов и Тула.....	114
Лилия Кулешова Крылатый наш Урал.....	125

Интервью Константина Скворцова

- Поэзия проникнута любовью (интервью
в программе «Живое русское слово»)..... 130
- Фрагмент программы «Живое русское слово»
(передача о современной литературе, которую
не увидишь на большом телевидении) 133

«...Друзей моих лица» (друзья о писателе)

Григорий Ивлиев

- «Говорите слова...» 136

Валентин Чистяков

- Фуражка-оберег 139

Валерий Таган

- Корневая поэзия 141

Валерий Ефремов

- Наше детство в послевоенном Златоусте 145

Николай Рачков

- Как златоустовский булат 155

«Песней наполнено сердце моё...»

(поэзия К. Скворцова в музыке)

- Композиторы, писавшие музыку на произведения
Константина Скворцова 160

Геннадий Гладков

- «В жизни бывает случай, когда повезло!» 163

Музыкально-поэтический моноспектакль

- «Матушка пела...» в Доме композиторов
в Москве..... 166

Анна Литвиненко	
«Я благодарна судьбе...».....	176
Татьяна Петрова	
Родину предавать нельзя	177
Юрий Клепалов	
Как рождались песни	182
Владимир Комаров-Елецкий	
«Пусть недолог наш век, но бессмертна душа»	183
Анатолий Днепров	
«Я написал много песен на его стихи...».....	184

Константин Скворцов о писателях

Наш Пушкин	187
«Я пришёл дать вам волю».....	188
Вишнёвые горы (вспоминая Л. К. Татьяничеву).....	190
У вишнёвого омута.....	192
«Умереть от собственного цвета».....	199

Творчество К. Скворцова в школе

Соприкосновение с Прекрасным... ..	209
В Копейске прошел конкурс чтецов... (из переписки К. Скворцова с учителем литературы Л. Е. Даниловой).....	210

Наталья Волченко

«По неустроенному свету бродить с протянутой душой...» (духовные ценности русского народа в произведениях К. В. Скворцова).....	212
---	-----

Вера Лукашевич

Топонимы Южного Урала в лирике К. Скворцова	218
--	-----

Указом Президента Российской Федерации
от 24.05.2023 № 374

«О награждении государственными наградами
Российской Федерации»

(<http://publication.pravo.gov.ru/document/000120230524>)

писатель Константин Скворцов удостоен медали
«За труды в культуре и искусстве» — за вклад в развитие
отечественной культуры и искусства, многогранную
плодотворную деятельность.

**УКАЗ
ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
О награждении государственными наградами
Российской Федерации**

**МЕДАЛЬЮ «ЗА ТРУДЫ В КУЛЬТУРЕ И ИСКУССТВЕ»
СКВОРЦОВА Константина Васильевича — писателя,
члена Ассоциации союзов писателей и издателей,
город Москва.**

Геннадью Гладкову

*Жизнь — смена чёрно-белых клавиш.
Когда уже не вмоготу
(Почтенный возраст не обманешь),
Пора бы подводить черту!*

*Но если враг, что нам не ново,
Опять идёт на abordаж,
Ещё мы скажем наше слово
*Под русский марш!**

Под русский марш!

К. Скворцов
18 февраля 2023 года

Творчество Константина Скворцова в литературной критике

Сергей АРУТЮНОВ,
преподаватель Литературного
института им. Горького,
главный редактор портала
«Правчтение.ру», российский поэт,
прозаик, публицист, критик,
г. Москва

Спор о любви (о ранних стихотворениях Константина Скворцова)

Пытаясь разглядеть размытые печати, которыми метила нас будущая судьба, счастливицы, письменные и иные свидетельства которых она подняла достаточно высоко над половодьями событий, видят: что заложено в юности, потом только проклевывается, пускает листья и даёт невиданные плоды. Поскольку человек устроен просто. Душа его способна выразить всего-то две-три эмоции, на которые настроена с первого крика: шок и трепет, блаженство, изумление и оскорбление, благодарность бытию. Что мы несём поэзии, не поддаётся воле: молчать, скрываться и таить удаётся недолго и — немногое. Так же, порой, как и выразить.

Константин Скворцов, 85-летний юбилей которого, конечно же, будет отмечен и в Златоусте, и в Челябинске, и в Москве, не будет вчитываться в свои ранние стихотворения: их ему уже почти не различить за дымкой драматической поэзии, с тех гребней и серпантинных, на которые он взошёл. Поэтому лучше взглядеться за него и, может быть, напомнить о проклюнувшихся более шестидесяти лет назад зёрнах.

1961-й! Гагаринский. Не очередной «хрущёвский» и не который по счёту «оттепельный», а год зримого доказательства того, что страна способна быть первой в самом, пожалуй, главном, и заглянуть за горизонт, и сделаться притчей. Причастны — все. В чёрных ватниках возящиеся в полях бабы, их внуки на ржавых велосипедах, встретившие первого космонавта сперва недоверчиво, а потом обнявшие и расцеловавшие, как родного. Мы и были тогда все друг другу родными... не смотря ни на что.

То был год пробуждения новых сил после войны, надломившей семьи любого достатка, после неистовых побоищ и непомерных жертв, первая ласточка отщебетала в Москве фестивалем молодёжи и студентов, но тот апрель, шестьдесят первого, взвился соколом и не подстреленным уже не падёт. Скворцову двадцать два, он выпускник Челябинского института механизации и электрификации сельского хозяйства, русский инженер-механик. Знает ли он тогда, что слово в нём пробудилось на всю оставшуюся жизнь? Или, скажете вы, многие русские интеллигенты в юности способны к стихосложению, а потом замолкают, и чаще те из них, кто наиболее стыдлив, укатан жизнью и умеет разглядеть в поэзии нечто не слишком естественное?

*Читаю лес,
строкою новой
тайга опять зовёт,
звения.
И плотно,
словно буквы в слове,
прямые сосны вокруг меня.
Над ними
туч белёсых прядки
и ранних,
легких зорь янтарь,
и чёрточкою над «и»
кратким
летит
встревоженный глухарь.*

*Зимовья и поэмы строю.
Скрипи над Обью
птиц паром!
Я
хвоей спрятанные строки
беру под корень топором!
Жердями густо пол устелен...
В три слоя,
крытые корой,
вокруг меня встают не стены —
слова, пропахшие смолой!*

Как ни разбиваются строки на доли, половинки, трети и четверти, экстатический выплеск — четырёхстопного ямба, пушкинского, до того державинского, а до того — ломоносовского. Вот и произнесена им клятва, и не стать больше Скворцову развязным поборником бог весть чего, а быть ему отныне тем, кто привнесёт в строжайшую силлабо-тоническую структуру и физически ощущаемый трепет, и тихие вздохи сокрушения, и торжествующий возглас преодоления. Природа — книга, и, единожды отождествив одно с другим, Скворцов уже не будет ни топтать священного алтаря, ни молодецки сметать с него причастные чаши. Он уже послушник бескрайнего монастыря.

Так делается поэт, словами, пропахшими смолой, вырубани-ем в диком лесу языка прямых и безусловных жердей строк.

*Где соловей-разбойник в роще
Свистел под кроной золотой,
Теперь задумчивей, чем мощи,
Скрипит в болоте сухостой.*

*Вокруг туман черёмух белых,
И в серебристых круговерть,
А он стоит без птиц, без белок.
Стоит.
И наплевать на смерть!*

Нежданная концовка. Вся русская элегия вопиет к поэту: остановись, юноша, достойно оплачь несчастный сухостой, соедини себя с ним, представь свои годы многими и сокрушись,

и ужаснись, но у Скворцова — торжество. Сухостой — стоит. И плюёт в лицо смерти, потому что не верит в неё. Нет смерти в природе. Она кажется человеку, великий мираж, насланный на нас недобрым помыслом, она мнится нам, отпавшим от природы, испугавшимся её, но — на-пле-вать! Скрипи до края.

*Я не бегу. На свете смерти нет:
Бессмертны все. Бессмертно всё. Не надо
Бояться смерти ни в семнадцать лет,
Ни в семьдесят. Есть только явь и свет,
Ни тьмы, ни смерти нет на этом свете.*

Это будет сказано Арсением Тарковским только через четыре года, в 1965-м!

Бессмертие. Оно одно и занимало мысли народа, прошедшего через очередную погибель, опять приговорённого к ней малыми европейскими нациями. Мы все дети, внуки и правнуки спасшихся, случайно уцелевших. Вот отчего в нас дремлет и пробуждается культ Победы, названный врагами «Победобесием», а он — Победосвятие. Кому, как не Скворцову, знать об этом так же точно, как и всем нам остальным? Уже через несколько месяцев грянет Карибский кризис, и мир содрогнётся, осознав, как легко может исчезнуть, но только с глубочайшим осознанием того, что смерть иллюзорна, можно отступить от неё и тем снова её победить.

И вот — первая молитва:

*Здесь всё твоё:
Сплетения дорог,
И поезда трубящие,
И тройки,
И птицы,
Что кричат на ветках строк, —
Они ручные —
Позови их только.*

*Возьми здесь всё,
Что радует тебя:
Кувшинку,
Что в заре холодной тонет,*

*В горячем небе —
Диких голубят
И тополей зелёные ладони.*

Мне всё равно, кто адресат, возлюбленная или сам автор.
Когда так изъясняются, обращаются к Богу.

*...На загорелом теле сентября
Всё кровоточат
Пламенные рощи,
Мелькают тени
В глубине урочищ...
Оставь мне всё,
Что ранило тебя.*

Поэт говорит: я помню, как Тебя распинали. Благодарю Тебя за весь Твой свет, оставь мне участь принять и Твоё распятие, и взять на себя часть несения Твоего креста. Сто раз подумайте, прежде чем оспаривать.

Молитва вторая:

*Когда ударит от реки
В меня
Настой медовой ночи,
Вдоль зарастающих обочин
Ты зажигаешь светляки.*

*Моя дорога далека.
Сквозь запах осени бузинный,
Через продрогшие низины
По светлякам — по маякам.*

Кого ещё можно так окликать? «Ты» — зажигаешь. «Ты» — Творец и светляков, и рек, и низин, и вершин. И — концовка:

*А где-то около реки
Опять ты ждешь меня к порогу.
Над бесконечною дорогой
Всю ночь мерцают светляки...*

Блудный сын. Миллиарды блудных детей ищут пути домой.
Светляки веры горят вдоль наших дорог.

*Свеча на затуманенном окне.
Сосновый дух. Таинственные лики.
Через тайгу ты долго шла ко мне,
Пугая белок.
Кто тебя окликнул?*

*Стучал кузнечик из последних сил.
Бил по рукам крылом тяжёлый колос.
Ты уходила на далёкий голос...
Я до сих пор свечи не погасил.*

Кого здесь только нет: и Блока с его «Твоё лицо в его простой оправе / Своей рукой убрал я со стола...» — как отклик и как ответ, как возражение тому, что любовь смертна, и Тарковского с его «Свиданий наших каждое мгновение / Мы праздновали как Богоявление...» — такой ландшафт. Плоским и размеренным ему не быть.

Год шестьдесят первый. Увенчанный стихотворением «Нефть»:

*...когда моря, мечась, искали
названия и берега,
и, зубы плотные оскалив,
бросались птицы на рога,
когда ледник стучал капелью,
и первым градом лист секло,
и роица падали на землю,
сжимая зори и тепло,
вбирая капли огневые
горячих солнц,
вулканов зной, —
как стебель, кольца годовые
слоили эры
шар земной.*

Родилось чёрное солнце нефти. Сегодня, каким бы ни казался этот символ, зловещим или вещим, все мы под знаком нефти обречены и жить, и сражаться. Потому что именно наши углеводороды, помчавшиеся на Запад и Юг, обозначили очередную историческую трагедию: взойдя на нефтегазовых доходах, мы

снова сделались опасны для ревнивых соседей. Сначала они хитростью и коварством расчленили нас, потом — сделали возможной войну. И умываемся мы больше не чёрным золотом, а кровью, солнцем красным, которое вошло над нами. Знали ли сердце поэта о том шестьдесят с лишним лет назад?

Пусть поэт не отвечает. Ни к чему. Не нужно никаких уточнений тому, что уже пролегло через всех нас, уже оставило свой след. Оставил свой след и создатель этих строк. И ещё оставит, и никому не забудется ни юным, ни порывистым, ни произносящим в юношеском пылу то, что побоялись чувствовать и знать иные.

Людмила СТРЕЛЕЦ,
кандидат педагогических наук,
г. Челябинск

Стихия воды в лирике К. Скворцова

*Меж людьми и водой
Есть незримая Высшая связь.
К. Скворцов*

Андрей Белый, отмечая, что одни и те же явления природы в изображении поэтов разительно отличаются, предложил методику, позволяющую постичь и объяснить эти различия: «...проникновенье в цитату и в сумму их индивидуально всегда; нужна квинтэссенция из цитат — предполагающая нелегкую обработку словесного материала; невозможно ее мгновенное извлечение..., необходима путеводная нить — материал слов, образов, красок, рассортированный точно и собранный тщательно...». Такой подход, по мысли Андрея Белого, помо-

гает уловить индивидуальность поэта, «тончайшие нервы» его творчества [Белый: 1983, с. 551].

Воспользуемся советами А. Белого, обращаясь к лирике К. Скворцова, которая буквально пронизана образами воды. Мы исследовали представленный на сайте К. Скворцова архив, включающий лирические тексты, созданные с 1961 по 2017 год. Весь массив включает шестьсот законченных произведений. Это лирические стихотворения и тексты, которые по своей жанровой природе занимают промежуточное положение между стихотворением и поэмой («Камила», «Висячий мост»), а также такие жанровые образования, как венки сонетов. В одной трети всех текстов мы обнаруживаем образы водной стихии, а в каждом десятом произведении эти образы являются центральными.

Французский философ Гастон Башляр видел связь образов стихий с философией творчества художника, он полагал, что можно выделить различные типы художественного воображения в зависимости от того, с какой стихией они соотносятся [Башляр: 1998, с. 19].

В поэтическом мире Константина Скворцова реализуют свой сакральный смысл четыре основных стихии мироздания — земля и воздух, вода и огонь, но именно со стихией воды связано образование фундаментальных художественных образов, обладающих высокой степенью частотности. С этой стихией соотнесены названия сборников («Лунная река», «Берег милый. Лирика», «Чёлн для двоих») и стихотворений («Обь подо льдом», «Над тяжёлой рекой...», «Парус», «Над зелёной водою...», «Родники», «Океан Россия», «Святой колодец», «Баллада о Белой реке», «Баллада о Громатухе», «Два ручейка» и др.). Название не только концентрирует и шифрует смысл текста, включает читательские ассоциации, но и указывает на авторские раздумья о предмете изображения, намекает на литературную традицию, будь то пушкинская строчка или жанровый шлейф. Являясь самой сильной позицией текста, название маркирует ключевые смыслы, указывая на их значимость. Необычайно широк и семантический ореол стихии воды: река, ручьи, заводь, озёра, протоки, болота, море, океан, колодец, родник, ключ, прорубь, полынья, пруд, ставок, прибой, берег, залив, пристань, плотина, мост, бухта, катера,

плоты, паруса, мачта, весло, лодка, чёлн, омут, волны, пороги, плёс, корабль, причал, шторм, остров, фрегаты, мель, чайки, капитан, якорь, маяк, отмель, пароход, быстрина, рыба, сети, бредень, русалки, гарпун, подлодка, русло и др.

Один из самых распространённых мотивов в лирике К. Скворцова — мотив путешествия — связан со стихией воды. У этой стихии особые отношения с пространством. Реки, родники, озёра выступают единицами измерения пути лирического героя: *«Не километры что, а родники»* («Родники»), *«Но я впервые ощутил тогда, / Как скрадывают волны расстояние»* («Острова»), *«До тебя — две тысячи ветров и сто тысяч кипящих озёр!»* («На лице твоём...»).

Образ воды предстаёт как образ времени. Если говорить о природном времени, то поэту дороги летние и весенние пейзажи, когда человек особенно близок к стихии воды. Поэт, мастерски владея техникой светописси и цветописси, рисует воду зелёной, золотой, чёрной, белой, жёлтой, бирюзовой, оранжевой, водная поверхность предстаёт сияющей и зеркальной, отражающей свет окон, солнца, звёзд, луны.

*В залитой яме-западне,
Огромной
Затонувшей розой
Заря
Покоится на дне...*

Образы природы воспринимаются не только визуально, поэт помогает нам услышать звуки, рождаемые водной стихией. *«Родник стучится»*, *«до звона натягиваются ручьи»*, *«вода на перекате журчит»*, *«в скалы бьют ручьи, как в сваи»*, *«речка падает, как сокол, в ущельях гулких клокоча»*, звучит *«водопада свинцовый язык»* и только *«немой ручей в огромном русле»* пересохшей реки лишён голоса.

Образы водной стихии в поэтическом мире Константина Скворцова имеют прямое отношение и к биографическому времени. Для поэта обращение к детству и юности неизбежно связано с дорогими его сердцу речками. Картины детских воспоминаний, где *«всё так же / К речке ходит мама / С бельём в корзине у ремня»* («Лунная река»), где грезится встреча *«со старым до-*

мом, / Много лет, / В ночи, / Как якоря бросающим / В реку /
Окон тяжёлый свет...» («Гудящий двор»), овеяны светлой гру-
стью. Понимание невозможности вернуться в прошлое воспри-
нимается лирическим героем, как «предательство реки»:

*Могу понять и подлость вьюги,
И холод поданной руки,
Потерю слов,
Измену друга...
Но —
Не предательство реки.*
(«Лунная река»)

Всё чаще звучит мотив и о предательстве человека по отно-
шению к реке.

*Догорели берёз восковые, прозрачные свечки.
Вы отдали себя,
а во имя чего, мои речки?
Ваш смертельный порыв
и сегодня остался не понят.
Ну, а внуки мои
даже ваших названий не вспомнят.*
(«Вышел на берег я...»)

Образы водной стихии маркируют определённые этапы
жизненного пути лирического героя. Так, в стихотворении
«В Монастырском» (1991) поэт трижды обращается к образу
Вишнёвого омута, с которым связывает рождение, течение са-
мой жизни и смерть.

*Здесь, где ива расколота
Зноем дальнего дня,
У Вишнёвого омута
Мать вскормила меня.*
.....
*Пусть душа перемолота,
И все раны свежи, —
У Вишнёвого омута
Очень хочется жить!*
.....

*Ну, а коль неминуемая
Полоснёт, полоня,
Знаю, ива скрипучая
Здесь оплачет меня.*

Наряду с природным и автобиографическим временем стихия воды почти всегда оказывается связанной с вечностью, это отчётливо видно, когда мы обращаемся к образу реки в лирике К. Скворцова, которая является одной из констант его художественного мира. Иногда она имеет своё имя (Обь, Ай, Белая, Громатуха, Лемеза ...), но чаще это просто река, подобная реке Гераклита, в которую никому не дано войти дважды, или Екклесиаста («все реки текут и возвращаются, чтобы опять течь»). Амбивалентность стихии воды, дающей и забирающей жизнь, восходит к её глубинным мифологическим смыслам. Сравнение потока жизни с течением реки у К. Скворцова часто реализуется через мотив плаванья: «Журавлиный плёс», «Баллада о Белой реке», «Лемеза», «Седьмой». В каждом из этих текстов «можно вечность потрогать рукой», как в стихотворении «Седьмой»:

*Долго идём мы
то полной водою, то вброд.
Близится устье,
и спросит нас строгий
Господь
Прежде,
чем мы затеряемся
в звёздной золе:
— Что вы свершили?
Что знали на грешной земле?
Что мы ответим,
не ведая жизни оков,
Шесть непутёвых,
уже неземных мужиков?
— Что мы вершили?
Ходили по белой реке!
Вот, как медали,
мозоли горят на руке.*

*Курс не меняли,
садясь не однажды на мель,
Мы не искали
воспетых, заморских земель.
Кланяясь каждой пещере
и каждой лозе,
Мы уходили в туман
и теряли друзей...
Но
всякий раз,
просветляя кромешную жуть,
Нас выносила река
на спасительный путь!..
.....
И улыбнётся Господь
нам, мальчишкам седым:
— Разве не я
был у вас в экипаже седьмым?!*

Валентин Распутин когда-то вложил в уста героя повести «Дочь Ивана, мать Ивана» фразу «А все реки мимо Бога протекают» [Распутин: 2004, с. 44], обозначив таким образом существующую в русской мифологии и культуре связь между стихией воды и вечностью, присутствует эта связь и в лирике К. Скворцова. Она связана не с «пессимистическим» пониманием жизни, а со спокойным и мудрым взглядом на неё. Однако мотив воды и смерти в стихах поэта может быть и мистически окрашен. В колдовской таинственный мир мы попадаем в таких произведениях поэта, как «Камила» и «Висячий мост», где стихия воды оказывается границей двух миров — «этого» и «того» света. Нарушая запрет, не слушая отцовского совета не подниматься выше Змеиной заводи, лирический герой идёт к Верхнему Ключу, теряет любовь, переживает трагедию забвения, но возвращается назад изменившимся, познавшим спасительную силу творчества, сумев, «вырвать чудо из воды» («Камила»). Похожий сюжет положен и в основу «Висячего моста». И снова герой не слушает людской молвы, попадает под власть колдовских чар, оказывается на мосту, где *«зелёная вода / Кипит, — / И от неё все беды. / Как ласточки на проводах, / Качаются на тросах ведьмы...»*.

Чтобы попасть в царство мёртвых, нужно спуститься в колодец, на который указывает ему старуха-знахарка.

*Сомкнулась неба полынья,
Но слышу,
Что она смеётся...
И кажется мне,
Что не я,
А старая — на дне колодца!
Что глубины густая мгла
Над нею
Вечно будет литься,
Что между нами
Пролегла
Миров Неведомых Граница!..*

Игра отражений на водной глади, сравнение поверхности воды с зеркалом встречаются в стихах К. Скворцова не раз, но

в данном случае всё это обретает сакральный смысл потому, что указывает на границу между мирами, предупреждает об опасности, смерти, забвении:

*А я,
Склонясь над родником,
Гляжу в глаза
Седого старца,
Не понимая ничего!.. Что седина мне?
Что морщины
Его?..
По глади родника
Ударил я,
И грянул ливень,
Пронизывая облака!
Дождя холодное причастье! Тяжёлых туч колокола!..
...Мать говорила, что к несчастью,
К несчастью бьются зеркала.*

К народной мифологии восходит и встречающийся в лирике К. Скворцова мотив испития воды. Это действие для лирического героя исполнено глубокого значения: «...почитаю за большое счастье / Воды студёной из реки испить». Вода может быть живой и мёртвой, злой и доброй, святой и заколдованной («Сестре Гале», «Родники», «Святой колодец», «Лемеза»).

*Ты не пей злую воду, —
Просила сестрица,
Но не слушал мальчишка
Разумной мольбы...
И я с жадностью выпил тогда
Из копытца
Недозволенно много
Волшебной воды.*

Метаморфозы водной стихии, воплощающей то жизнь, то смерть, всегда волновали поэта. Особенно сильно эта тема звучит в стихотворении «Отец».

*Умирая, отец попросил
У меня родниковой воды.
Как на праздник рубаху надел,
Чуть цеплялась за тело душа...
И народ удивлённо глядел,
Как он медленно пил из ковша.*

*Видно, думал, что силы вернёт
Эта влага... Но чудилось мне,
Что он хочет узнать наперёд,
Как там холодно, там в глубине...*

Живая и мёртвая вода — одна из ключевых оппозиций в творчестве К. Скворцова, через которую реализуется и тема судьбы России. В чистой студёной воде родников, святых колодцев, полноводных рек и озёр таится её сила. Наоборот, погибающие реки, исчезающие родники, пересохшие святые источники — знаки беды. Мечта и мольба о спасении связана со стихией воды водой:

*Что б ещё попросил я
Над святою водой?
Чтоб омылась Россия,
Снова став молодой.*

Вода в лирике К. Скворцова — это не только начало и конец всего сущего, но и источник духовного возрождения и творчества, символ полноты жизни и любви. «И, если нужно жизнь начать с истока, я брошусь в синь волшебного потока, — вновь молодым и сильным обернусь», — восклицает лирический герой (Венок сонетов, 1999).

Стихия воды и стихия любви всегда были тесно связаны в творчестве поэта. Река часто оказывается тем фоном, на котором разворачивается любовная история:

*Там на речке, на Аю,
У Европы на краю,
Звал тебя я Никою
И кормил брусникою.*

*Где та неба бирюза?
Где озёра, как слеза?
Где вобравшие полмира
Хвойные твои глаза?*

(«Там, на речке...»)

Со стихией воды связан мотив расставания («На пристани», «Прощание», «Два ручейка» и др.). На этом этапе выстраивается своя система оппозиционных образов: море, волна, пучина, океан и пристань, гавань, причал, берег. Первая группа образов связана с движением, вторая — с остановкой движения. Вода оказывается силой, разделяющей влюблённых.

*К чему слова, когда зовёт пучина
И чайка, словно ворон, над водой.
Я ухожу один. Ведь я — мужчина.
На небо всходит месяц молодой.*

(«Прощанье»)

Однако она может и сближать. И берег, от которого когда-то «уходил» лирический герой, может стать желанным. Любовь в лирике поэта подобна водной стихии, не имеющей пространственных и временных границ.

В поэтическом мире Константина Скворцова стихия воды занимает центральное место, она вбирает в себя множество смыслов: связь времён, символ жизненного пути, граница между мирами, метафора жизни и смерти, источник исчезновения и возрождения, любви и вдохновения.

Список литературы

1. Башляр, Г. Вода и грезы. Опыт о воображении материи / Г. Башляр / пер. с фр. Б. М. Скуратова. — Москва : Изд-во гуманитарной литературы, 1998. — 268 с.

2. Белый, А. Поэзия слова: Пушкин, Тютчев, Баратынский в зрительном восприятии природы / А. Белый // Семиотика. — Москва : Радуга, 1983. — С. 551–556.

3. Распутин, В. Г. Дочь Ивана, Мать Ивана / В. Г. Распутин. — Москва : Молодая гвардия, 2004. — 224 с.

4. Скворцов, К. В. Поэзия К. Скворцова / К. В. Скворцов. — URL: <http://skvortsov.k.ru/writings/poeziya/>.

Виктория ВОЛКОВА,
доктор филологических наук,
Челябинская область,
г. Магнитогорск

**Аллюзия как механизм
актуализации интертекстуальности и её функция
в «Венке сонетов» (1999 г.) К. В. Скворцова**

Поэтическое наследие К. В. Скворцова вызывает интерес исследователей и оказывается в центре их внимания в силу того, что поэт в разные периоды творчества активно экспериментирует. Как подлинно талантливая личность, он остается открытым для создания новых творческих проектов, часть из которых можно назвать репликативными. Обращение поэта к определённой теме, жанру на разных этапах его деятельности даёт возможность увидеть, как менялись взгляды творческой личности, как переосмысливалось прожитое, как личное бытие сопрягалось со всеобщим. В таком контексте представляют бесспорный интерес для литературоведов «Венки сонетов» К. В. Скворцова, написанные в определённые периоды жизни (ежегодно с 1978 по 1980 г. и с 1998 по 2000 г.) и, вероятно, приуроченные к сорокалетию и шестидесятилетию поэта. Одновременно «Венки сонетов» представляют своего рода трилогии и являются своеобразными консеквенциями, постулирующими результаты творческой деятельности. Этим во многом объясняется, почему при всем тематическом многообразии традиционная для русской литературы тема назначения поэта и поэзии (а «поэт в России больше, чем поэт») в той или иной мере актуализирована в каждом из «Венков сонетов».

С точки зрения содержания «Венки...» отличаются особой философией жизни, пониманием человеческой природы и взглядом, направленным внутрь себя. Поэт подводит своего рода определённый итог пройденному жизненному пути,

и наблюдения художника эпохальны. Пристальное всматривание в себя рождает эффект не только предельной исповедальности, но и интимности, ведь обнажённая душа поэта предстаёт перед читателем со всеми её сомнениями, метаниями, интуитивными прозрениями с их противоположностью рациональности объяснения и рассудочности оценок, поиском ответа на самые важные для человека вопросы («Чего ты ищешь в мире, человек?»). К сожалению, рамки статьи не позволяют показать всю многослойность «Венков сонетов», особенно в разрезе компаративного и интертекстуального анализа, поэтому весьма перспективным для отдельного литературоведческого исследования является изучение всего корпуса сонетов и их роли в творчестве К. В. Скворцова, ведь эта стихотворная форма в силу своей интертекстуальности открывает возможности разнообразной интерпретации в рамках герменевтического подхода. Не менее интересен будет и анализ метатекстуальных связей поэтического наследия К. В. Скворцова с его мемуарами «Иное время», дающий возможность выявить эпохальное значение творчества этого самобытного художника слова.

Уникальность «Венка сонетов» (1999 г.), являющегося предметом исследования в данной статье, состоит в сложности ассоциативных рядов, объективированных многообразными аллюзиями, вызывающих в сознании реципиента когнитивные реакции, порождающие желание откликнуться [1, с. 247]. Поэт провоцирует читателя на диалог, создавая художественное пространство с возможностью бесконечных интерпретаций [3, с. 68]. И чем богаче читательский опыт реципиента, тем больше интертекстуальных слоев удаётся разглядеть. Как следствие, возникает постоянное желание перечитать ещё раз, вступая в очередной диалог не только с самим поэтом, но и со всем наследием мировой литературы, к которому отсылает конкретное произведение. Закономерно, что аллюзия в «Венке сонетов» (1999 г.) выступает в качестве одного из ведущих приемов и механизма актуализации интертекстуальности художественного дискурса.

В отличие от реминисценции, аллюзия имеет интенциональную направленность на реципиента, осознанность со стороны автора [2, с. 36], что закономерно, когда речь идет об осмысле-

нии темы назначения поэта и поэзии, которая в данном «Венке сонетов» является ведущей. Многочисленные отсылки к мировому литературному наследию выступают в качестве дискуссионного поля и с классиками, и с современным читателем, ведь К. В. Скворцов предлагает свое видение традиционной темы, отстаивая право сказать свое слово в литературе, право, которое А. Т. Твардовский точно обозначил двумя предложениями: «Сказать хочу. И так, как я хочу».

Символизм первого сонета в «Венке сонетов» (1999 г.) К. В. Скворцова обусловлен прежде всего гипертекстуальной отсылкой к таким произведениям мировой литературы, как «Божественная комедия» Данте и «Пророк» А. С. Пушкина. Показательна аллюзийная сопряженность первых строк указанных произведений:

*Чем ближе к зрелости, тем ближе к Богу, —
Так думал я... И было так всегда
С тех пор, как в небе вспыхнула звезда,
Дарящая покой, а не тревогу.*

*Так почему нас тянет не туда,
Где райский свет небес разлит по логу,
А в бездну, в пекло, к самому порогу,
Куда попасть не стоило труда? [6]*

Осмысление уже пройденной части жизненного пути и подведение первых итогов свидетельствует о достижении личностной и возрастной зрелости. И этот мотив является аллюзийным, поскольку эксплицитно связывает символические образы «сумрачного леса» [4, с. 13] Данте, «пустыню мрачную» [5, с. 82] А. С. Пушкина, дорогу к Богу К. В. Скворцова, с которой «тянет не туда» свернуть. Традиционный образ жизненного пути, на котором неизбежны остановки для того, чтобы понять, в нужном ли направлении движешься, осмысливается поэтами как мотив дороги к своему раю или аду. Герой Данте проходит ад, чистилище и рай; пушкинский герой переживает метаморфозу, обретая благодаря встрече с шестикрылым серафимом своё божественное назначение; тернистый путь героя К. В. Скворцова к Богу тоже ведет к личностной трансформации, в результате которой он от-

крывает глубину таких смыслопорождающих понятий, как свобода, любовь, красота, и пониманию того, что он, «счастливый раб», приговорён «к Высшей Мере» — писать теми же «тремя перстами», которыми и молится.

Аллюзии К. В. Скворцова помогают обнаружить текстуальные отсылки не только к «Аду» Данте («*Так почему нас тянет <...> в бездну, в пекло, к самому порогу*» [6]), но и к Библии («*И было так всегда / С тех пор, как в небе вспыхнула звезда, / Дарящая покой, а не тревогу*» [6]). Поэтом интертекстуально осмысливается образ Вифлеемской звезды, появление которой, связанное с рождением Христа, дарует лирическому герою «покой, а не тревогу», поскольку фиксирует ось времени всего человечества (от Рождества Христова), но не спасает каждого из нас от сомнений в правильности своего пути. Поэт создаёт семиотическое пространство, показывая некий хронологический барьер, который на определённом этапе преодолевает каждый человек: это период зрелости. Динамика времени (от времен Ноя к себе настоящему) напрямую сопряжена с динамикой пространства, с его рельефом (вершина — пропасть, небо — бездна). В прошлом герой ищет подсказки, поэтому просится попутчиком к Ною, прародителю ныне живущих, сумевшему спастись в момент распада времен на до потопа и после. Бесценный опыт прапращура, по мнению лирического героя, способен подсказать, что ищет в мире человек, ведь зрелость даже с её стремлением к Богу не даёт ответа на этот вопрос. Рефлексии героя не позволяют ему ответить на вопрос, почему человека «*тянет не туда, / Где райский свет небес разлит по логу, / А в бездну, в пекло, к самому порогу, / Куда попасть не стоило труда*» [6]. Герой К. В. Скворцова испытывает те же чувства, что герой Данте, для которого прожитая жизнь подобна сумрачному лесу, тьме долины, в которой потерялся «правый путь».

Поиск ответов на вопросы, поставленные в первом сонете и пятнадцатом центоне, продолжается в срединных сонетах. При этом ответы лишены всякой однозначности, поскольку поэту важно спровоцировать реципиента на свой поиск. В финальном сонете лирический герой приходит к выводу, что благодаря таланту свою дорогу к Богу он обнаружил ещё при

жизни. Этот гипертекстуальный мотив встречи с Богом есть в финальных строках «Пророка» у А. С. Пушкина. Примечательно, что пушкинская встреча происходит как бы случайно, не по воле самого героя, в то время как герой К. В. Скворцова сознательно стремится в обитель Бога, спасаясь от земного острога.

*Мы привыкаем к ближним, как к острогу
Земного бытия. Нам смерть — побег
К Нему. О, стражи, не судите строго,
Что я простую истину отверг
И, отыскав заветную дорогу,
Ушёл живым, а не окончив век [6].*

В финале оба лирических героя продолжают жизненный путь по «заветной дороге», указанной божьей десницей (сравним с пушкинским: «И, обходя моря и земли, / Глаголом жги сердца людей» [5, с. 92]).

В четырнадцатом сонете вслед за классиком XIX столетия К. В. Скворцов пишет о высоком назначении поэта, заключающемся в том, чтобы лирой души пробуждать: «Пишу тремя перстами, как молюсь. / И, если твоего коснётся слуха / Моя молитва, значит, жил для Духа...» [6]. «Жить для Духа» воспринимается как поэтическое кредо, поскольку лирический герой страдает от того, что у него «не крылья за спиной, а торба, / И сердце безнадёжно бьётся в рёбра / Земного бытия» [6]. Такая телесность, очевидно, тяготит поэта, поскольку отвлекает от главного — от выполнения своего предназначения. Этим объясняется, почему в таком поэтическом контексте смерть воспринимается как «побег».

Поэту важно быть услышанным, поэтому он дорожит тем, что, живя «для Духа», может своей молитвой (творческой исповедью) коснуться слуха (души) своего читателя. Аллюзия в данном контексте получает эксплицитное выражение (сравним с пушкинским стихом: «Моих ушей коснулся он...» [5, с. 82]). Аллюзия выступает в качестве приема и в двенадцатом сонете, когда герой признаётся, что божий дар позволяет ему «миров далеких слышать дуновенье», упиваться красотой «бабочки простой, / В огонь летящей, словно на постой / Неодо-

лимо вечного мгновенья» [6] (у А. С. Пушкина: *«И внял я неба содроганье, / И горный ангелов полёт, / И гад морских подводный ход, / И дольней лозы прозябанье»* [5, с. 82]). Оксюморон последнего стиха К. В. Скворцова позволяет осмысливать творчество как стремление с импрессионистической точностью зафиксировать красоту момента. Это служит объяснением, почему поэту суждено *«мучиться <...> красотой, / Явившейся на свет во дни творенья»* [6].

Во втором сонете К. В. Скворцов указывает на ещё одну особенность поэтического мировосприятия, которую характеризует как полёт не знающей суеты души «на вечный поиск красоты». Причём красота в представлении поэта неотделима от внутренней свободы (*«Душа свободы жаждет»* [6]). В таком контексте тема назначения поэта интертекстуально сопрягается с пушкинской темой творческой свободы, получившей развитие в стихотворении «Поэт и толпа». К. В. Скворцов противопоставляет поэта, живущего «для Духа», присосавшемуся моллюску. Этот метафорический образ крайне важен: моллюск вызывает ассоциацию и с обывателем, видящим мир, как «устрица из раковин вещей», и с конформистом, приспособившимся к своему времени и научившимся петь с ним в лад. Для героя К. В. Скворцова свобода духа — это право оставаться верным себе и своему назначению (*«чтоб только быть и сметь / Самим собою»* [6]), стремиться к красоте, а не к бессмертию (*«Бессмертье — не спасенье, а морока. / Но красота не ведает порока, / Она — свобода»* [6]), достойно пройти все испытания, оставшись молодым душой и сильным духом (*«И, коль зерно катком в муку расплющим, / Из-под асфальта вырвется побег»* [6]). Творческая свобода в представлении К. В. Скворцова неотделима от ответственности перед Отчизной: герой готов вместе со своим народом пережить «вселенскую разруху» и увидеть Русь «святой и белой». Этот аллюзийный патриотический мотив является сквозным в отечественной лирике, ведь русские поэты не отделяли свою жизнь от судьбы России.

Таким образом, возможность взаимодействия поэта и читателя в «Венке сонетов» (1999 г.) К. В. Скворцова во многом обеспечивается благодаря мощному интертекстуальному пласту художественного дискурса, а аллюзия становится не только

частным приёмом, обеспечивающим диалог автора и реципиента, но и коммуникативным конструктом, помогающим постичь глубину художественной реальности.

Список литературы

1. Арнольд, И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / И. В. Арнольд. — Санкт-Петербург, 1999. — 443 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Диалогическая цитация: К проблеме чужой речи / Н. Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. — 1986. — № 1. — С. 28–41.
3. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. — Москва : Наука, 1981. — 140 с.
4. Данте, А. Божественная комедия / А. Данте. — Москва : Правда, 1982. — 640 с.
5. Пушкин, А. С. Собр. соч. в 10 томах. Т. 1 / А. С. Пушкин. — Москва : Художественная литература, 1974. — 685 с.
6. Скворцов, К. В. Венок сонетов / К. В. Скворцов. — URL: <http://skvortsov.k.ru/writing/venok-sonetov-8/>.

Алексей КАЗАКОВ,
литературовед,
г. Челябинск

Сын отечества

Константин Васильевич Скворцов родился 13 апреля 1939 года в городе оружейников — Туле, в Демидовской слободе. Когда началась Великая Отечественная война, семья Скворцовых эвакуировалась в другой город оружейников — Златоуст.

Отец, Василий Михайлович, работал на военном заводе, был знаком с И. В. Курчатовым. Мать, Анна Сергеевна, архивист

по профессии, отличалась любовью к народной песне. Её образ поэт запечатлел во многих своих стихах, ставших известными песнями (как пример — «Матушка пела»). «Матери ласковый взгляд и нехитрое слово» оставили глубокий след в душе Константина Васильевича. Детство и юность, проведённые в Златоусте, сформировали раннюю лирику Скворцова.

Художник слова общероссийского масштаба, он и начинал с лирических признаний, опубликованных в его первом поэтическом сборнике «На четырёх ветрах», вышедшем в Челябинске (1966).

О природе своей поэзии Скворцов писал в прозаическом лироэпическом эпиграфе к ранней автобиографии:

«Рысь, лежащая в развилке могучей лиственницы, вдруг зашевелила кисточками ушей, и вальдишней, вытащив из лужи свой тонкий клюв, побежал прочь по сырой, усыпанной жёлтыми иголками, земле...

Уреньга... На твоих голубичных коврах греются скалы. С вершин длинными серыми ящерицами сползают в тайгу тёплые каменные россыпи. Меж камней стремительными зелёными кострами вырываются кусты малины в искрах ягод.

Ручей, бречащий из-под скалы, замирает в замшелом колоде. Над зарослями клёнов и черёмух фейерверком взлетают спелые гроздья рябин. Меж ветвей сизой паутиной висит дым нашего костра. Ружья наклонены к стволу берёзы...

Крупная капля дождя ударила ромашку, и та закачалась... Сколько костров разложили мы на этих склонах... Сколько выслежено тетеревиных токов, сколько подслушано глухариных песен... Сколько серебряно-синих форелей выбрасывалось из ручьёв, приветствуя нас тёмными плавниками...

На этих склонах — истоки наших дорог.

Мне 26 лет. Шофером, трактористом, рабочим изыскательских партий, сплавщиком леса бродил я по дорогам Сибири и Урала, Казахстана и Севера.

Там ко мне пришли стихи, стихи о романтиках, о «ветре, что юности бьёт в паруса», о трудных дорогах, о первооткрывателях новых троп и городов. Эти стихи и составили мою первую книжку».

Поэтический узор-пейзаж той первой книжки напоминал объёмную гравюру на стали златоустовских мастеров:

*Спит земля, распластав по равнинам
мускулистые руки хребтов,
одеяла из туч откинув
на холодные плечи ветров.*

Впитав с малых лет любовь к неповторимой первозданно-суровой красоте Южного Урала, Скворцов-поэт, а позднее драматург, всё время возвращается в свое уральское детство, вспоминая Златоуст и его окрестности не как поселение, а как начало (устье) своей творческой судьбы:

*Золотая верста.
Конь крылатый над синею Русью,
Дорогие места —
Златоустье моё, Златоустье!..*

Неслучайно Константин Скворцов был избран Почётным гражданином Златоуста.

Как признание звучат слова Евгения Евтушенко, сказавшего: «Скворцов прибавил мне поэтическую жадность к Уралу, к тому, что связано с его историей, традициями, тружениками. Спасибо ему за это».

Одновременно с творческим ростом складывалась и трудовая биография поэта, который после окончания сельхозинститута прошёл путь от совхозного тракториста до механика цеха трубопрокатного завода (1961–1969).

Впервые «откликной голос» Златоуста прозвучал в первой пьесе — «Ущелье крылатых коней», премьера которой состоялась в челябинском ТЮЗе в 1972 году. И затем, на протяжении последующих десятилетий Скворцовым-драматургом было создано почти два десятка поэтических драм («Алёна Арзамасская», «Кибальчич», «Западная трибуна», «Ванька Каин», «Бумажные птицы» и другие). Герои его пьес были сразу замечены театральной критикой. Старейший московский театровед Я. В. Апушкин назвал свою рецензию о героях первых пьес Скворцова «Люди из легенды» (*журнал «Театральная жизнь», 1977*). И позднее театральная общественность с инте-

ресом воспринимала премьеры очередных пьес уральского драматурга. В то же время в самом Челябинске вокруг Константина Скворцова сформировалось творческое окружение из литераторов, режиссёров, актёров, композиторов, художников (Т. Махарадзе, Н. Орлов, Л. Головницкий, Т. Сельвинская, Н. Аникин, Е. Гудков, П. Маштаков, Р. Дышаленкова).

Особо отмечу мотив гражданской позиции поэта-патриота в произведениях Скворцова, будь то сборник лирики или трагедия в стихах из российской истории XVII века. Достаточно четырёх строк, чтобы понять это:

*Как же враги не смогли
Слово отнять у народа?
Просто у русской земли
Не было среднего рода!*

Его гражданский поэтический завет начертан на Щите и Мече (работа златоустовских мастеров) в музее Великой Отечественной войны на Поклонной горе в Москве:

*Россияне! Не уроним чести
И плечом к плечу сомкнёмся впредь,
Выстоять дано нам только вместе,
Порознь — только умереть...*

К. Скворцов — единственный среди писателей-уральцев, получивший народную премию «Светлое прошлое» (2004). Эта премия даётся тем челябинцам, которые прославили нашу область за её пределами. Тридцать лет он живёт и работает в Москве, но с дорогим для него Южным Уралом не теряет творческой связи. Неслучайно родилось у него стихотворение «Родина», где слова «*Не может Родина быть малой с такой великою душой*» стали крылатыми. В этом особенность его поэтического дара — афористичность и крылатость, игра ума и заострённость мысли в восприятии окружающего мира. Достаточно перелистать многочисленные сборники Скворцова, где каждая страница звучит как духовное открытие. В стихе он одновременно спринтер и стайер, то есть способен короткое дыхание слова перевести в пространный монолог драматиче-

ской исповеди героя, причём сохраняя лирическое начало философского откровения. Таков, например, монолог учёного-народовольца Николая Кибальчича:

*В предчувствии величия открытья
Восторг сжмает горло и в мгновенье
Так разгоняет сердце, будто скачут
В тебе десятки сильных кобылиц!..
Поди останови разгорячённых,
Полыню опьянённых лошадей,
Когда ты сам не человек, а поле,
Пронизанное мыслью, словно солнцем!..
Скачите, кони! Гулко бейся, сердце!
Гони, восторг! И зеленой, трава!..*

Создание пластических характеров в разных исторических эпохах извлекает из словесных недр глубокое философское мышление. Это то, чем отличалась и запомнилась поэтическая драматургия времён Шекспира и Мольера. Свободно перемещая исторические эпохи Руси-России от мастерового Ивана Бушуева до академика-атомщика Курчатова, Константин Скворцов создаёт собственную «национальную галактику» (Г. Марков).

Поэт Егор Исаев, хорошо знавший творчество нашего поэта-драматурга, говорил: «Скворцов чувствует историю как современность, а современность рассматривает с удивительной исторической ответственностью. Живёт сегодняшней политикой, с хорошей памятью...».

Интересно, что и самому Скворцову почитатели его таланта посвящали стихи.

Приведу такие строки-посвящения:

*Есть мужики в литературе —
Особая порода, статья.
Им брёвна топором ошкурить
И книгу, как судьбу, сверстать...*

И здесь впору вспомнить поэтическое некрасовское слово-отзвук из XIX века:

*Одно заметил я давно,
Что, как зазубрина на плуге,*

*На книге каждое пятно —
Немой свидетель о заслуге.*

Вот и неустанный плуг Константина Скворцова продолжает пахать на общей ниве отечественной словесности, прокладывая борозды благодатной исторической памяти, оставляя на себе зазубрины-затеси. Каждая из которых являет собой либо драматические произведения («Пока есть музыка и память», «Бестужев-Марлинский», «Георгий Победоносец», «Константин Великий», «Юлиан Отступник», «Иоанн Златоуст», «Царские игры», «Игра в шашки», «Дар божий», «Камила», «Висячий мост», «Платформа»), либо лирические откровения отзывчивой души («Берег милый», «Родовое гнездо», «Сонеты»).

А цену глубокой вспашки Скворцов знает досконально и как бывший механизатор-тракторист, поднимавший полвека назад пласты-залежи целинных земель в далёкой Туве, и как мастер-профессионал поэтического образного слова, что звучит и поныне страстно и притягательно со страниц новых книг («Прокричи мне, мой чибис!», «Чёлн для двоих», «Иное время», «Отбившиеся от Вселенских рук...») и на театральных подмостках в разных городах России — от Златоуста до Санкт-Петербурга. В многомерном огневом скворцовском притчевом слове по-прежнему явственно ощутим бег и шум былого исторического Времени (в ахматовско-мандельштамовском смысле-контексте) с прямой проекцией в день нынешний нашего многострадального Отечества. Как о том сказано со всей определённой у самого поэта-драматурга:

*Я не устану всюду повторять
И называть своими именами
То, что веками выстрадано нами:
Отечество, Любимая и Мать.*

Этих «слов сокровенная вязь» сближает нас, читателей, с летописными сказаниями «Слова о полку Игореве», утверждая истину многовековой мудрости и мощи былинной Руси о том, что жив великорусский обжигающий глагол, запечатлённый на скрижалях нашей истории возгласом: «Сим победиши!».

...Хорошо помню, как в далёкие 1970-е годы на улицах Челябинска на театральных тумбах повсюду виднелись афиши с названиями разных пьес: «Ущелье крылатых коней», «Отечество мы не меняем», «Ментуш», «Легенда о белом дереве». Автором всех этих пьес был местный драматург — Константин Скворцов.

Минули десятилетия, пройден большой творческий путь автора и его сценических героев — от уральского Таганая до столичного холма Победы.

Сегодня имя Константина Васильевича Скворцова звучит в полный голос, а его произведения занимают значительное место в литературной летописи Южного Урала и России. Известный Сын своего Отечества, он, укреплённый молитвой матери «пред Взирающим Спасом», до сих пор постигает вещую тайну своего Времени и иных дальних веков...

Галина ДАНИЛЬЦЕВА,
старший научный сотрудник
Дома-музея Марины Цветаевой,
г. Москва

Единственная встреча, или Страсти по сонету

Да, встреча была единственной. И всё-таки, с тех самых цветаевских дней октября 2019-го (Казань, Елабуга, Набережные Челны), она остаётся подарком и, вопреки жизни разлучающей, длится. Живёт в памяти нетускнеющим воспоминанием, продолжается разговором, нет — скорее вслушиванием в монолог поэта, драматурга, мыслителя, фантастически мощного человека во всех проявлениях — Константина Васильевича Скворцова.

Книгу-подарок «Лирика», того же 2019 года издания, так и не поселила на полочку рядом с другими драгоценностями — жизнь долгая, встреч много... только бежит слишком быстро. Константина Скворцова держу не столько под рукой, сколько

поближе к глазам и сердцу — уж больно слово его по сердцу (намеренный повтор!).

Константин Васильевич ошеломил в те елабужские дни. Каюсь, не знала, не читала, а потому и открыть — полюбить этого поэта не могла. Конечно, песен на стихи Константина Скворцова — кто только их не пел и не поёт! — не слышать не могла, но соединить слово, живущее уже как-то самостоятельно или присвоено исполнителями, с их живым, вполне реальным творцом не сумела.

С первого взгляда и с первого слуха было ясно — поэт, мастер. Заслушалась. Восхитилась, даже изумилась. Заробела: так сказать, так дышать, так любить, так жить! И чтение — исключительно по памяти...

То было чтение со сцены, разделённость пространства — отдалённость попеременно читающего и слушающего. К тому же получила от мастера из зала укор за чтение с листа — это не по его меркам и несомненно справедливо...

А вот когда случилось чтение у вагонного окна (тема дороги — тема скитальца Константина Скворцова) — выпала совместность дороги до Москвы, когда сонет за сонетом, венки за венком, когда чтение шло потоком, накрывающим и возносящим одновременно, чарующим, ошеломляющим и, конечно, только по памяти, вот тогда-то и стало ясно, что рядом больше, чем Человек — Поэт! Ведь, по Цветаевой, «Поэт — утысячерённый человек».

Вот поэтому и мою жизнь немножечко прожил и знает про наше с мамой крылечко, речку и черёмуху.

*Так что же нужно нам для счастья
Здесь, на земле?.. А лишь всего,
Всего лишь чистое крылечко
Да палисадник в три окна,
Чтоб под горой бежала речка
И чтоб черёмуха цвела!*

Моё... Хотя я безумно люблю сирень!

Перелистывая миги этой единственной встречи в несколько дней, я понимаю, что жизнь расщедрилась ещё раз и, может быть, на прощанье подарила встречу здесь, под небом,

а не только в книгах, с непостижимостью, которая и есть Поэт. «Настоящий поэт среди поэтов так же редок, как человек среди людей», — скажет любимейшая и необходимейшая Цветаева. Не оспаривая гения, хочется с надеждой думать, что Поэт всё-таки большая редкость, чем Человек.

Сегодня эта надежда на то, что Людей на нашей *круглой воюющей земле* много для того, чтобы победить нелюдей. Слово, сказанное Поэтом, звучит сквозь время, звучит, нуждаясь в услышанности.

В Центральном музее Великой Отечественной войны на Поклонной горе в Москве установлены Щит и Меч Победы, а на них золотом выгравированы слова:

*Россияне! Не уроним чести
И плечом к плечу сомкнёмся впредь.
Выстоять дано нам только вместе,
Порознь — только умереть!..*

А Мариной Цветаевой ещё 3 октября 1915 года была дарована нам, людям земли, правда, которая и в новом XXI веке не услышана:

*Я знаю правду! Все прежние правды — прочь!
Не надо людям с людьми на земле бороться.
Смотрите: вечер, смотрите: уж скоро ночь.
О чём — поэты, любовники, полководцы?

Уж ветер стелется, уже земля в росе,
Уж скоро звёздная в небе застынет вьюга,
И под землёю скоро уснём мы все,
Кто на земле не давали уснуть друг другу.*

Вот оно — доказательство, что все Поэты и во все времена поют Жизнь и Любовь и говорят нам Правду, спасительную и спасающую. Остаётся только услышать...

У поэтов, Цветаевой и Скворцова, есть родство. Нужно ли приводить примеры? Но разве случайно Скворцов эпитафией к главке «Помолчим и послушаем жизнь...» выберет слова из Иоанна Богослова, как и юная Цветаева в своей первой книге? «...Боящийся несовершенен в любви...». Бесстрашия ни Цветаевой, ни Скворцову не занимать.

С книгой Константина Васильевича Скворцова не расстава-
лась и не расстаюсь... не расстанусь. Сонеты осваивала когда-
то, пыталась понять, научиться отличать и даже написать что-
то «по правилам» и «по рыбе». «По рыбе» каждый сможет. Ре-
шила, что все гениальные сонеты написаны и пусть живут...
для меня как для читателя, но без меня как графомана. И вот —
подарок. Можно открыть «Лирику» на любой странице, сонет
под любым номером и — ворожба, колдовство, чудо... Моё!

Например, номер 107, страница 303.

*Когда уснёшь, я напишу стихи
С высокими, мохнатыми стогами,
Чтобы они твой сон оберегли,
Как влагу леса вековые мхи...*

А стога-то и правда мохнатые!

Не отпускала меня книга Константина Васильевича. Захоте-
лось в сонете поселиться. Выговориться, выгореть, растворить-
ся. И написала. Семь сонетов. И отчаянно — к Мастеру. Ма-
стер был милостив, назвал «сонетной душой» (ой, похваста-
лась!), а я, получив его доброе слово, вздохнула освобождённо
и ушла в свою свободу писать, как пишется, а пишется (если
пишется!) в соответствии с неровностью сердцебиения. Напи-
санные сонеты без Константина Васильевича не случились бы
у меня. Это — правда. Неровное сердцебиение при чтении
Константина Скворцова — это навсегда.

Обычно во множестве приводятся строки автора — героя по-
вестования, будь то вступление — предисловие к книге, сбор-
нику, раздумье о прочитанном, критика, у имеющих на это право
и совсем нет, в любом панегирике и по любому поводу. Я же так
мало процитировала. Причина одна — начну переписывать
и остановиться не смогу — «люблю и люблюсь», радуюсь и при-
сваиваю... Просто — моя обычная поэтика присвоения!

«Трудно говорить о такой несоизмеримости, как поэт. С чего
начать? И на чём кончить? И как начать и кончить, когда то,
о чём ты говоришь: душа — всё — везде — всегда», — опять
Цветаева. Каким же должно быть последнее слово в разговоре
о поэте Скворцове? Нужно писать только о том и о тех, кого лю-
бишь, — это уже в согласии со сказанным Анастасией Иванов-

ной Цветаевой. Вот и нашлось слово, которое хочет быть произнесённым, — Люблю! Люблю Поэта Константина Скворцова, восхищаюсь Человеком и не сомневаюсь, что это тот редкий случай, когда явлено «равенство дара души и глагола».

И да будет с Вами, дорогой Константин Васильевич, всё, что Вы любите: Слово, вдохновение, Ваши читатели, близкие, друзья, охота, рыбалка... — Любовь, которая и есть Жизнь!

*...Первая Любовь — как Жизни вдох,
А Любовь последняя — как выдох.*

.....
*Первая Любовь — глоток вина,
А Любовь последняя — Причастье.*

.....
*Временем прожитым дорожа,
Не боюсь безвременья, поверьте.
Первая Любовь — удар ножа,
А Любовь последняя — бессмертье!..*

Елена ЖЕРЕБЦОВА,
кандидат филологических наук,
г. Челябинск

Мотив памяти в цикле К. В. Скворцова «Матушка пела»

Название лирического цикла К. В. Скворцова «Матушка пела» позволяет говорить о том, что поэт следует сложившейся в русской лирике традиции бережного отношения к образу матери. При этом фольклорное звучание названия связывает личное и национальное, подчёркивая основную тему стихотворе-

ний — тему России. Именно её историческая судьба становится предметом размышлений лирического героя. В связи с этим интересно рассмотреть один из ключевых мотивов стихотворного цикла — мотив памяти.

В литературоведении существует множество подходов к термину «мотив»: тематический, сюжетный, морфологический. Мы придерживаемся точки зрения Б. М. Гаспарова, который в книге «Литературные лейтмотивы» отмечает: *«В роли мотива в произведении может выступать любой феномен, любое смысловое „пятно“ — событие, черта характера, элемент ландшафта, любой предмет, произнесенное слово, красота, звук и т. д.; единственное, что определяет мотив, — это его репродукция в тексте...»* [1, с. 31]. По Б. М. Гаспарову, мотив входит в структуру произведения и проявляется на разных уровнях текста, прежде всего на лексическом.

В стихотворениях цикла «Матушка пела» встречается много лексем со значением памяти: *«вспомнить», «помнится», «память», «вспоминаю», «вспомни», «вспомним», «помнит»*. При этом преобладают глагольные формы, позволяющие представить память как важный для лирического героя процесс осмысления своей судьбы и судьбы Родины.

В стихотворении «Матушка пела» память связана с личной судьбой лирического героя и с мотивом песни:

*Снова глаза закрываю несмело,
Вспомнить пытаюсь детство своё...
Помнится только: матушка пела...
Песней наполнено сердце моё* [3, с. 369].

Воспоминания помогают ему преодолеть удары судьбы: голод, войну, суровое мирное время, смерть матери — и будто заново прожить жизнь, осознав связь начала и конца. Неслучайно в стихотворении используется кольцевая композиция: в первом и последнем катренах повторяется строка *«песней наполнено сердце моё»* [3, с. 369]. Так, память помогает лирическому герою осознать связь времён.

Мотив памяти используется и в стихотворениях, посвящённых любви. Интересно, что воспоминания о ней поэт соотносит

с определёнными образами. Это образы огня и брусники в стихотворении «Бродит в поднебесье одинокий конь...»:

*Голоса возникнут
В языках огня.
А найдёшь бруснику,
Вспомни про меня [3, с. 404].*

Именно они ассоциативно, через красный цвет связывают мотив памяти с мотивами кратковременного счастья, страдания и разлуки:

*Ты ушёл с рассветом,
Кратким, словно миг.
Стоило ли это
Вечных слёз моих? [3, с. 404]*

В финале стихотворения вновь появляется любимый поэтом мотив песни: «Я приду из песен, / Только душу тронь» [3, с. 404]. Соединяя чувство и память, К. В. Скворцов говорит о вечности любви.

Поэтому так настойчиво звучит призыв поэта помнить любовь, например в стихотворении «Не забывай меня». Ассоциативный сюжет позволяет судить о драматичной судьбе лирического героя: «Моим потерям счёт потерян», «...твою любовь успел отпеть я», «...я без тебя прожил столетья» [3, с. 422]. Однако сила памяти и любви делает его духовно стойким и мудрым. Первое и последнее четверостишия, закольцовывая текст, звучат умиротворённо:

*Лампадным светом даль налита,
И голос из небытия
Звучит мне тихо, как молитва:
— Не забывай меня... [3, с. 422]*

Мотив памяти здесь сопряжён с визуальным и звуковым рядом. Золотой цвет и молитвенная интонация — всё это способствует пониманию памяти и любви как спасения для человека.

Эта мысль лежит и в основе стихотворения «Принимает апрель журавлей неумолчный парад...». В нём проявляется одна из особенностей лирики К. Скворцова — соединение личного

и бытийного. Начинается стихотворение с элегических размышлений о любви и счастье: «*Мне на смертные муки / Ниспослана наша любовь...*», «*Счастье есть или нет. / И его не бывает чуть-чуть*» [3, с. 427]. Заканчивается — раздумьями о месте человека в мире:

*Рай, увы, не для нас,
Не для нас и пылающий ад —
Нам на вечные муки
Ниспослана эта Любовь* [3, с. 427].

И здесь под любовью имеется в виду любовь в широком понимании — к жизни, ко всему живому, смертному. Эта любовь мучительно прекрасна, она заставляет человека страдать из-за осознания быстротечности жизни, поэтому спасением для него является, по мысли поэта, память:

*Во спасение нам,
Мой любимый несбывшийся друг,
Только память дана...* [3, с. 427]

Память — связующее звено между человеком и жизнью. Она делает ход времени будто бы обратимым. Она основа не только личной судьбы, но и судьбы национальной. Неслучайно во многих стихотворениях цикла мотив памяти связан с образом России. В «Чистых снегах» показательное начало:

*Вспоминаю всё чаще —
Это было со мной,
Как по улице нашей
Шла девчонка с сумой* [3, с. 370].

Отталкиваясь от личного воспоминания, лирический герой выходит на обобщение: «*Нынче ходит Россия / С той тряпичной сумой*» [3, с. 370]. Стихотворение становится раздумьем о трагичной судьбе Родины, о «*российской беде*». Особенно горько звучит рефрен, в котором настойчиво повторяются слова с семантикой белого цвета:

*Чистые снега. Чистые снега.
Белые деревья. Белые стога.*

*Белые деревни у любой версты.
И на белых окнах белые кресты* [3, с. 370].

Белый цвет здесь олицетворяет беду, запустение и смерть. Одна из причин этого — беспамятство.

В основе стихотворения «Станция Пустошка» — судьба Дарьи-беженки, живущей в «*убогой сторожке*» недалеко от железной дороги. Некрасовско-блоковский мотив гибели красавицы, олицетворяющей Россию, К. Скворцов представляет по-своему, с помощью мотива беспамятства. В стихотворении дважды повторяются строки: «*Она давно уже забыла, / Откуда ехала, куда...*» [3, с. 399]. Первый раз эти слова соотносятся с судьбой героини, второй — с судьбой Руси, стоящей на косогоре с «*воздетой к Господу рукой*» [3, с. 399]. Именно потерю исторической памяти поэт считает трагическим событием для страны.

Неслучайно на антитезе мотива памяти/беспамятства К. В. Скворцов строит ряд стихотворений. В «Птицах русских» это противопоставление проявляется в образной системе. Журавка, соколица, соловей, «певчий дрозд» олицетворяют живую, крылатую, помнящую свои традиции Русь: «*Много лет России помнится / Взмах крыла, как взмах руки*» [3, с. 379]. «*Вороны да воронки*» становятся аллегорией забвения, беды и смерти:

*Колокольни ими заняты.
Но мы, русские, без памяти.
Так случилось не впервой...* [3, с. 379]

Сравнение России с покойницей, ждущей птиц с «*живой вождой*», позволяет надеяться на возрождение, которое связывается поэтом с национальной памятью. Об этом свидетельствуют появившийся в последней строфе образный ряд («*силушка былинная*», «*гармоника старинная*», «*русская красавица*» [3, с. 379], колокольный звон) и, конечно, песенный мотив («*Спой!.. Была иль не была!..*»).

Ещё одним символом авторской надежды на преодоление духовного кризиса является образ яблони в одноимённом стихотворении. Оно построено на антитезе. С одной стороны, «*заброшенный погост*», «*забитый дом*», «*рухнувшие ворота*» [3,

с. 432], с другой — цветущая яблоня. С одной стороны — смерть, с другой — жизнь:

*И матушка, что холила её,
Давно не здесь, а яблоня цветёт [3, с. 432].*

Здесь мы видим традиционное осмысление фольклорного образа дерева как древа жизни. Но в финальном четверостишии поэт придаёт образу яблони оригинальное звучание: она олицетворяет национальную память:

*На обелиске стёрты имена.
И поезд скорый, набирая ход,
Уносит Русь в иные времена,
В беспмятство, а яблоня цветёт [3, с. 432].*

Таким образом, мотив памяти является одним из ключевых мотивов цикла, помогающих понять его тематику и проблематику. Он сопряжён с не менее важными для поэта мотивами забвения, любви, песни. Показательна связь мотива с образом матери, возлюбленной, России. Именно переплетение личного и национального и придаёт мотиву памяти оригинальность.

Список литературы

1. Гаспаров, Б. М. Литературные лейтмотивы : очерки русской литературы XX века / Б. М. Гаспаров. — Москва : Наука, 1994. — 304 с.
2. Силантьев, И. В. Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике / И. В. Силантьев. — Новосибирск : Изд-во ИДМИ, 1999. — 104 с.
3. Скворцов, К. В. Избранные произведения. Книга пятая. Лирический дневник / К. В. Скворцов. — Москва : ИХТИОС, 2010. — 608 с.

Театр Константина Скворцова

* * *

Олег Шестинский

Что для меня представляют пьесы Скворцова, какой интерес? Он создаёт пластические характеры в разных исторических эпохах... Мы как-то в поэтическом творчестве даже не употребляем слово «философия»... В пьесах Скворцова ощущаешь глубокое философское мышление. Я прочитал пьесы и ощутил себя в многомерном мире...

* * *

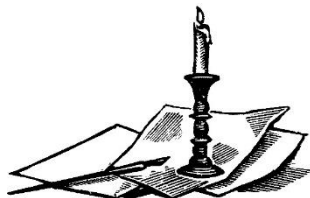
Евгений Симонов,
народный артист СССР, режиссёр

Стихотворная драма — это высшее искусство. Достаточно вспомнить древних греков, Шекспира, Шиллера, русских писателей Грибоедова, Пушкина, Лермонтова, Алексея Константиновича Толстого, Островского. [...] Совсем новое имя поэта и драматурга Константина Скворцова, чьи пьесы идут в разных театрах... Думаю, поэтическая драма — высшее проявление человеческого духа...

* * *

Архимандрит Пётр (Афанасьев),
профессор, заслуженный деятель искусств РФ

В отличие от великих античных трагиков и драматургов эпохи Нового времени поэт Константин Скворцов не только живописно воссоздал исторические личности, изящно написал сильные характеры и поставил извечные вопросы жизни на высокий уровень метафизических афоризмов, но и в слове явил мощную силу христианской веры, надежды и любви и указывает на выбор святого в качестве примера жизненного поступка в перспективе вечности.

Историю христианского святого расскажут в Липецке в стихах («Георгий Победоносец» в театре драмы им. Л. Н. Толстого)

В театре драмы имени Льва Толстого готовят премьеру спектакля «Георгий Победоносец». За основу была взята одноименная пьеса драматурга Константина Скворцова.

На постановку был выделен миллионный грант от министерства культуры. Чтобы перенести зрителей в Рим третьего века, постановщики и актёры придумали много интересных решений.

Сцена театра имени Льва Толстого стала великим, но уже находящимся в кризисе Римом третьего века. Со своими грубыми и даже жестокими нравами. К власти приходит император Диоклетиан, во время правления которого начинаются гонения на христиан. И тут любимец императора, его лучший воин Георгий, объявляет, что верит в одного Бога. Противостояние двух героев, как и вся постановка, выражено в стихах. Это, кстати, большая редкость для современных театров.

Георгия Победоносца в спектакле играет актёр Сергей Денисов. Для него это уже вторая роль в сезоне, связанная с религией. Чтобы перевоплотиться в Георгия, актёру пришлось изучить десятки документов и книг.

— Даже не так важно, что это именно Георгий Победоносец. Это мог быть любой другой святой, но подход к работе над ролью не отличался бы. Было очень сложно. Я, естественно, не вижу мир этими глазами, нет той степени одержимости и веры, — рассказывает Сергей Денисов.

За два дня перед премьерой режиссёр спектакля Елена Оленина прорабатывает с актёрами все детали: как лучше двигаться, где стоит сделать паузу. Эта постановка будет не совсем обычная. Все 16 актёров ни на секунду не уходят со сцены, на которой к тому же нет кулис.

— То есть у нас нет ничего, чтобы мы спрятали от зрителя. Всё идет открытым ходом, и я думаю, что это будет интересно зрителю, потому что он увидит, насколько напряженно могут существовать актёры и насколько они могут быть ансамблем, — добавляет режиссёр Елена Оленина.

По сцене будут разбросаны около 40 камней. Это главные декорации в спектакле. Часть из них сделана из пенопласта и плотной бумаги, другие — из ткани. По мнению художника Марины Алимовой, это символы не только грубого и холодного Рима третьего века, но и выбора, который стоит перед героями.

— Каждый может сложить свою судьбу по камешку, по камешку. И в результате этого ты чего-то достигаешь или не достигаешь, у тебя что-то получается или нет. То есть все зависит от нашего выбора: какой ты камешек выбрал, куда ты его поставил, так все и получится, — комментирует художник Марина Алимова.

Комментарий автора пьесы драматурга Константина Скворцова

«Римская империя развалилась, потому что упала нравственность, духовность».

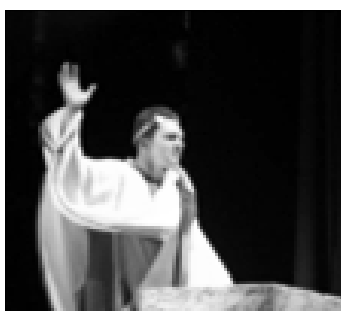
Идея написать пьесу об этом святом пришла к автору во время дней литературы, которые проходили на территории Западной Украины.

— В один из дней, когда проходило мероприятие, я увидел бабушку, которая продавала пирожки. Мне стало её жалко, я купил у неё пирожки, завернутые в газетку, а потом, когда съел их, развернул страницу и увидел Георгия Победоносца. Там было написано, что он совершал свои подвиги в Ливане, в Бейруте, а я был в этих местах. И как-то так всё и зацепилось одно за другое. Потом я пошёл в библиотеку имени Ленина, оказалось, что про Георгия Победоносца нет никаких значимых произведений, поэтому я и решил этим заняться, — пояснил Константин Скворцов.

Драматург, как и режиссёр спектакля Елена Оленина, солидарны в том, что эта пьеса не совсем о том, что было 18 веков назад. Она о том, что происходит сейчас. «Мир сошёл с ума» — этой фразой начинается и заканчивается спектакль.

— Все проблемы, которые были в те далекие века, в третьем веке — они и сейчас такие же. Я сам поражаюсь тому, как эта пьеса ложится на сегодняшний день. Люди совершают из века в век одни и те же поступки. Римская империя развалилась, потому что упала нравственность, духовность. Сейчас, к сожалению, происходит то же самое. Когда рушится духовность, то рушится и государство, — рассказывает Константин Скворцов.

— Меня захватила не столько история Георгия, сколько тот хаос и жуть, которыми была наполнена Римская империя, то, насколько это соприкасается с сегодняшним днем и насколько важно вернуться к Богу. Особенно сейчас, когда человек мечется между верованиями, когда вместо веры — суеверие. И в спектакле мы не воссоздаем эпоху, а делаем стилизацию, чтобы всё, что происходит на сцене, напомнило нам нас сегодняшних, — добавляет режиссёр Елена Оленина.

На фото: драматург Константин Скворцов, режиссёр Елена Оленина, актёры театра драмы имени Льва Толстого на закрытии V Международного театрального фестиваля (2018 год)

На V Международном театральном фестивале (г. Сергиев Посад) Липецкий государственный Академический драматический театр имени Л. Н. Толстого представил пьесу К. Сковрцова «Георгий Победоносец» (режиссёр: заслуженная артистка РФ Е. Оленина).

«Театральный фестиваль, созданный к 700-летию со дня рождения преподобного Сергия Радонежского, словно строит мост из прошлого в будущее. Фестиваль „У Троицы“ посвящён истории нашей страны, любви к Родине, и не случайно местом его рождения стал именно Сергиев Посад — один из наиболее значимых культурных центров Подмосковья, жемчужина Золотого кольца России» (заместитель министра культуры и туризма Московской области Павел Родин).

Елена ОЛЕНИНА,
режиссёр, заслуженная артистка РФ,
член Союза театральных деятелей РФ,
г. Москва

Судьбой дарованная встреча

Говорить о литературном и поэтическом таланте Константина Васильевича Сковрцова предоставлю профессионалам, его коллегам и соратникам по перу. Позвольте мне, как режиссёру, рассказать о моем знакомстве, которое многое изменило в моей жизни и оставило яркий след.

*Как ни мудра история сама,
Но я-то вижу: мир сошёл с ума.*

С этой фразы все и началось!

И в спектакле по пьесе К. В. Сковрцова, и вне сценического пространства.

Обычно на своих репетициях в самом начале работы над спектаклем я говорю артистам: представьте себе... Так вот и сейчас: представьте себе...

Жаркий московский день. Шум Садового и Большой Никитской. Я иду мимо ЦДЛ (как знак, и именно там спустя время мы опять встретимся с Константином Васильевичем). Звонок: «Елена Александровна, это Татьяна Васильевна Горелова [директор Липецкого государственного академического театра драмы им. Л. Н. Толстого]». Мы вам на почту прислали пьесы, посмотрите. Там грант на современную драматургию, может, попробуем?» — «Хорошо, посмотрю и перезвоню, спасибо».

И вот я открываю почту, действительно, «новая драматургия» — авторы мне не знакомы. Читаю одну — понимаю, что в труппе некому играть главную роль. Не дочитав, закрываю. Смотрю следующую пьесу — и вдруг... (Как в жизни и на сцене зрители любят это «и вдруг», и как славно, что со мной опять это произошло.)

Стихи...

*Подождите, как же так?! Стихи? Сейчас?!
Да ещё и история про Диоклетиана!..*

Видимо, какая-то ностальгия по поэтическому театру в тот момент во мне плотно сидела. Одна из первых режиссёрских работ именно в стихах.

*Потому что — выше быта.
Потому что — состояние души.
Потому что — чувства, как метафора.
Потому что — без любви — смерть....*

И ещё — осознание, что мир сошёл с ума! Что история не учит нас ничему! Мы не хотим брать опыт предков. Мы живём только своим. А тут Георгий и Диоклетиан...

Звоню директору, подтверждаю, договариваемся. Актёры попадают под мое «видение», и распределение практически идеально! И вот начинается процесс...

Самый захватывающий момент — работа с художником. Я в тандеме с великолепной, удивительной Мариной Алимовой. Не буду описывать, как мы работали над решением спек-

такля, — это отдельная история, которая могла бы лечь в основу целого фильма. Главное — работа началась!

Надо сказать, что параллельно с «Георгием» у меня ещё постановки в разных концах страны и организация фестиваля «Лица друзей» памяти моего Учителя в режиссуре В. М. Пахомова...

В Липецке мне помогает работать с актёрами исполнитель роли Георгия и режиссёр. Мы с ним обсуждаем и разбираем, на расстоянии, чуть ли не каждую строчку пьесы, чтоб донести смысл до всех. Это бесконечная переписка, творческие споры о конкретных сценах, сокращениях и т. д. и т. п....

От общения с Автором я вынуждена была отказаться сразу. Во-первых, пьеса для режиссёра — главное. Во-вторых, нет времени даже на еду порой, а тут «пообщаться». В-третьих, моё ощущение от пьесы может измениться, вдруг автор в другую сторону поведёт? Страх обидеть поэта — своим упрямством, видением произведения, сокращениями, в конце концов!

И я убегаю от знакомства, неизбежно приближающегося!

Репетиции, как обычно, в рамках обозначенных сроков, понимания индивидуальностей актёрских и т. д. Приятное впечатление, что актёры полезли в историю правления Диоклетиана. Хороший показатель. Приходя на репетиции, взхлеб рассказывают новые факты о том периоде, о том, что потрясло их воображение и т. д. Далее — собранность удивительная! Всё-таки стихи. Задавая определенный ритм — дисциплинируют! Решение «оголеть» всю сцену, заставить актёров двигаться с самого начала под висящими над головами камнями — необычно и впервые на этой площадке для всех. Эти камни придавят их, надо выбраться из-под груды и начать выбивать, стряхивать с себя «историческую пыль». Надо оживить прошлое — очистившись.

Премьера.

Непредсказуемый момент в моей практике. Сидеть на месте невозможно. Я бегаю от одной осветительной ложи к другой. Перед началом Татьяна Васильевна: «Автор на спектакль приехал, может, познакомитесь?» Я: «Вы смерти моей хотите?!» — «А в антракте?» — «Татьяна Васильевна! Умоляю, только после...»

Поклоны.

Зал стоит. Актёры вызывают меня. Выхожу. Останавливаю аплодисменты и всем объявляю, что в зале Автор! Приглашаю его на сцену и смотрю: что дальше... Как пойдёт? Расстроен? Недоволен? Авторы почти всегда не удовлетворены воплощением. Нет... Навстречу мне — обаятельная улыбка! Какой могучий человек, крепкий шаг, уверенный и лёгкий, огромные руки — совсем не похож на поэтов! Константин Васильевич плывёт между рядами на сцену, как Чемпион! Мысль «сейчас доплывёт и... убежать не успею, а надежда, что актёры прикроют» — глупа в принципе...

Под зрительские овации — этот Человечище выходит, мы смотрим в глаза друг другу, и я чувствую пожатие руки. Крепкое и тёплое!

И всё!

Далее было наше общение, были звонки, редкие, но яркие встречи, переписка...

Но вот это человеческое «попадание» — такое же тонкое и мудрое, как сами стихи Константина Васильевича, уносящие от быта, от пыли к звёздам, мечтам, любви.

Замечу, Константин Васильевич один из немногих авторов, который не вмешивался в мою режиссёрскую кухню и сразу после премьеры сказал, что знал про сокращения и не понимал зачем, были вопросы ко мне. Но, посмотрев спектакль, согласился, что всё правильно, что это работает на результат и необходимо для главной задачи — донести основную мысль до зрителя, сделать его союзником.

И вот опять конец весны, жара. Только в Сергиевом Посаде. Фестиваль. Я, как обычно перед репетицией и спектаклем, со службами занимаюсь декорацией, светом, решаем технические вопросы и т. п. Потом прогон с актёрами. Перерыв. Выхожу из театра в гостиницу приготовиться к вечеру и...

И вдруг!

Нет! Этого просто не может быть!

«Константин Васильевич! Как?! Вы?! Вот это сюрприз!»

Представьте себе, автор приехал с друзьями нас поддержать! Для него мы стали родными? Не знаю... но надеюсь...

Хороших, настоящих Друзей мы можем не видеть годами, но чувствовать и радоваться внезапным встречам. Так же

и с Константином Васильевичем мы снова встретились! Оказалось, что наша встреча была predetermined, так как общие вкусы, интересы, знакомые, коллеги, люди, повлиявшие на жизненные ситуации, и так до бесконечности... Совпадений удивительно много!

Константин Скворцов для меня самый озорной и непредсказуемый Автор, с которым посчастливилось мне общаться.

И вы знаете, я не жалею, что «бегала» от нашей встречи! Благодаря этим обстоятельствам она получила жанр «весёлого детектива» и запечатлелась в сознании ярче, чем любые другие!

А ещё я фантазирую нашу следующую встречу: «Жара. Я выхожу из электрички где-нибудь под Москвой... И вдруг...»

Алексей КРЫЛОВ,
генеральный директор
UTS Group,
г. Москва

Главные инвестиции — это инвестиции в людей

В Театральном Центре «На Страстном» ставший уже знаменитым «Театр UTS» сыграл спектакль по пьесе Константина Скворцова «Ванька Каин». О том, почему выбор пал именно на это произведение, как театр влияет на нашу жизнь, чем отвечать на современные вызовы и куда стоит инвестировать, мы поговорили с **Алексеем Крыловым**.

— Сейчас готовится ваша юбилейная, десятая премьера. Почему для нее вы выбрали пьесу Константина Скворцова «Ванька Каин»?

— Пьесы нам на выбор предлагает режиссёр Валентина Хоменко. Удивительно, но за 15 лет работы с режиссёром Валентиной Хоменко ни разу не было такого, чтобы мы с ней

не совпали во вкусах. В этом году мы выбирали из «Ваньки Каина» и ещё одного произведения с куда более романтичным, я бы даже сказал, девчачьим содержанием. «Ваньку Каина» выбрали практически единогласно. Текст идеально лег и, что называется, на злобу дня, и на те процессы, что происходят сейчас в компании.

«Ванька Каин» — это пьеса-балаган, эдакий театр в театре, где под маской скрыта ещё одна маска, и всё не то, чем кажется. Согласитесь, многое, что происходит вокруг, в нашей жизни, тоже иногда напоминает балаган, шутку, иногда весьма злую, а временами и вовсе — театр абсурда. Тем интереснее нам посредством театра отразить эту реальность и таким образом «поговорить» об этом со зрителями. Это то, что действительно волнует. Сейчас нам хочется все дальше и дальше уходить от капустника, давать зрителям пищу для размышлений и делать некие общественные заявления. К счастью, мы можем уже себе это позволить, ведь более половины аудитории — постоянные зрители, поклонники, диалог с которыми ведётся уже не один год.

— **У вас главная роль?**

— Одна из главных, да. Я играю Татищева, генерала-полицеймейстера.

— **А кто будет Ванькой Каином?**

— У нас эту роль играют два человека — PR-директор холдинга UTS Group Михаил Дмитриев и руководитель одного из IT-департаментов Евгений Колмаков. Они совсем разные, но тем интереснее будет смотреть. Все роли, кроме одной, Татищева, играют двумя составами, так что ни один день не будет похож на другой. Особенность этой пьесы в том, что большинство ролей мужские, но и для девочек мы место на сцене нашли. В спектакле будет много музыки, танцев, шума (в хорошем смысле этого слова).

Сейчас активно идут репетиции, у нас есть график, где написано, кто, когда и каким составом проходит ту или иную сцену. Недели за две до премьеры мы будем собирать спектакль на сцене.

— **Театральный тимбилдинг — мероприятие сложное и затратное. В одном из интервью вы сказали, что делаете**

это для того, чтобы показать людям, насколько безграничны их возможности. Мол, «если я это смог, смог выйти на сцену и сыграть, я все смогу». Осталось ли это сейчас актуальным?

— До известной степени — да. Но, понимаете, «Театр UTS» уже живёт своей жизнью, и отказаться от него нам уже будет сложно. Да и не нужно. Театр стал составной частью нашего бренда, и терять её совсем не хочется. Театр позволяет нам налаживать новые связи и укреплять те, что есть, поскольку сильно цепляет эмоционально. Когда ты видишь людей, хорошо тебе знакомых лично или даже по переписке, на сцене, это даёт потрясающий эмоциональный эффект и отлично способствует укреплению рабочих связей. Практически на любом мероприятии или встрече разговор с партнёрами и коллегами так или иначе касается наших постановок. Люди, с которыми довелось разделить сильные эмоции, всегда будут тебе ближе. Связи с ними — крепче.

В этом году все четыре дня представлений публика будет разная, а значит, и восприятие спектакля будет иным. По опыту уже знаем, что в один день определённая сцена вызывает смех, а в другой — скорее, раздумья. После спектакля мы общаемся со зрителями, узнаем их мнения, впечатления и возникает химия, драгоценная реакция живого человеческого общения. А через человеческое общение выстраивается и отношение к компании.

Театр — затратный проект, но это инвестиции, которые возвращаются. Как и все затраты, которые идут на развитие и обучение людей.

— **«Ваньку Каина» можно посчитать до известной степени сатирой и на наш рынок тоже. Сколько было попыток объединения, выступления единым фронтом, например в вопросе постоплат, и ни разу не вышло, всегда кто-то в последний момент «менял маску». Не боитесь обидеть кого-нибудь из коллег ненароком?**

— Этого я не боюсь, да и аналогии такой у меня не возникло. Я бы хотел, чтобы зрители увидели там сатиру на наше время, это и попробуем донести. Рынок сейчас сильно меняется, мы начинаем разговаривать с коллегами, с партнёрами, с конкурентами на другом языке. Как ни банально, но беды

(а иначе некоторые ситуации не назвать) сплачивают. Штормы на рынке очень болезненно отражаются на всех. Мы, пусть каждый в своей лодке, но в одном бушующем море, и если твой сосед утонет, это не значит, что станет спокойнее, это значит, что одной преградой между тобой и волной меньше. Вместе противостоять шторму проще.

— Я знаю, что в вашей компании много времени и внимания уделяется обучению сотрудников. Какие качества и навыки (помимо очевидно требуемых в деле) вам, как руководителю, важно развить в сотрудниках?

— Поскольку я основатель, владелец и руководитель компании, она развивается вместе со мной. А компания — это прежде всего люди, которые точно также меняются и эволюционируют со временем. Так, первые десять лет главными были менеджерские задачи, так называемые *hard skills*. Я учился, и компания училась, мы осваивали менеджмент. Дальше, с середины 2000-х годов примерно до 2016 года у нас была большая ставка на лидерство и различные управленческие компетенции — делегирование, планирование, коммуникации, работу с людьми. Сейчас этот процесс меняется. На первый план выходит человек и всё, что связано с эмоциями.

Любопытно, что на всех этапах эволюции люди у нас в компании была большая ротация. Так вышло, у нас мало кто работает больше 10 лет, и не потому, что мы гоним, просто человек меняется и понимает, что ему нужно идти каким-то другим путём. Да и у нас есть требования по росту и развитию, а это нелегко. Измениться в принципе непросто, и не все к этому готовы, а ведь среда и рынок при этом постоянно меняются. В итоге средний возраст в компании — около 30 лет.

Сейчас мы вводим проект «Моя карьера». Люди знают — для того, чтобы развиваться, подняться на следующий уровень, нужно обязательно пройти курсы обучения. Сотрудник может выбрать курс в соответствии с потребностями, это может быть как внутреннее обучение, так и внешнее. Всё — за счёт компании.

Как руководитель, я всё время думаю о будущем. К нам приходит молодёжь, а они совсем другие. Им нужна другая мотивация. А что будет в 2020-х годах? Что нужно для успеха?

Сейчас доминируют soft skills — всё, что относится к эмоциональному интеллекту, к кооперации, взаимодействию с другими подразделениями, рынком, способностью брать на себя ответственность, проявлять инициативу. Регламенты теперь тоже под вопросом — это обязательство или за них можно выходить? Как разбудить в людях эту инициативу? В этом нам, в частности, помогает театр, он развивает все эти навыки, да и вообще это хороший тест на проверку каждого человека.

Ответы на эти вопросы я ищу постоянно, ведь, повторяюсь, компания — это люди, и успех — это люди.

— Вам не жалко так сильно вкладывать в сотрудников? Ведь они могут в любой момент уйти и ваши вложения не окупятся.

— Сейчас очень высокая конкуренция за людей, причём и на внешнем рынке, и внутри. Чем больше ты вкладываешь в развитие сотрудника, тем дороже он стоит. И ты вынужден ему платить релевантную на рынке цену, чтобы работать на должном уровне. И не можешь не вкладывать. Вот такой замкнутый круг. Но ротация всё равно неизбежна, и в чём-то мы людей к этому подталкиваем, культивируя в людях наши ценности — открытость, любопытство, инициативность, эмпатию. Мы сами себе бросаем вызов. И мне это нравится.

Инвестируя в людей, ты инвестируешь в будущее. Можно инвестировать в материальные активы, в технологии, в продажи и маркетинг, в развитие, в ресурсы. Это всегда выбор. Выбор, во что вложить, выбор людей, в которых вложить. И можно ошибиться, конечно, но это же опыт, за который ты таким образом платишь. Да, иногда люди уходят, и получается, твоя миссия — вкладывать в людей, которые будут это отдавать уже в другой компании. Но, знаете, многие наши бывшие сотрудники остались в отрасли. Работают в других агентствах, в туроператорских компаниях, в фирмах-партнёрах, отелях, и в большинстве случаев мы очень позитивно взаимодействуем. Таким образом выстраиваются новые связи. Я верю, что всё хорошее, что ты вложил и сделал, обязательно вернётся.

Беседовала Александра Загер
(По материалам информационного портала Most.tv)

Оксана КИРИЛЛОВА,

учитель русского языка и литературы,
г. Челябинск

Традиции античного театра в пьесе К. В. Скворцова «Иоанн Златоуст»

Традиции античности вот уже на протяжении многих веков не угасают в литературе и искусстве разных стран. Напротив, они актуальны, перерождаются в новых формах, в новых, ранее несвойственных для них коннотациях, при этом не теряя своей красоты. Традиции античности корнями проросли в культуру и искусство стран Европы и России и стали основой для нового искусства. Современные писатели вот уже на протяжении многих лет пытаются возродить традиции античности, считая её эталоном культуры. В их числе — Константин Скворцов.

Поэта-драматурга привлекла поздняя античность — путь перехода от язычества к новой религии — христианству, что нашло отражение в произведениях, созданных на рубеже веков. Пьесы «Георгий Победоносец» (1992), «Иоанн Златоуст» (2002), «Константин Великий» (2004) и «Юлиан Отступник» (2007) составили тетралогия драматической христианской истории её первых столетий. По высказываниям критиков, очень серьёзная задача стояла перед драматургом — воссоздать историю стояния за веру, утверждения святости, и с ней блестяще справился автор, решив её исторически верно и художественно. В пьесах, относящихся к триптиху «Сим победиши!», писатель показывает высоты духовного подвига великих мучеников за идею и веру. Таков *Георгий Победоносец*, чей земной путь стал образцом и для знати Византии, и для рыцарей древней Европы, и для князей-славян. Таков святитель *Иоанн Златоуст*, который в непримиримом конфликте с сильными мира сего не дал потухнуть факелу вселенской любви к людям, прене-

ся его через века. Таков и римский император *Константин*, пытавшийся усовершенствовать род человеческий. В разной степени и каждый по-своему они вершили свой путь земной и дела земные, но в веках оставили примеры и образцы той высоты духовного подвига, который способен на протяжении тысячелетий освещать потомкам невероятно трудную дорогу к высшим духовным ценностям бытия.

«Иоанн Златоуст. Крестный путь Святителя» — это одна из самых заметных вершин творчества поэта, величественная, ритмичная и живая драма. Постановки «Иоанна Златоуста» и других драматических произведений Скворцова были удостоены Всероссийской премии литературы и искусства «Святитель Иоанн Златоуст», учреждённой в том числе Всемирным русским народным собором под председательством Святейшего Патриарха [1].

Какие же традиции античного театра наследует в своём творчестве К. В. Скворцов? Он верно находит форму, передающую дух того времени. В пьесах из истории раннего христианства мы ощущаем влияние античного театра: монументальность античной драмы, масштабность характеров, традиционность конфликтов. Основой сюжета драмы «Иоанн Златоуст» послужил крестный путь святителя Иоанна Златоуста (347–407 гг.) от таинства крещения до низложения его со святого престола Константинопольского, где он служил в сане архиепископа (398–404 гг.). Иоанн Златоуст, получив светское и религиозное образование, провёл сначала шесть лет в монашеском уединении, оставив которое в итоге был рукоположен в Антиохии сначала в диакона, а после в пресвитера. Вершиной жизни Иоанна стало его избрание епископом Константинополя, столицы Восточной Римской Империи. В непримиримом конфликте с сильными мира сего времён римского императора Феодосия (346–395 гг.), его сына Аркадия и императрицы Евдоксии святой Учитель высоко пронёс факел вселенской любви к людям, свет от которого, не гаснущий по сей день, пятнадцать веков освещает потомкам многотрудную дорогу к высшим духовным ценностям нашего бытия. Умер Златоуст в ссылке в Абхазии. Вскоре после смерти канонизирован. Иоанн Златоуст прославился как проповедник, экзегет, бескомпромиссный

борец за веру, учитель, наставляющий свою паству не только личным примером, но и «золотыми устами» [2].

Прямого жанрового обозначения у этого произведения К. В. Скворцова нет, но оно имеет подзаголовок «Крестный путь Святителя». Крестным путём называют мучения Христа начиная от вынесения приговора и кончая распятием. В пути на Голгофу было 14 остановок, 14 этапов крестных страданий Христа, в «Иоанне Златоусте», состоящем из двух книг, тоже 14 глав (в каждой по семь). Это случайность или преднамеренность? Может, автор отсылает нас к истории Христа, напоминая читателю о том, что Святителю — великому мученику за идею и веру — тоже пришлось пройти сквозь тернии, пока он нёс факел вселенской любви к людям? Таким образом, в пьесе «Иоанн Златоуст» крестный путь — это путь к себе, к истине, к Богу. Это путь духовного восхождения.

Действие пьесы разворачивается в Восточной Римской Империи в 368–404 годы во времена правления императора Феодосия, который утвердил христианство как государственную религию и жестоко преследовал приверженцев язычества. Следуя законам жанра, преступить которые автор не посчитал для себя возможным, он сместил некоторые даты и реалии.

Следует отметить, что «Иоанн Златоуст» — единственная пьеса из тетралогии драматической христианской истории её первых столетий, которая написана без пролога, обязательной составляющей любой античной драмы. В прологе обычно содержится завязка действия. Но в то же время пролог имеют остальные три драматические поэмы из этого цикла: «Георгий Победоносец», «Константин Великий» и «Юлиан Отступник», и все четыре автор предваряет тщательно подобранными эпиграфами. Цитаты, предпосланные «Иоанну Златоусту», взяты поэтом из «Ветхого Завета»: «Очисти грех мой: много бо есть» (Давид. Псал. XXIV, II), «Изсше трава, и цветь отпаде, глагол же Бога пребывает во веки» (Ис. XI, 7, 8). Они сосредотачивают мысль читателя на главной идее произведения: не осуждать жестокость в человеке, уметь прощать его, как бы ни был велик его грех, и уметь любить его.

Драма «Иоанн Златоуст» отличается от классической античной драмы. К. В. Скворцов модернизировал античный образец.

Его драма наделяется новой проблематикой и изломами психологии души человека рубежа веков. Характерной особенностью античной драмы является единство времени и места. Надо отметить, что автор его не соблюдает. Действие разворачивается то в Константинополе (1.1, 1.3, 1.5, 1.7), то в Антиохии (1.2, 1.4, 1.6), то в императорском дворце (в 1, 3, 5 и 7 главах), то в храме (2, 4, и 6); времени между событиями проходит тоже немало.

Автор в стиле античных традиций выразил те проблемы, которые волновали его, волновали современное общество в целом — любовь и долг, нравственность, отношение к религии, вере, власти. Сохранить нравственность нации — что может быть важнее в сложные периоды эпохи?

Проблема власти, очень актуальная в античной литературе, не потеряла своей актуальности и в поэтической драме Скворцова. Борьба за нравственный образ жизни, критика общественной несправедливости сделали Иоанна Златоуста популярным, но настроили против него влиятельные круги двора и высшего духовенства. Драма, написанная в духе античности, хочет убедить читателя и зрителя прежде всего в необходимости борьбы со всякой тиранией и беззаконием, учит любить человека, слабого и угнетённого, как это умел Иоанн Златоуст.

Огромной духовной силой обладает и Олимпиада, героиня поэтической драмы. Она способна на самоотверженную любовь, ради которой добровольно отреклась от земной жизни и посвятила себя Богу, раздав по церквям свои богатства. Её самопожертвование свидетельствует о сильной воле. Олимпиада по духу была близка Иоанну, отважно смотрела в лицо смерти, не оправдывалась и не пыталась снять с себя клеветническое обвинение в поджоге храма. Таким образом, воля, твёрдое решение героя, опирающегося на совершенно ясные мотивы и действия, — вот в чём состоит существо драм Скворцова.

Нельзя не обратить внимание на финальную сцену пьесы, которая на первый взгляд кажется трагичной: начинается землетрясение, рушатся статуи Евдоксии, готы-воины захватывают город, но нет Златоуста, который один мог усмирить варваров. Доносится лишь Голос Иоанна: *«И жил я лишь затем, / Чтоб рядом с вами быть и на крови / Христовых мук вас призывать к Любви!..»* [4]. Заключительная сцена служит своеоб-

разным катарсисом, как и в античной драме, читатель и зритель сопереживает трагической судьбе Иоанна, что, несомненно, способствует духовному очищению и перерождению.

Особенность классического античного театра — герои говорят стихами. «Иоанн Златоуст» — именно поэтическая драма. Замечателен язык драмы Скворцова. Он изобилует смелыми сравнениями, меткими метафорами, яркими эпитетами, афоризмами: «*Комар / Убил слона!..*», «*Всё, что сверх меры, в жизни бесполезно*», «*Нет ничего коварнее богатства*», «*Хорош пророк, да знает слишком много*», «*Любовь в Христе, а красота — не в блуде*» и др. [4].

Драматические произведения в стихах появляются тогда, когда обостряются отношения в обществе, когда наступает духовный кризис в жизни государства. Драматическая поэзия спасает нацию — об этом ещё писал великий философ Гегель. По словам К. Скворцова, наше возрождение начнётся тогда, когда люди, наделённые властью, осознают, что прежде всего надо восстанавливать духовность. Всё остальное приложится [3].

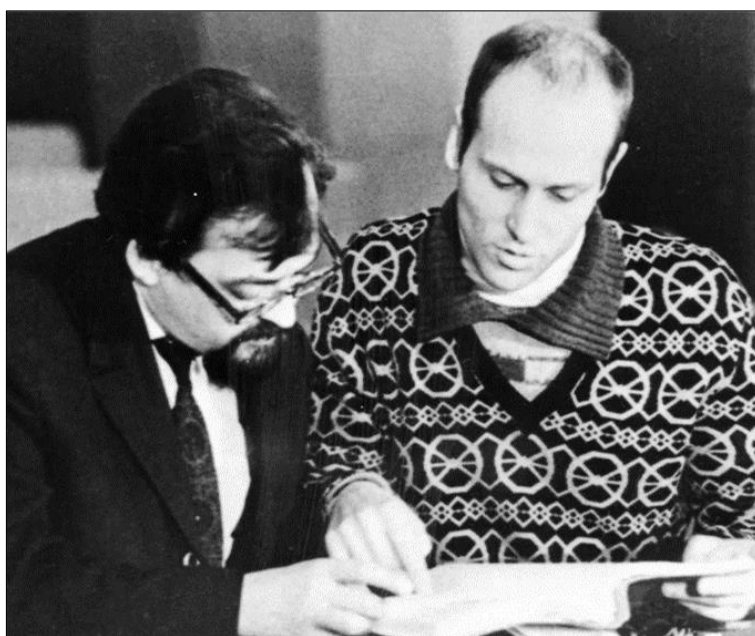
Список литературы

1. Лыкошин, И. Жажда естества / И. Лыкошин // Литературная газета. — 2014. — 4 июня, № 22.
2. Савушкина, Н. И. Русская народная драма XIX — начала XX века как явление фольклорного искусства : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Н. И. Савушкина. — Москва, 1982. — 47 с.
3. Парпара, А. А. «В мире драматической поэзии» / А. А. Парпара // Литературная газета. — 2009. — 8 апреля, № 15.
4. Скворцов, К. В. Избранные произведения. Книга первая. «Сим победиши!» / К. В. Скворцов. — Москва : ИХТИОС, 2010. — 752 с.

К юбилеям спектаклей по пьесам Константина Сворцова

«Ущелье крылатых коней»

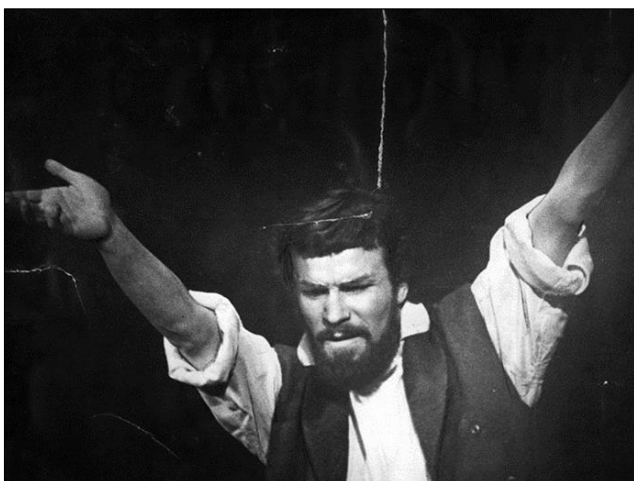
Полвека тому назад, в марте 1972 года, в Челябинском театре юного зрителя (ныне Челябинский молодёжный театр) состоялась премьера драматической легенды Константина Сворцова «Ущелье крылатых коней».

Тенгиз Махарадзе и Константин Сворцов
(1971 г.)

Режиссёр спектакля — заслуженный деятель искусств РСФСР (1986) Тенгиз Александрович Махарадзе. Спектакль был горячо встречен зрителями и широко освещался в Уральской и общесоюзной прессе.

Главную роль — Ивана Бушуева — блестяще исполнил артист Павел Маштаков, приглашённый на эту роль из Горьковского государственного ордена Трудового Красного Знамени академического театра драмы имени М. Горького.

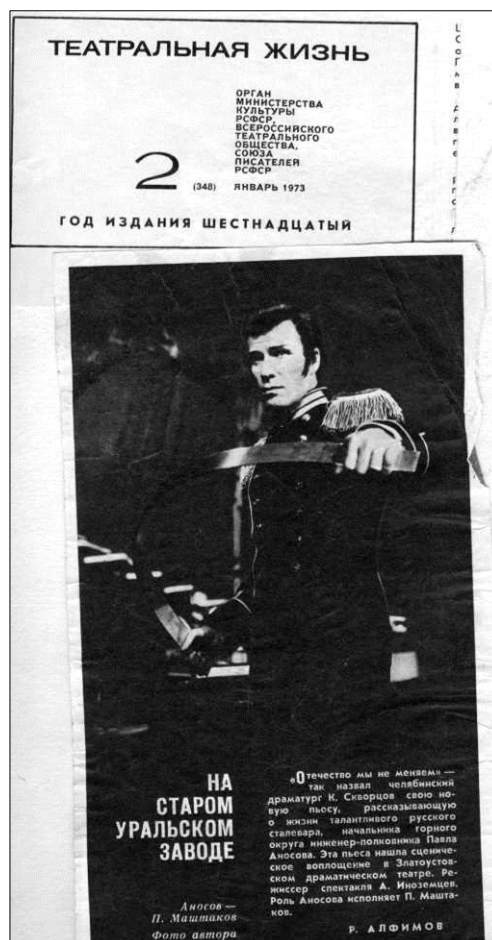

Павел Маштаков
в роли Ивана Бушуева.
Ксения — Маргарита Пермякова

«Отечество мы не меняем»

В октябре 1972 года в Златоустовском государственном драматическом театре имени X-летия Октября (ныне Златоустовский театр «Омнибус») состоялась премьера драмы Константин Скворцова «Отечество мы не меняем (Павел Аносов)». Режиссёр-постановщик Александр Васильевич Иноземцев.

Оба спектакля оформил выдающийся театральный художник Валентин Александров.

Эскиз (вариант) Валентина Александрова
к спектаклю «Отечество мы не меняем»

Татьяна ЕКИМОВА,
кандидат филологических наук,
Челябинский госуниверситет,
г. Челябинск

**Жанрообразующее значение
мотивов уральского фольклора
в драматических легендах К. Скворцова
(«Легенда о белом дереве»
и «Ущелье крылатых коней»)**

Поиски возможностей драматической поэзии привели поэта и драматурга К. Скворцова к созданию пьес, жанр которых он определил как «драматическая легенда». Это «Ущелье крылатых коней» и «Легенда о белом дереве», произведения, основанные на уральских преданиях и легендах с использованием традиционной сказочной поэтики. В сплаве легендарного и исторического проявилось художественное своеобразие данных пьес автора.

Пёстрый в национальном отношении Урал имеет богатый фольклор, связанный с историей народов его населяющих: татар, башкир, русских, киргизов.

Для К. Скворцова не возникает вопроса о национальной специфике материала, о национальной принадлежности сказочно-легендарных мотивов, используемых им в пьесах. Наличие в произведениях Скворцова инонациональных элементов воспринимается как естественное явление, как отражение реального состояния бытия и сознания людей, живших и живущих на Урале. Культурная общность рождалась и обуславливалась общностью материальной жизни, необходимостью сотрудничества, законами соседских отношений, что нашло отражение в фольклоре и в литературе. П. М. Кудряшев, Д. Н. Мамин-Сибиряк отмечали удивительную близость некоторых жанров русского и башкирского фольклора. Процесс

взаимопроникновения национальных культур на Урале, их взаимообогащение и взаимовлияние отмечают многие исследователи [1].

Для писателя К. Скворцова и башкирский, и русский фольклор — это фольклор Урала, в равной степени несущий память об историческом прошлом края и людей, его населяющих.

В. П. Кругляшова довольно точно выразила степень отношения народного предания к действительности: «В преданиях содержится не история как таковая, а народные представления об истории в широком понимании этого слова» [2]. Таким образом, предания и легенды — это «исторические воспоминания» народа о своем прошлом.

Сам К. Скворцов в своих интервью отмечал огромную художественную силу, которой обладают легенды, выжившие в устном народном творчестве.

Литература 70-х годов (а именно в те годы созданы драматические легенды К. Скворцова) испытывала потребность в сильных и ярких характерах, обладатели которых готовы были отвечать за себя и за мир, где они живут, решать сложные жизненные проблемы, и, не находя таких героев в современности, литература обращается к истории. Одной из форм постижения истории становится фольклор, вобравший в себя народные оценки, народные мнения, народные идеалы.

Для Скворцова история становится материалом для исследования человеческой личности, её социальных и нравственных идеалов. Связь эпох и времен для автора не подлежит сомнению, поэтому, сплавления воедино современность и глубокую древность, современность и историю, драматург пытается философски осмыслить проблемы, стоящие перед человеком в любую историческую эпоху: взаимосвязь человека и общества, ответственность человека за своё время и за будущее, смысл человеческой жизни и т. д. Называя свои пьесы драматическими легендами, К. Скворцов ориентирует читателя не только на жанровую специфику пьес, но и на своеобразные принципы освоения фольклора и его отдельных жанров, заставляет рассматривать его произведения через призму определённого фольклорного жанра, традиции которого вплетаются в поэтику его драматургических поэм.

Принципы поэтики К. Скворцова в использовании исторического материала близки народному искусству. Свой способ отбора исторического материала он определяет так: «не строгая документалистика», а народная память о событиях, героях, сохранившаяся в легенде, предании, сказке, песне. По своим приёмам включения фольклорного материала в пьесу, по принципам конструирования, создания мира, в котором живут и действуют его герои, драматург Скворцов типологически сближается с творческими поисками Чингиза Айтматова, который на основе фольклора творит собственный мир, собственную легенду, собственный миф.

В основу «Легенды о белом дереве» Скворцовым положено предание о самопогребении народа, называемого чудью. Легенда о чудях не привязана к какой-то определённой местности и национальности. Сам драматург слышал её в Туве, но бытовала она и на Урале. О широком бытовании этого предания на Урале писали уральские ученые А. И. Лазарев и В. Н. Кругляшова. Именем «чудь» называли на Урале предков аборигенов этого края, здесь «чудь» становится понятием нарицательным и начинает прилагаться к народностям, жившим до прихода русских. Иногда в уральских преданиях название «чудь» заменялось словом «татары», да и мотив белого дерева, белой берёзы, как предполагают ученые, мог возникнуть «в среде нерусских людей, вероятнее всего, татар». А башкирские предания о чуди связывают гибель этого древнего народа с приходом в их земли воинственных племён, то есть башкир. Объяснить происхождение странных курганов, соединяемых в народной памяти с самопогребением чуди, пытались и исходя из исторического прошлого края, связывая их то с калмыками, то с татарами, то с башкирами, в легендах о чуди появлялись имена Ермака, Пугачёва. В конечном итоге всё это свидетельствует о контактах первых засельников Урала с древними племенами, аборигенами края и об их трагической судьбе при столкновении с белыми людьми.

Каковы причины, побудившие Скворцова обратиться к старинному преданию? Восстановить красивую легенду? Рассказать о чуди? Очевидно, нет, поскольку само предание ушло

в эпитафии к частям драматической поэмы, а старинный сюжет переосмыслен Скворцовым.

Мир, в котором живут герои «Легенды о белом дереве», условен. Жизнь героев хоть и отнесена в глубь веков, центральные проблемы, которые их волнуют, — это вопросы человеческого бытия вообще, жизни сердца и души без отнесения к конкретной исторической эпохе, географическому пространству, национальности.

Условность как принцип конструирования мира у Скворцова связана с философской проблематикой его драматической поэзии. Драма в этом случае не простое воплощение действительности, а модель её, позволяющая наиболее полно выразить отношение художника к окружающему миру, человеку, самому себе. Лирическое чувство Скворцова романтически устремлено к разгадке тайн бытия. Лирическое, эпическое и драматическое соединяются у автора в рамках драматической легенды благодаря принципу условности.

Этот же принцип распространяется и на героев: с одной стороны, это люди, живущие по архаическим законам родового строя, с другой стороны, драматург сознательно наделяет своих героев современным мышлением и знанием. Они высказывают мысли современного человека и говорят на его языке, оперируют категориями развитой цивилизации. Скворцов сосредоточивается на изображении внутренней жизни героев, на их трагическом разладе с бытием и обществом в поисках личностной свободы.

В пьесе «Ущелье крылатых коней» несколько иной подход к изображению жизни: здесь перемежаются легенда и реальность. События точно вписаны в определенное историческое время — первая четверть XIX века. Именно в это время жил Иван Бушуев, центральный герой пьесы, а правил Александр I, как о недавнем прошлом вспоминает старый Рамазан о Пугачёве, Салавате, Бушуев изображает на клинке Бородинское сражение и т. д. Социальные конфликты, бытовые подробности, производственно-профессиональная лексика — всё это исторически конкретно и обусловлено временем.

И место действия географически точно представлено в этой пьесе, в отличие от «Легенды о белом дереве». Это

Урал с его своеобразной природой и топонимикой: Уреньга, Таганай, гребень Откликной — с характерными этнографическими особенностями: смесью башкирского населения с русским, усвоением обрядов друг друга, лексики, фольклора. И вместе с тем это не историческая пьеса, как, например, «Отечество мы не меняем», а легенда, созданная по законам легендарно-сказочной поэтики.

Сюжетно-композиционная организация пьес традиционна. Конфликт вырастает из стремления героев разрешить противоречия жизни, а действия персонажей выявляют социальную и ценностную их ориентацию.

Каждая драматическая легенда Скворцова решает свою философскую проблему: «Легенда о белом дереве» — проблему деспотической власти и личности, «Ущелье крылатых коней» — проблему судьбы художника и его вечного стремления к идеалу. Но обе эти драматические легенды объединены одной темой — человек и общество, человек и мир природы, степень свободы человеческой личности. Актуальность этой темы очевидна, она не знает границ времени и пространства, поэтому и создает Скворцов философскую модель действительности, которая позволяет поставить вечные проблемы жизни человека, нарушая законы исторической достоверности. Это черта современной философской литературы, а легенда у Скворцова — это способ философского осмысления жизни, и приобретает она характер притчи.

Гибель чудям принесло не белое дерево, не белые люди, а жестокое правление вождя племени, которое духовно поработило народ, истребило в нем тягу к творчеству, искусству, ремёслам, любви, красоте, жизни, наконец: *«Вождь сделал всё, чтоб в стадо обратился Народ свободный»*. Власть его держится на силе, страхе, жестоких законах. Но вождь — это ещё и человек, и наступает момент, когда закон оборачивается против него. Он влюбляется в ту, к которой по его же закону нельзя приблизиться под страхом смерти, ибо она рождена с белой кожей и должна принести гибель чудям. В муках в нем просыпается человек: ему теперь нужна и мелодия тростяной трубки, и искусная статуэтка, и всё то, чем живёт душа человека и что так долго он душил в людях племени. И вождь бунтует против

себя, против власти деспота, против несправедливой власти. Подобный бунт, подобные муки в состоянии вынести только человек сильный, волевой. Вождь пытается вырваться из рамок закона и морали, им же утверждённых, но тщетно.

Тема противоречивости человеческого сознания звучит в монологе Вождя перед Идолом, где он судит себя сам за стремление к власти, богатству, благополучию, осознает трагичность своей судьбы:

*Всё — бег! Всё — бег! Неудержимый бег!
То стук копыт! То топот ног босых,
Всё — барабанный бой! И всё погоня,
И Дума...
Но стоит
Остановиться, чтоб на миг единый
Перевести дыхание, как видишь,
Что больше не погонщик ты! Что гонят
Уж тебя! Ты — жертва остановки!*

Идол у Скворцова выполняет функции некоего символа. Это символ разума и гармонии самой природы, и он не прощает Вождю его разрушительного правления. Стремление исправить ошибки опоздало: чуди готовы к самопогребению, и слова Вождя о том, что спасение не в земле, а на земле, ничего уже не могут изменить: стадо есть стадо. Землетрясение. На сцене образуется курган. И Анна, обречённая на бессмертие, приветствует новое поколение людей, не знающих рабства. Скворцов создает свою легенду, меняя её жанровые контрапункты — сближая её с притчей.

Центральный образ драматической легенды «Ущелье крылатых коней» Ивана Бушуева создан в традициях легендарно-сказочной поэтики и далёк от своего исторического прототипа. Современная тема «художник и время», «художник и обстоятельства» включена драматургом в рамки возвышенно-драматического повествования, а образ Ивана Бушуева трагичен в силу тех социальных противоречий, которые складываются между художником и средой. И тем острее и трагичнее конфликт, чем ярче и значительнее личность. Рамки легендарного жанра позволили создать такую

возвышенно-романтическую и одновременно обречённую фигуру.

Ошибочно утверждение некоторых критиков, что в основу пьесы Скворцовым положена народная легенда о Бушуеве — мастере златоустовской гравюры на стали. Такая легенда фольклористами не зафиксирована. Но легендарный образ мастера-гравёра был создан П. Бажовым в своих сказах, например в сказе «Иванко-крылатко».

Скворцов в качестве источников своей пьесы назвал сказы П. Бажова, исторические документы о Бушуеве, его работы, хранящиеся в Златоустовском музее, но предлагает свой вариант легенды о знаменитом уральском художнике по стали. Несомненно, влияние Бажова чувствуется у Скворцова в подходе к историческим фактам, к изображению жизни горных рабочих, к способам соединения реалистического и фантастического в художественной структуре произведения. Но если у Бажова, как отмечает Л. Слобожанинова, «гармоническое совмещение самого сурового реализма и высокой, одухотворённой романтики», то у К. Скворцова реально-бытовой антураж подчинён авторской легенде и в конечном итоге не имеет сколько-нибудь важного значения для судьбы героя, ибо автора в большей мере интересуют глубинные психологические состояния героев, а не внешние события.

В сказах Бажова легенду о мастерах творят сами люди, осознавая величие их служения высоким творческим идеалам. У Скворцова Бушуев, несмотря на реалистичность в обрисовке характера, социально убедительные обстоятельства жизни, всё же уходит в легенду, в красивую сказку не столько благодаря памяти народной, сколько по воле автора. И уход его — красивая метафора. У Бажова уход героя в легенду связан с какими-то неблагоприятными социальными условиями жизни, у Скворцова к концу пьесы сказочное действие, сказочные события полностью вытесняют и социальный конфликт, и реально-исторический антураж. Драма-тург как бы освобождается от них, чтобы философски осмыслить судьбу художника, его неодолимое и трагическое стремление к идеалу.

Сказочно-легендарная основа сюжета даёт материал для разного толкования проблемы судьбы человека и судьбы художника в обществе людей. Если в сказке две силы двигают развитие волшебного сюжета: сила предопределения, судьбы, предназначенности и сила личного почина, а «сама судьба в волшебной сказке не утверждает себя автоматически, как это возможно в народной легенде, а становится реальностью в зависимости от того, на что решился сам герой» и в «волшебной сказке побеждает герой — носитель высоких человеческих помыслов, стремлений и порывов», то в легенде судьба человека предопределена и задана. У Скворцова же нет различий между сказочным и легендарным толкованием судьбы, они соединены, слиты в рамках одного произведения, отсюда некоторые противоречия и неувязки в сюжете.

О судьбе говорят все главные герои. Ксения спрашивает Рамазана, почему её судьбу должны решать гонки. На что Рамазан отвечает:

*А что судьба? Отчаянная гонка,
Такая же весёлая байга,
Где цель в конце — могильная плита
С застывшим полумесяцем вороны...*

Старому Рамазану уже открылась жизненная мудрость, но его слова, скорее, рассуждения человека, которого оставили физические и моральные силы, чтобы посостязаться с ней. Но он знает и ещё одно: как ни спорь с судьбой, она тебя одолевает. Он предсказывает судьбу Ивану Бушуеву, стремящемуся открыть тайну Вечного узора:

*Коль славу ищет он, она придёт
Ценою дорогою — одержимым
Бессмертие является со смертью.*

Судьба Ксении связана с судьбой кинжала: булат хранит её, он — её судьба, такое соединение судьбы девушки с судьбой кинжала и исходом байги не случайно, оно восходит к традиционным мотивам восточного сказочного эпоса, когда красавица достаётся как награда лучшему батыру. В данном случае лучшим оказывается Иван Бушуев. О судьбе России,

о судьбах внуков и детей рассуждает Александр I, но для него всё это слова, а жизнь человеческая ничто: на просьбе о помиловании он пишет: «Непременно казнить». Вот кто управляет на земле ведомствами судьбы — сильные мира сего: император, директор фабрики, хозяин, мастер и т. д.

Но судьба художника — это особая судьба. Он обладает правом выбора, но выбора его лишает вечная тяга к неизведанному, к истине, к идеалу. И даже любовь и смерть не могут его остановить на пути к красоте и постижению её тайны, ибо Иван как художник свободен:

*Человеку нужна свобода духа, и тогда
Свободен он и в поле, и в темнице.*

Иван свободен в выборе своей судьбы, он выбрал её задолго до всех событий, и исход для него предрешён:

*Свобода — это затянутое самоубийство
Творца над материалом неподатным.*

Бушуев, личность масштабная, сильная своими нравственными устоями, вступающая в конфликт с социально враждебными силами, преодолевающая противоречия в собственной духовной сфере, романтически возвышен и трагически обречён, ибо для него «последний штрих на клинке должен стать подвигом», и за этим штрихом он идет в ущелье крылатых коней, уходя в легенду.

Литературные реминисценции проблеме судьбы художника в обществе лишают временной, исторической, национальной привязанности. Скворцов уподобляет Бушуева эсхилловскому Прометею, заставляет вспомнить строки лермонтовского «Поэта», а крылатые кони точно сошли со страниц «Мёртвых душ» Н. В. Гоголя:

*Эй, кони! То не вы с моих клинков
Срываетесь в полёт... Мы сами — кони,
Что тащат колесницу государства.
Лихой ямщик стегает нас по крыльям.*

Литературные реминисценции, стихотворная форма пьес придают возвышенность содержанию фольклорных легенд

и подчёркивают особое значение философской проблематики его пьес.

Если «Легенда о белом дереве», превращённая автором в притчу, оказывается вне национального, то в «Ущелье крылатых коней» и сюжетная завязка пьесы, и содержание, и образы — сплав национальных и интернациональных элементов быта и культуры русских и башкир. В обряде весенних гонок — байге — участвуют и русские, и башкиры, и даже немец Людвиг Шаф. Победителя Ивана Бушуева по правилам башкирской национальной игры чествуют на ковре, и башкир Рамазан вручает ему награду за победу — «Лихой булат», который ему самому достался от русского полковника, а также свою приёмную дочь, русскую по происхождению, но по воспитанию, поведению, образу мыслей настоящую башкирку — гордую, лихую, отважную, свободолюбивую.

Для Скворцова как будто не существует национальных проблем в их остром социальном и политическом смысле. Он доверяет жизни, которая сама выстраивала, формировала межнациональные отношения.

Государственная история башкир и русских у Скворцова в пьесе соседствует с именем Пугачева, как бы символизируя единство социальных устремлений народов. Социальная неволя и несправедливость в равной степени коснулась простых людей всех национальностей, и в ненависти к угнетателям, притеснителям они единодушны и поддерживают друг друга.

Общую ненависть у героев пьесы — башкир и русских — вызывают немцы Шафы, но не национальная принадлежность оказывается причиной такого отношения, а человеческие качества этих мастеров из Золингена: их вероломство, мошенничество, двоедушие, жестокость, мстительность, национальное чванство.

Конечно, жизнь людей разных национальностей, их психология, образ мышления имеют свои веками сложившиеся национальные особенности, и Скворцов несколькими деталями подчёркивает это: степь, костёр в горах, байга, калым за невесту — приметы жизни башкир; немец Вильгельм Шаф

ратует за «порядок строгий» по «образцу немецкому», особенности его мышления и языка проявляются в речи («*То работа не есть Бушуева*») и т. д. Но эти национальные особенности для драматурга особого значения не имеют, его герои говорят одним языком, и те же немцы употребляют в речи русские просторечия: *булгачить, доколе, допускать, приударил, бутыловка* и т. д. Это объясняется законами романтической драматической поэзии, которая, по сути, есть самовыражение автора и несёт в себе черты его индивидуальности, его философского обобщения, несомненно, имеющие национальный характер. Скорее всего, в этом проявилось и отношение самого автора к героям, которые кичатся своим происхождением, но связь с национальными корнями у них очень незначительна, и дальше хвастовства она не идёт.

Национальное резче, ярче проявляется в русских и башкирах. Если Бушуев подан не столько как индивидуальный характер, а как общекультурный тип художника, творца, то носителями национального, истинно русского становятся в пьесе его дед Терентий Бушуев и Заводила. Именно Заводила вводит в пьесу русские сказки, песни, поговорки, пословицы. Он рассказывает сказку об уряднике, который был запаян в питейный штоф, он поет народные песни, характерные для горнозаводской среды: «Соловей кукушечку уговаривал» и др.

К. Скворцов не ставил своей целью показать этническую жизнь народов Урала, но решал на уральском материале и уральском фольклоре нравственно-философские проблемы, он не выходит за рамки реальной жизни и реальных отношений, и поэтому в его произведениях находят отражение этнографические и хозяйственные особенности жизни русских и башкир, черты их культуры и психологии, мотивы и образы их национального устного народного поэтического творчества.

Идейное содержание пьес К. Скворцова не исчерпывается решением определённой философской проблемы. Есть в его пьесах и сверхзадача — не дать человеку забыть историю своего народа, своего края. И в этом должен, по его убеждению,

помочь фольклор, ибо он — частица нашей духовной культуры. Этим и объясняется обращение драматурга к фольклорным жанрам, мотивам, образам, приёмам, на основе которых он творит свою легенду, отражающую авторскую концепцию человека и мира и связывающую проблемы современности с историей своего народа.

Таким образом, легенда нужна Скворцову для того, чтобы воспользоваться народной памятью об историческом лице, событии, которые он, народ, воспринимает как героические, легендарные, достойные памяти. Легенда для Скворцова становится способом философского осмысления жизни вообще и современной в частности. Она дает возможность драматургу создать характеры, исключительные по силе своей страсти, таланта, протеста.

Драматические легенды писателя дают философское осмысление вечных проблем человеческого бытия, решение которых проникнуто гуманистическим пафосом, народным самосознанием, наиболее полно воплотившимися в национальном фольклоре.

Список литературы

1. Юдин, Ю. И. Сказка и история / Ю. И. Юдин // Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов : сб. науч. трудов / под ред. Б. Н. Путилова. — Ленинград, 1984. — С. 100.

2. Кругляшова, В. П. Жанры несказочной прозы уральского горнозаводского фольклора / В. П. Кругляшова. — Свердловск, 1974. — С. 6.

3. Слобожанина, Л. Мотивы легенд, преданий. «Лёгок язык, да твердо слово» / Л. Слобожанина // Урал. — 1979. — № 1. — С. 86.

4. Башкирия в русской литературе. В 5 т. / сост. М. Г. Рахимкулов. — Уфа : Башкирское книжное издательство, 1961–1968.

5. Скворцов, К. Ищу своего героя : [интервью] / К. Скворцов // Челябинский рабочий. — 1985, 10 ноября.

6. Лазарев, А. И. Предания рабочих Урала как художественное явление / А. И. Лазарев. — Челябинск, 1970.

Оксана КИРИЛЛОВА,

учитель русского языка и литературы,
г. Челябинск

Романтическая поэма как протожанровая модель в пьесе К. В. Скворцова «Ущелье крылатых коней»

К. В. Скворцов предпослал своей пьесе «Ущелье крылатых коней» жанровый подзаголовок — драматическая легенда. Перед нами текст, который объединяет в себе драматическое, лирическое и эпическое начала. В данном случае этот синкретизм служит выражению романтического мировосприятия. Жанровым аналогом, максимально приближенным к этому тексту и выступающим в роли своеобразного протожанра, на наш взгляд, является романтическая поэма, так как лирическое начало является определяющим, авторское сознание обозначено отчётливо — не только в словах главного героя, в уста которого заложены сокровенные мысли автора о природе творчества и о судьбе творца, но и в самой лирической стихии текста.

К. В. Скворцов в пьесе «Ущелье крылатых коней» затрагивает важные темы для романтиков: тему творчества, тему мастерства, тему выбора своей судьбы, тему свободы. Для драмы характерен и особый тип конфликта — противопоставление мечты и реальности, которое организует художественный мир романтиков. Иван Бушуев устремлён к возвышенным целям, мечтает открыть Тайну Вечного узора и запечатлеть его на клинке. Только Бушуев способен соприкоснуться с мечтой, познать тайну ущелья крылатых коней. В финале мечта и реальность близко подходят друг к другу, герой, освобождая коней, исчезает вместе с ними.

Антитеза является ведущим приёмом организации текста и проявляется на разных её уровнях. Автор противопоставляет Ивана и Людвигу, Россию и Европу, романтического героя

и толпу. В пьесе остро развивается противоборство между романтическим героем Бушуевым, обретшим реалистичность в обрисовке характера, и немецкими мастерами Шафами. Отец и сын презрительно относятся к русским умельцам, не признают их талант, видят в них только безыскусных гравёров, которые должны слепо воспроизводить узоры золингенских мастеров. Вильгельм и Людвиг Шафы высокомерно считали, что русскому мастеру не под силу создать что-либо равное их золингенским изделиям, называли Россию презренной и дикой страной «царей великих и холопов мелких». В ответ на слова Придворного: «Нища Россия своими мастерами...» [2, с. 542] Вильгельм чванливо заявляет:

*Мы в Европе
Всегда готовы ей прийти на помощь,
Златых клинков не делает Россия,
Но с ней друзья её!* [2, с. 542]

Но с именитыми Шафами, которых знает и почитает вся Европа, оказывается, можно соперничать, и молодой Бушуев в неравной борьбе, несмотря на коварство Вильгельма и Людвига (последнего он искренне считал своим другом, товарищем по ремеслу), сумел превзойти их. Для уральского умельца узоры на металле не просто орнамент, а *«мысли, мысли острые, как пламя, / И беспокойство горькое за судьбы / Людей, живущих рядом...»* [2, с. 513]. При всём этом жизнь Ивана трагически обрывается, в финале, делая свой единственно правильный выбор, он достигает бессмертия ценой собственной жизни. Скворцов намечает конфликт между художником и обществом, между художником и временем, тем самым Бушуев становится героем трагическим в силу тех социальных противоречий, которые складываются между художником и средой. «И тем острее и трагичнее конфликт, тем ярче и значительнее личность» [1, с. 23].

Выявляя черты протожанра, которым является романтическая поэма для этой пьесы, мы отметили двоимирие как конструктивный принцип. Перед читателем предстаёт мир простой трудовой жизни уральских мастеров и мир «ущелья крылатых коней». Контраст этих двух миров очевиден, он реализуется поэтом через

чётко выстроенную систему оппозиций: мир природы, полный тайн и волшебства, и мир людей, наполненный завистью и предательством; истинный творец Бушуев и мастера-ремесленники Шафы, в руках которых рисунок на стали остается «мёртвым»; творческий полёт фантазии Ивана противопоставлен рациональному и «трафаретному» творчеству Шафов; свободная жизнь башкир, близких к природе и понимающих её, и подневольная жизнь русских подмастерьев на оружейной фабрике. Главный герой, понимая условности и несовершенства окружающей среды, пытается полностью отдаться во власть творчества, ущелье крылатых коней — это дверь в другой мир, открывающий Ивану Тайну Вечного узора.

Иван Бушуев представляет собой особый тип романтического героя. Герой одинок в своих поисках, у него нет единомышленников, он бросает вызов «мёртвому» искусству, прозе жизни. Бушуев мечтами устремлён к возвышенным целям, он живёт в мире, где Природа есть источник вдохновения и творчества, силы мастер черпает в горах:

*И в горы шёл... Я с ветром говорил,
И туча тихо, словно пёс кудлатый,
У ног моих ласкалась... Птицы вести
Несли с вершин далёких... И тотчас
Узор для новой сабли возникал,
На прежний непохожий... [2, с. 538]*

Бушуев выше всего ценит свободу, свободу творчества и самовыражения; своему деду, Терентию Бушуеву, молодой мастер заявляет: «Иду искать узор, что принесёт / Свободу мне!..» [2, с. 537]. Недаром героини-романтики беспокойны, страстны, неукротимы, это «исключительные характеры в исключительных обстоятельствах».

Через монологи главного героя поэмы Скворцова раскрываются его характер, источник вдохновения, взгляд на искусство гравировки холодного оружия. Создавая рисунок на стали, мастер пытался вдохнуть жизнь в металл и камень, каждая фигура должна жить и дышать: «Искусство наше есть свершенье чуда, / И потому бессмертное оно!..» [2, с. 511]. Слова Бушуева перекликаются с эпитафией произведения «Жизнь коротка, ис-

кусство вечно», в котором заключена, пожалуй, основная идея поэмы.

Иван Бушуев — это общекультурный тип художника, творца. Его задача — постигать ценой собственной жизни тайны природы, подвластные только ему. Автора пьесы интересует глубинное психологическое состояние героя, так как судьба художника никогда не повторяет другие судьбы. Это всегда особая судьба. Художник обладает правом выбора, однако вечное стремление к неизведанным тайнам, к истине, к идеалу лишает творца этого выбора. К. В. Скворцов утверждает своей поэмой, что даже любовь и смерть не могут остановить художника на пути к красоте и постижению её тайны. Иван как художник свободен. Бушуев не мыслит своей жизни вне искусства, он творит по велению сердца, никому не подчиняясь. Но творца всегда ожидает расплата. Расплата за гениальность. Божья искра не достаётся даром. Иван в финале драматической легенды исчезает под копытами крылатых коней. Другого финала у романтического героя-творца быть и не могло. Поэтому талантливейший уральский художник по стали отдаёт себя в жертву истинному познанию красоты высшего искусства.

Иван Бушуев является героем-резонёром: его мысли о свободе творчества и судьбе творца, о роли искусства близки и созвучны автору, монологи героя имеют сложную адресацию — они обращены в зрительный зал, к другим героям и к самому себе.

Рамки легендарного жанра драматизированной романтической поэмы позволили создать такую возвышенно-романтическую и одновременно обречённую фигуру. По воле автора главный герой уходит в легенду, социальный конфликт и реально-историческая обстановка вытесняются сказочными событиями, чтобы драматург с точки зрения философии смог осмыслить судьбу художника, его неодолимое и трагическое стремление к идеалу. События, происходящие в романтической драме, важны лишь для раскрытия особенностей личности, которая интересует писателя.

К. В. Скворцов создаёт своё произведение, в котором органично соединяются эпос, лирика и драма. В поэме важное место занимает повествовательная интонация: захватывающий сюжет с чётко выраженными завязкой, кульминацией, развязкой,

неожиданными сюжетными поворотами. Повествование окрашено лирическими переживаниями и размышлениями героев, их монологи, вставные эпизоды замедляют повествование. Пьеса «Ущелье крылатых коней» обладает внешними признаками драмы (список действующих лиц, есть указание на время и место разворачиваемых событий, текст содержит реплики и авторские ремарки, разбит на действия), но при этом сохраняются свойственные романтической поэме особенности — смещённость в область поэтического слова. Это предполагает зрителя, способного слушать драму и воспринимать её через словесную ткань. Драматическая легенда проникнута романтическим, героическим пафосом и трагедийным в финале, пафос обнаруживает себя в монологах главных героев. В итоге получился абсолютный синтез трёх родов литературы.

Художественное время и художественное пространство составляют важнейший уровень в жанровой модели произведения. Скворцов решает нравственно-философские проблемы на уральском материале, который с учётом башкирской темы предстаёт экзотическим пространством, обращаясь к истории, к первой четверти XIX века. В сущности, перед нами романтическая концепция истории, когда художник не стремится к точному изображению фактов, а стремится передать сам дух истории. Сценическое время охватывает небольшой временной промежуток, но постоянные экскурсы в прошлое раздвигают временные рамки.

В теоретическую модель жанра органично вписывается ассоциативный фон. Цыганская тема, как у Пушкина в его романтической поэме «Цыганы», ассоциация с «Кинжалом» М. Ю. Лермонтова, кинжал является символом твердости духа и «залогом любви немой».

Интонационно-речевая организация выполняет стилеобразующую функцию. Автором задействованы различные выразительные средства романтической лирики: яркое поэтическое слово, действенный ритм, особый поэтический синтаксис, звуковая мелодичность. Каждый художественный элемент, даже самый маленький эпитет, в той или иной мере участвует в конструировании художественного мира. Например, обратившись к первой главе драматической легенды «Ущелье крылатых коней», мы отмечаем эпитеты, которые, называя признаки пред-

мета, помогают нам увидеть, услышать, ощутить этот неповторимый предмет, выразить чувства поэта. Вот только некоторые из них: «лихой булат», «яростные кони», «отчаянная гонка», «весёлая байга», «в лихой степи», «правильный старик», «великого узора», «мудрое решенье». Поэт очень часто ставит эпитет после определяемого слова. Примеров инверсии в поэме предостаточно: «о подвигах былых», «наездника лихого», «к проклятиям людским», «трус презренный», «наездник гордый», «в степи раздольной», «булат старинный», «узор сплетённый», «славой доброй».

Адресат драматической легенды «Ущелье крылатых коней» — человек второй половины XX века, который думает о Европе и России, сравнивает их, размышляет о путях развития России, о самобытной русской культуре, пытается найти героя своего времени. Обращаясь к прошлому страны, Скворцов поднимает темы и проблемы, актуальные для читателя, живущего в 70–80 годы XX века: можно ли творить по заказу, какую цену платит художник за свободу самовыражения, что есть истинный творец, как взаимодействуют власть и художник и др.

Таким образом, авторская модель мира отражает романтическое мировосприятие, а романтическая поэма смогла наиболее ярко отразить эпоху начала XIX века. Однако драматизированная романтическая поэма — протожанр, максимально приближенный к тому жанровому решению, которое выбирает драматург. Следует отметить, что степень сценичности пьесы К. В. Скворцова выше, чем в классической драматизированной поэме: расширен объём ремарок, сценичен финал с вырастающими из сцены клинками, важную роль играют реплики, произнесённые в сторону.

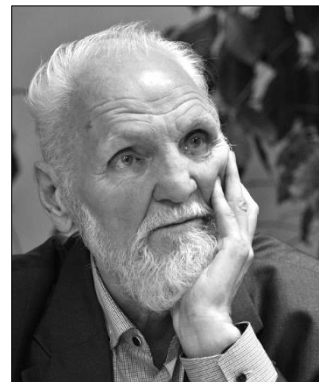
Список литературы

1. Екимова, Т. А. Жанрообразующее значение мотивов уральского фольклора в драматических легендах фольклора К. Скворцова («Легенда о белом дереве» и Ущелье крылатых коней) / Т. А. Екимова // Художественный мир поэта и драматурга К. Скворцова : сборник статей / сост. Т. В. Соловьева. — Челябинск : Взгляд, 2014. — С. 18–28.

2. Скворцов, К. В. Сыны славы : драматические произведения / К. В. Скворцов. — Москва : Советский писатель, 1988. — 800 с.

Писатели о писателе

Владимир КРУПИН,
русский советский писатель,
публицист и педагог,
лауреат Патриаршей литературной премии,
г. Москва

«Деятельность его поистине удивительна...»

Середина 80-х. Неслыханное по своему напору хамское вторжение западной культуры в культуру России. Тотальное оболванивание народа. Поддержка только тех писателей, которые занимают прозападную позицию. Их поддерживают проданные-перепроданные средства массовой информации. Мощное влияние Запада, восхваление европейских ценностей возвращают молодые умы. Молодёжь, которую обмануть легче всего, горланит: «Перемен, мы ждём перемен!» И дождались вскоре крови 93-го года и ельцинских окаянных лет.

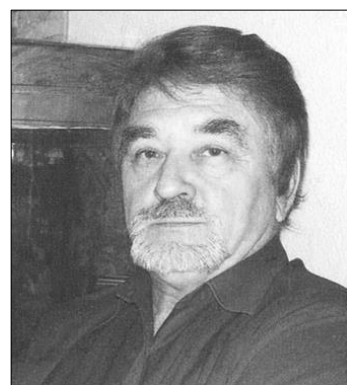
А тогда, в 80-е, союзы писателей и СССР и РСФСР как могли сопротивлялись захватчикам нравственных ценностей. Руководство Союза пошло на кардинальное обновление руководящих кадров, происшедшее на Съезде писателей в 1986 году. В числе тех, кто вошёл в Секретариат СП, был руководитель Челябинской писательской организации Константин Скворцов. Сам молодой, он в качестве рабочего секретаря СП СССР возглавил работу Бюро пропаганды литературы и взял на себя руководство молодыми писателями страны. Деятельность его была поистине удивительна. Энергия, данная ему его уральской родиной, помогала организовывать и зональные, и Всесоюзные совещания молодых. По итогам совещаний готовились рекомендации по принятию новых членов в Союз писателей. Это

обновление плодотворно сказалось уже в 90-е годы, когда напор на национальные культуры со стороны космополитов нарастал.

Помогал Константину Скворцову его заслуженный авторитет замечательного поэта и незаурядного драматурга. По стране шли его пьесы. Чем они были незаурядны? Тем, что, вбирая в себя традиции античного театра, они были современны. И ставили их те режиссёры, которые не поддавались на происки модерна, не стремились к выкаблучиванию, эпатажу. А тогда в моде были постановщики, которые не стеснялись в тексты классиков вписывать свои измышления. А строгая форма скворцовских пьес принуждала режиссёров (но это было благодатно и спасительно для театра) следовать выражению мыслей автора, а не демонстрировать оригинальность сценического воплощения.

Поэтичность и напевность стихов Константина Васильевича привлекла композиторов, и песенное богатство России было дополнено песнями на его стихи. «Не было хлеба — матушка пела, песней наполнено детство моё». Народная артистка России певица Татьяна Петрова говорила о песнях на стихи Скворцова как о самых своих любимых.

Евгений ЧЕБАЛИН,
писатель.
г. Самара

Открытое письмо Константину Скворцову

Дорогой коллега и соратник по перу!

Появилась потребность высказаться перед твоими Третьими Скворцовскими чтениями в Челябинском институте переподготовки и повышения квалификации работников образования. Эта масштабная акция — явление в России редкостное и по-

чётное. Право на персональное поздравление с этим событием дает мне почти полувековое наше пребывание в русской литературе, наша корневая принадлежность к ценностям славяно-арийского этноса, *наше доброе и сердечное общение на протяжении всего этого времени.*

По твоей драматургической поэзии читали спецкурс в университете Польши (Лодзь), твои проза и поэзия переведены на английский, немецкий, сербский, арабский языки.

Тебя, твои пьесы ставило немало театров России и Зарубежья.

В наши года эти фанфарные этапы уже в прошлом. Они плотно впрессованы в память и греют оттуда фосфоресцирующим, призрачным светом. Что же касается настоящего — здесь нам оставлено едва ли не главное сокровище реальности — рыбалка. Вчитываясь, пропитываясь благоухающим, ароматным слогом твоего эссе «Белая лошадь в белом тумане», я наслаждался родственным сопричастием к происходящему священнодействию. Именно так — **священнодействие** — я называю рыбачью событийность, где день рыбалки прибавляет, по слухам, год жизни. У тебя она насыщена величественным, диким мирозданием Сибири и Урала, коими будет пророчески прирастать (*по Ломоносову и Эдгару Кейси*) Россия. Здесь бездорожье зелёного урочища Ямбая (*у меня — бездорожье Терека, Астраханских плавней, озера Севан*). Здесь дикая, неукротимая ширь Шишмарала, грохочущая мощь родника. И здесь же твои поразительные метафоры: хрустальная чистота родника осветляет реку. В твоей интерпретации тот родник — подлинное, правдивое писательское слово, оно осветляет течение времён. И вторая точнейшая, истинная метафора о Божеской пище для рыбы, послужившей некогда пищей самому Христу (манна небесная!) — бабочки-подёнки.

Я наблюдал эту «манну небесную» на рыбалках у Терека, Волги, у озера Севан в Армении. Она же, только в несколько ином виде, была главной пищей рыбьих стад в Колыме, Индигирке и Лене, где я работал собкором Комитета по радиовещанию и телевидению. Но Заполярную, колымскую «манну небесную» представляли не подёнки, а несметные тучи комара и его личинок в воде.

И как апофеоз, как природная симфония, всё ещё реально доступная нам, — атрибуты рыбалки, которые бесшовно и сказочно вплавлены в твою «Белую лошадь...»: треск и языки пламени костра, полог от дождя, чёрная закопчённость рыбачьего котелка для ухи, палатка. Наползающий на эту величественно дикую чистоту — туман. А утром — гремящий погром в этом тумане, треск и грохот, взорвавшие рыбалочью негу: вторгшийся табун вольно пасущихся, одичалых лошадей. А среди них, как призрачное явление, как апофеоз всего этого катаклизма — БЕЛАЯ ЛОШАДЬ. Она очеловечена своим пониманием незваного вторжения в людскую среду обитания, она примирительно призрачна, как миф в белом тумане.

Если обобщить это описание ночлега и вторжение лошадей, то за литературной живописью во всю могучую уральскую ширь встанёт ещё одно — то самое, чем будет, чем должна прирастать Россия: КРАСОТА. Она во всём — в могучем размахе реки, в парадном строе кедровника, в гремящей чистоте родника, даже в пойманной рыбине.

Последнее качество — Красота — незыблемо и прочно угнездились в тебе, Константине Скворцове. Твои простейшие зарисовки бытия с малой атрибутикой, типа воробья и дикороса-яблони, пронизаны красотой и разумом. Причем их природная разумность логична и естественна, что не дано понять замшелому материалисту. Твой воробей, прирученный крошками, которые ты оставлял ему на подоконнике, встроился в синхронную постоянность твоих угощений и подстроил к ней режим своего существования.

Но однажды надёжной и сытной подкормки не оказалось на подоконнике — тебя, большого кормильца, властно заграбастала житейская ситуация, где стало не до воробьиных крошек. И малая птаха, каким-то природным разумом осознав житейский катаклизм своего кормильца, заботливо отозвалась на человеческий напряг своим благодарным рефлексом: воробей притащил в клюве и оставил человеку на подоконнике где-то припасённую краюшку.

Столь же непостижима осознанная реакция яблоньки-дикороса у окна дачи. Ты заботился, растил и поливал её. Но сосед, которому яблоневые ветки заслоняли окно, потребо-

вал её срубить. Ты не позволил этого живодёрства, отстоял деревце, которое ушло в зиму нетронутым. А весной яблоня расцвела поразительно однобоко — лишь стороной кроны у твоего окна. Расцвела, созрела и благодарно протянула к окну спасителя сочные плоды.

Ни воробей, ни яблонька-дикорос не претендуют на масштабные параметры, они плоть от плоти извечно скудного и скромного славянского бытия — как и та старушка в замшелом сельском клубе, куда тебя занесло через хляби и пни-колоды бездорожья, занесло как писателя. Ты выступил, ответил на вопросы, прочёл стихи, заслужив долгие, благодарные аплодисменты забытого, ободранного реформами уральского люда. Но в нём, как и в воробье, и в яблоне, неистребимо жил всё тот же рефлекс русской благодарности: старушка из зала перед окончанием встречи засемила домой и принесла тебе, поделилась тем, что было для неё ценностью — тремя варёными картошками.

Этот триптих — о воробье, яблоньке и старушке — пронизан добром, он суть твоей прозы, всклень напитанной поэзией русского быта.

Марина ГАНИЧЕВА,
писатель, главный редактор
«Роман-журнала. XXI век»,
г. Москва

Из ранней поэзии Константина Скворцова, или У поэта все живы

У Бога все живы, говорим мы по православной традиции. Погрузившись в раннюю поэзию Константина Скворцова, явственно увидела, что и у поэта все живы! Да-да, это как-то

я слышала в его строчках, шелестящих, как ветер в спутанных ветвях деревьев. И это не о людях, хотя и они у поэта, у хорошего поэта, всегда живы и соединяются в эпохах, приходят к нам вновь в образах поэтических, меняют дороги и города, плывут над нами... Всё это есть и в поэзии Константина Скворцова.

Но вот о чём мне хотелось бы сказать конкретно, так это о его православном взгляде на мир природы, на живые картины жизни изначальной, природной, земной, которыми населена его поэзия. Уверена, что сам он этого никогда так не воспринимал, просто жил в этом мире живой природы, соединялся с ним, чувствовал кончиками пальцев этот животворящий поток, родниковый и земной. Иные поэты тоже много пишут о природе, но подчас у них она какая-то задеревенелая, статичная, что ли, от незнания или от неумения найти образ, сопричастный живой жизни. А вот у Фета, Полонского, Есенина, Рубцова — это естество, это гимн великой силе жизни. Каждому зелёному листочку. Берёзе. Пню... И здесь продолжение традиции у Константина Скворцова.

Как это природное чувство земли, неба, птиц, растений соединилось у поэта в ткань стихотворения? Я начала читать его поэзию именно с этой точки зрения, утонула в образах, закуталась в травы, в соловьиные трели, в каскады воды и солнца... Всё же поэт тоже творец! Это умение вызвать дождь и грозу, потом остановить ливень, потом наполнить всё солнцем и расцветить крыльями стрекоз и пением птиц. Читала две недели. Выписывала. Дошла до 1980 года. Пожалуй, именно с этих времен я и слышала стихи К. В. Скворцова, их читала моя мама, влюблённая в его поэзию, читала вслух, проникновенно, читал и сам поэт, и его друзья. Так в моём сердце поселился поэт.

Никогда я не была в тех местах, о которых он пишет, и птиц этих не видела и не слышала, и деревья надо мной не вставали такие, а вот всё это оживало под его кистью творца, и мне уже они не были незнакомы, уже я узнавала птиц по голосу, а деревья по шелесту листьев и резным их краям. Заворожённо слушала поэта, внутри меня всё это дрожало и откликалось.

Делала выписки по 4 категориям: «О деревьях, цветах, травах», «О птицах», «О животных, насекомых», «О реках и рыбах»...

Я не литературовед и не претендую на некий филологический анализ. Просто стало интересно — как поэт это делает, как он, словно энциклопедия, знакомит нас с дивным этим миром, нам, городским, порой совсем и незнакомом, но и знакомом, потому что он в нашей генетической памяти, где-то по рассказам бабушки, где-то по документальным фильмам или книгам. Всё это для нас удивительно важно, основополагающее, что ли, в этих темах, фундаментальное. Границы, государства, войны, страдания — всё это наша жизнь, но всё-таки под ногами и вокруг есть вечная жизнь, непреходящая — земля и деревья с травами и цветами, и гомон птичий, и собачка, и рыба в реке... И это всё равно первооснова.

Думала, чего же больше будет — деревьев, или птиц, или рыб? Он — Скворцов, и, должно быть, будет больше всего птиц, он рыбак, и, наверное, множество рыб у него в стихах. Оказалось, что нет — всё-таки деревьев, трав, цветов... Ну, конечно, здесь не важна статистика, а важно, как это всё сплетается у поэта в единый живой клубок жизни, который он разматывает потом в поэтические строчки.

Итак, о деревьях. Цветах. Травах. Я, как девочка из стихотворения Скворцова, иду вслед за его волшебным клубком.

Клубок

*Задумчив лес мой и глубок.
В дремучих дебрях по старинке
Волшебный катится клубок
По чёрной узенькой тропинке.*

*За ним в дожде лучей рябых
Легко, не обронив слезинки,
За счастьем, словно по грибы,
Шагает девочка с корзинкой...*

*Ольха раскрыла купола,
И, утопая в чащах росных,
Гудят мои колокола —
Литые бронзовые сосны.*

*Играют в них бурундуки
Горою золотых орехов.
И стрел невучих тростники
Качаются в молочных реках.*

*Я подарил тебе клубок.
Иди.
Он всё тебе отыщет.
Но помни:
Рядом серый волк
По травам опалённым рыщет.*

Сначала много кедра, этой «свечки» Урала и Сибири: «А пока на его околице только кедры страдают бессонницей»; «Словно в бухту, оно войдёт в песню кедров...» («Катера»); «Где вышки стройные, как кедры, из скважин нефтью снег пробьют... Где иней тёплый, словно вербы, цветёт в стране полярных вьюг»; «Пусть, дрожа, убегает под камни река, шишки прячутся в кедрах, как птицы...» (Ночь, 1962); «Зелен кедр-кипарис в варианте рабочем»; «Ветер, в кедрах уснув, затих» («Ночь хорошая, звездная...», 1962).

Вонзается, словно кинжал, в небо кедр и перемежается нефтяными вышками, похожими на него. Всё в одном пространстве, в одном оркестре.

Мягкие, нежные берёзы вступают. Без них никуда, но и они оживают девичьим хороводом... «Вон под окном берёзы плачут пред тем, как снова расцвести»; «Там дружно, как девчонки в хоре, берёзы пели для меня!..»; «Притихшие тёплые ветры замирают в объятьях берёз»; «Как берёзка, раздвинув хвою, ты войдёшь»; «На станции тихой встречали меня берёзы»; «И снова кружатся поля, берёзы сирые и пашни»; «Эх, тополиная метелица! Эх, белый-белый косогор, где три берёзы тихих — пленницы, в траве оставленный топор».

Конечно, сосны... Они внутри всей поэтической ткани автора, живут рядом... «И плотно, словно буквы в слове, прямые сосны вокруг меня»; «К куску земли, где по ночам мне сосны дикие и лайки в избушку лапами стучат»; «Вся равнина в трясилах, в озёрах, как в оспе, и качаются в топях зелёные

сосны... На корявых стволах смóлы — брызги рассвета. Соснам, может, лет сто, а всего по два метра!».

А ещё рябины, ольха и, конечно, черемуха: «Любить, любить мне полустанки за губы горькие рябин»; «Остаюсь с рябинами, тонкими, как и ты»; «Из черёмухи горькой, вяза, красной ольхи, что росли за пригорком, у замшелой реки»; «Горит крушина по кюветам»; «Надивиться не могу — вздрогнул, как от всполоха: на сиреневом лугу белая черёмуха»; «Вокруг туман черёмух белых, ив серебристых круговерть».

Человек кружится среди своих братьев-деревьев и сосуществует с ними, с живыми: «Весною, выбежав в поля, я повисал на шее вяза...».

И опускаются глаза, и вдруг — ягоды, травы, цветы, которые ты увидишь словно впервые с поэтом, когда ты вместе с ним падаешь на колени... И горчинка кровавой клюквы и брусники, и шелест многовековой в зарослях камыша, и лёгкий запах черёмухи наплывает на девочку...

Вокруг цветы, даже там, где всё сгорело и пепелище: «Росла полынь из чёрных окон, под камни прятались ручьи», «И я ромашки звал на помощь, настой их горький пригубя». А вот и маки: «Словно солнца, качаются маки».

И в этой идиллии 60-х, когда начинается грандиозное индустриальное сражение с природой, у поэта вдруг предчувствие беды... Поэты всегда раньше других ощущают пульс движения в жизни, ловят в воздухе неких предвестников изменений...

Какое-то пронзительное по своему воздействию стихотворение «Крик травы». Просто косят траву, а поэту больно...

*Я в тревоге
Стою у распахнутых окон.
А лесник,
Свесив бороду с тёплой печи,
Говорит:
— Спи, сынок.
До рассвета далеко.
В пойме режут траву —
Вот она и кричит.*
(«Крик травы»)

И гибнут деревья («Закипала вода. И горела трава. И солдатами падали наземь деревья»), гибнут цветы и трава, совершая земной круг, но поэт именно эти травы и цветы превращает в художественные образы.

*Ты всё так же чаруешь, моя сторона,
И всё так же грустишь камышинкой у ила...
Так мне нужно увидеть
Живые слова,
Те, что в мокром ольшанике ты затаила....*

*Вокруг меня встают не стены —
слова, пропахшие смолой!*

*Я упал на траву.
Я лежу на траве,
Не на той — на десятом её коленье.
Слышу, красное семечко сердца во мне
Прорастает оставленным здесь откровеньем.*

И силится спасти хотя бы что-то живое, чувствуя, что без этого живого другой жизни у человека не будет. Всё может молодой поэт! «Поёт на ветке первый лист о клейкой одинокой доле. Давай под синь и ветра свист его согреем меж ладоней!»

Какой-то молитвенный глас слышится в поэте, его ощущение Бога внутри себя и вне его, в природе вокруг, Творца, который вокруг одушевляет всё, наполняет соком жизни.

*Дождь, предвещавший спелую траву,
Нас миновал.
Стою под синей далью.
И мир пронизан светом и печалью.
И он доступен Богу одному.

Я к этой благодати причащён...
Не знавший поражений дикий воин,*

*Я даже кромки неба недостоин,
А только смерти под его пращой.
(«Дождь, предвещавший спелую траву...», 1977)*

1977 год, а какое ощущение присутствия Бога во всём, как поэт нащупал этот нерв, сколь точно выразил суть мира и его Творца, суть назначения поэта — «причаститься к этой благодати»!

Летящая стрела птичьего крыла. Идём дальше. Читаем о птицах. Кто здесь нас встречает?

В стихотворении «Здесь все твоё» он пишет уже о собранных в строки птицах: *«И птицы, что кричат на ветках строк, они ручные — позови их только».*

Вот они, выплывают вестниками любви или беды и печали. Глухари, воробьи, гуси, чайки, журавли, утки, стрижи, ястребы и чёрные грифы, вороны и цапли, грачи и сычи, иволга, кукушка, дятел и тетёрка, овсянка... Впору открыть справочник по птицам, к слову сказать, мой городской зять-физик изучает птиц по справочникам и слушает их голоса, да ещё и детей своих приучает, моих внуков. Вот не знаю, как выглядит овсянка, но будто вижу её живой, читая стихотворение...

Купальщица

*Увидев птиц, я вспоминаю клетки
И крыльями торгующих людей...
Вот по руке, как по сосновой ветке,
Овсянка опускается к воде.*

*Прислушалась на миг к лесному шуму.
И, не почуяв никакого зла,
Так солнечными крыльями взмахнула,
Как будто платье жёлтое сняла,*

*И в воду: бух! Как белую пушинку,
Её свирепо речка понесла,
Ломая об упругие кувшинки
Два маленьких неопытных крыла.*

*То выпорхнет она, то снова тонет,
То вдруг осыплет перьев лепестки...*

*...Купальщица пригелась на ладонях,
Обсохла и на ветки не летит...*

*Вопросы птицам задавать нелепо,
Но я взываю к птичьему уму:
— Иль ты не знаешь человека,
Иль слишком знаешь человека,
Что так доверилась ему?*

Друг птиц Константин Скворцов. Вспоминается традиция спасения птиц, евангельская традиция, птичка-то Божья, небесная тварь. «Покормите птиц» — где-то в это же время написал такое стихотворение Александр Яшин: *«Покормите птиц зимой. Пусть со всех концов к вам слетятся, как домой, стайки на крыльцо»*.

Вот и к Скворцову слетаются птицы в Переделкино, и ведёт он с ними неспешный разговор и сегодня.

ВОРОБЕЙ

Я смотрю в окно. Осенний ветер гоняет по остывшей земле золотые листья. На это, как и на огонь костра, можно смотреть вечно.

У каждого писателя свои привычки. Кто-то из классиков плодотворно работал только тогда, когда в комнате пахло яблоками, кто-то работал, опустив ноги в таз с водой... Хемингуэй работал стоя, опираясь на широкие полки, укрепленные на стене... Но почти перед каждым дежурила чашка кофе или чая на случай «дозаправки в воздухе». Во время творческого полёта время неощутимо.

Я не претендую на роль классика, но чаша сия не обходит и меня. «Пустой» чай я не пью. Рядом на блюде лежит кусочек хлеба. Возможно, этого требует генетическая память моего голодного военного детства.

Мне не пишется. Я бездумно смотрю в окно, как будто ветер, рисуя золотые картины, одарит меня мыслями, от которых проснётся задремавшее тело и заколотится сердце в предчувствии восходящего слова.

Сойки, свившие весной под крышей гнездо, похожее на ивовую корзину, давно его оставили. Они прилетают теперь

только по старой памяти, чтобы проверить сохранность гнезда, в котором могли поселиться птички мигранты.

Частые гости у меня на даче — синицы, а вот воробьёв я никогда не видел. Может, городская сутолока и пыль им больше по душе.

Вдруг кто-то робко постучал по стеклу. От неожиданности я вздрогнул. Задумавшись о своём, я не сразу увидел на подоконнике воробья. Это он стучал по стеклу. Его, очевидно, обидело то, что я не обращаю на него внимания. Если бы стучал дятел, я бы не удивился, но воробей...

Он смотрел, как мне показалось, не столько на меня, сколько на кусочек хлеба, лежащий на моём блюде.

Я улыбнулся, вспомнив моего друга, дагестанского писателя Ахметхана Абу-бакара. После войны он приехал из села сдавать экзамены в Литературный институт. На экзаменационном столе лежали билеты и бутерброд. Профессор, заметив растерянный вид парня, решил его поторопить:

— Чего смотришь, бери!

Он надеялся, что Ахметхан возьмёт билет. Но будущий классик схватил бутерброд и убежал...

Я приоткрыл окно и в шутку сказал:

— Чего смотришь, бери!

Это нисколько не смутило моего гостя. Он смело подскочил к блюду, взял в клюв кусочек хлеба и улетел.

Выросший в уральской тайге в мире птиц, я не особенно удивился этому. В конце концов, у меня есть белка Аватар, которая ест орехи из рук и прибегает, как собачка, когда я зову её по имени.

На следующий день я вновь услышал за окном «тук-тук». Окно было приоткрыто. Воробей уверенно проскакал по тропинке дорожкой и улетел с очередной крошкой хлеба.

Так случалась каждое утро. Я радовался, что во мне нуждается живая душа.

К сожалению, когда работа спорится, можно забыть обо всём. В один из таких дней я не вспомнил про чай и хлеб, пребывая в другой эпохе, в мире моих литературных героев.

И вдруг... Тук-тук!

Э то вернуло меня к реальности. Воробей, как мне показалось, с сожалением смотрел на меня, так как не видел на моём столе заветного блюда с хлебом.

Я виновато посмотрел на него и жестом показал: мол, прости, хлеба нет...

Он улетел. Я, преодолевая чувство вины, вновь погрузился в рукопись.

И вдруг... Тук-тук!

Я поднял глаза. В клюве у воробья была корочка хлеба. Он положил её на подоконник. Его сверкающие бусинки глаз, казалось, говорили:

— Чего смотришь, бери!

И упорхнул.

...Под окном цветные листья, как мазки художника, лежали на заиндевевшее полотно осени.

В тот день я больше не работал.

Удивительная притча. И вот фраза, имеющая отношение к нашим «изысканиям»: «Выросший в уральской тайге в мире птиц, я не особенно удивился этому».

Поэт вырос в мире птиц, они населяют его поэзию, гнездятся и сбиваются в стаю, «утки мечутся над шугой», «вонзаются в берег стрижи», «в берёзах звень, грачиный гомон», «на каждой гальке — трясогузка, / И в каждой лужице — кулик!..», а весь мир предстаёт «чуткой цаплей, уснувшей на одной ноге».

В поэтической тетради раннего Скворцова «птиц паром» несётся над его головой, соседствует с ним, можно сказать, живёт его жизнью каждая птичка: «и чёрточкою над „и“ кратким летит встревоженный глухарь», «Дашь из тонких, ветвистых рук утро, речку, гусей королевство... / И в груди зашевелится детство, как в глубоком дупле бурундук» («Ночь, 1962); «Кричали испуганные гуси... / И где-то очень далеко слышал я: запели гусли Сладкоголосого Садко». Есть и мечта: «Мой дом светиться будет янтарём, хочу, чтоб филин над трубой заохал, чтобы смола горела алтарём и пол зелёным выстилался мохом», и чтобы «рассветов серых журавли на дымных пашнях нас встречали», и чтобы «провождать самолёты, как чаек».

Но и беда, и страх, и предчувствие тоже связаны с птицами: *«солнце ястребом кануло за горизонт», «и разбивалось эхо о гранит, и поднимались крылья у сыча», «то чайки горький ветер пьют, то тучей кружит вороньё», «да фонарями в проводах скрипели сонные вороны» и «казалось, крыльями свистя, сквозь окна за живую кровью на нас вороны налетят, едва глаза свои закрою», «в испуге щёлкала сова», «и появлялся чёрный гриф, наверно, в смерть мою поверив, когда далёким был твой берег и что ни шаг — злоеущий риф!».*

Немного даже Хичкок. Или злоеущее затмение из «Слова о полку Игореве». Когда Игорь шёл в поход, автор говорил о галках, воронах, орлах как о символах зла, таинственности. Они создают впечатление страшной опасности, подстерегающей Игоря: *«Волки грозно воют по оврагам, орлы клёкотом на кости зверей воют».* В произведениях устного народного творчества, как и в «Слове...», галки, вороны символизируют тёмные силы, они предвещают смерть, испытания, помогают силам зла, стремящимся погубить человека: *«Тогда по Русской земле редко пахари покрикивали, но часто вороны граяли, трупы меж собою деля, а галки по-своему переговаривались, собираясь полететь на поживу».*

И мне страшно — птица и небесное создание, но может быть и нечистью... Поэт спасает меня из тенёт: *«Взлетит тетёрка — замираешь, аукнет филин — вся дрожишь!»*, *«а в небе по привычке стервятник кружится над ней и ждёт чужой добычи».* И успокаивает: *«У тебя там весна. И оттаяли первые птицы»*, отпускает голубей: *«Из-под рубахи голубями рвались на волю облака...»*, а потом *«лишь, исцеляя мёртвый лес, бьёт дятел одиноко».* И всё заканчивается соловьями, конечно же, соловьями, а значит, небесной Любовью (не забудем, что и в «Слове...» все радости связаны с соловьями: *«Дятлы стучком путь кажут к реке, да соловьи весёлыми песнями рассвет возвещают»*, и сам Боян, то есть поэт-сказитель, назван соловьём: *«О Боян, соловей старого времени!»*):

*Родился я на переправе,
Где по низинам соловьи,*

*Не требуя наград и славы
Так заливались от любви,
Что мне казалось, — мир был создан
Из нечего их серебра...*

(«Переправа»)

Эпический образ птиц у поэта Константина Скворцова внутренне связан и с библейскими сюжетами, пришедшими в его поэзию из народного восприятия, опосредованно, через внутреннюю связь со своим Родом, мамой, которая пела ему песни, как птица, наверное, от тех стариков и старух, которые были вокруг него в юности и детстве, да и от генетической памяти и наблюдательного глаза.

Прочитаем и перелистнем сюжеты Священного писания о птицах. «Пророки часто говорят о перелётных птицах, ласточках, журавлях, которые улетают в далекие страны и обратно возвращаются к местам своего жилища. Бог говорит, что Он возвратит Свой пленный народ подобно тому, как возвращаются птицы из отдаленных стран».

У Скворцова: *«Всё в движенье... Надо торопиться — журавлям на юг, а мне на север»* («Компас осени»).

«Хищная птица служит символом войск и армии, вступающей в какую-либо страну для разорения оной. В Палестине мёртвые тела или трупы иногда выбрасывались на расхищение хищных птиц, но вообще их погребали вечером, даже преступников снимали для сего с виселиц. Гуманное отношение к птицам на Востоке составляет отличительную черту народного характера. Голубей и маленьких сов редко трогают и пугают. Ястреба спокойно сторожат свои гнёзда на улицах некоторых городов, как, например, Антиохии. Аисты также устраивают свои гнёзда в некоторых селениях и селятся даже в самих мечетях. Моисей, чтобы развить чувство сострадания в сердцах Евреев, заповедует им, что если попадется кому-либо из них на дороге птичье гнездо с птенцами и матерью, тот должен только взять птенцов себе, а мать оставлять» (Втор. 22:6).

У Скворцова: *«Совёнок бьётся на плече и никуда идти не хочет. Крылатый маленький клубок с глазами, круглыми от страха. Я понесу тебя с собой. Влезай и грейся под рубахой!»*.

«Господь учит нас смотреть на птиц как на образ спокойной беззаботности при отеческом промыслении Божиим о нас. *«Взгляните на птице небесных, они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницу; и Отец ваш Небесный питает их»*, — говорит Господь (Мат. 6:26). Нежному попечению птиц о своих птенцах уподобляется попечение Божие о своем народе» (Исх. 19:4, Ис. 31:5).

У Скворцова: *«И воробьи галдят под крышею и в мае выведут птенцов»*; *«Лишь воробьи, летая на реку, из гнёзд кричали веселей»*; *«Наверное, от чувств моих вздохнул в гнезде бессонный аист...»*

«Слова Спасителя: „...лисицы имеют норы и птицы небесные гнёзда; а Сын человеческий не имеет, где преклонить голову“ (Мат. 8:20 — слова горькие и печальные, обращают на себя наше внимание слова «гнездо», «дом»). По Достоевскому, «ведь надобно же, чтобы всякому человеку хоть куда-нибудь можно было пойти. Ибо бывает такое время, когда непременно надо хоть куда-нибудь да пойти!»

Для поэта Скворцова гнездо там, где есть птенцы.

Тетёрка

*Она сидела, выгнув шею,
Рябыми перьями блестя.
И вдруг — огромный серый веер
Раскрыла с треском у куста.*

*Почувствовав чужую силу,
Метались сойки — кто куда...
Она ж коричневую спину
Мне подставляла под удар.*

*Шла по корням, ветрами стёртым...
Я вслед за ней, хотя и знал,
Что эта смелая тетёрка
Меня уводит от гнезда.*

*Косила чёрным глазом властно:
Иду за ней иль не иду?..
А вдруг я с батогом клыкастым
Спешу к пушистому гнезду?!*

*Потом взлетела и в осинник
Вернулась, сделав два кольца...
...А сколько их по всей России
Не возвращается к птенцам!*

Как много упрёка и назидания содержится в следующих словах Господа: «Иерусалим, Иерусалим... сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели!»

Все эти сюжеты есть в ранней поэзии Константина Скворцова.

Соединяясь с образами деревьев, трав и цветов, птицы составляют образ того безопасного места, которое и олицетворяет дом, родную землю, Родину, которая есть самое безопасное и защищённое место на земле. Там стоит древо, под сенью которого можно укрыться и даже вить гнёзда, откуда продолжится жизнь. Поэтому Св. Иоанн Златоуст в одной из своих проповедей сравнивает это древо со Христом: «Он — Тот, на котором обитают птицы небесные, то есть пророки, апостолы и все избранные».

Необъятен мир сущего в поэзии Константина Скворцова, мир вечности и земной благодати, ещё о многом следовало бы написать, но я хочу закончить эту часть моего обзора песней на стихи Скворцова, которую я очень люблю и которая, несмотря на всю свою простоту, открывает какие-то важные смыслы нашей жизни для меня. Музыку написал композитор Владимир Комаров-Елецкий, у которого много песен на стихи К. В. Скворцова (кстати, тоже предмет исследования — песенность его поэзии).

Казарка*

*На небе лебеди иль мне мерещится?
Куда летят они? Куда — Бог весть...
А здесь, на озере, казарка плещется —
Спасибо Господу, за то, что есть.*

*И на ветвях берёз, моя хорошая,
Жемчужных бусинок не перечесть.
А на руке моей росы горошина —
Спасибо Господу за то, что есть.*

*Пусть о бессмертии хлопочут гении.
Влюблённым в вечности хвала и честь.
А нам с тобой дано Любви мгновение —
Спасибо Господу, за то, что есть.*

*На небе лебеди иль мне мерещится?
Куда летят они? Куда — Бог весть...
А здесь, на озере, казарка плещется —
Спасибо Господу за то, что есть.*

* Если не знаете, как я раньше, что это за птица, посмотрите, будет интересно.

Спасибо Господу за то, что есть у нас большие русские поэты Божьего дара, и среди них достойный и светлый, у которого все и всё живое, — Константин Скворцов, наш современник.

Сергей КОТКАЛО,
писатель, главный редактор
интернет-обозрения
«Русское Воскресение»,
главный редактор
журнала «Новая книга России»,
г. Москва

Песней наполнено сердце поэта

На рубеже XX–XXI веков, в конце февраля, звонит мне начальник типографии и тревожным голосом сообщает, по его мнению, страшную весть: «У нас случилось «ЧП», — выдерживает паузу, пытаясь по моему дыханию в трубку определить дальнейшую реакцию, продолжает: — Большую часть тиража твоего журнала украли рабочие. Приезжай, будем решать, что делать...»

...Всё бросаю, мчусь в типографию. В голове роятся всякие мысли... На дорогах, как и нынешней зимой, снежные завалы,

пробки... Останавливаюсь, по обыкновению, у складских ворот, где уже меня поджидает начальник типографии, нервно расхаживая взад-вперёд. Дальше он ведёт меня в упаковочный цех, где кропотливо работают женщины. Здравуемся, они наперебой стрекочут мне благодарности за журнал и особенно за стихи Константина Скворцова. С трудом ещё понимая, о чём речь, делаю умное лицо, а одна из упаковщиц стала наизусть читать стихотворение Константина Васильевича «Матушка пела»:

*Снова глаза закрываю несмело,
Вспомнить пытаюсь детство своё...
Помнится только: матушка пела...
Песней наполнено сердце моё.*

*Зимами злыми над прорубью белой,
В стылой воде полоская бельё,
Вся коченея, матушка пела.
Песней наполнено детство моё.*

*Больше она ничего не имела.
Только свой голос. Свой — ножевой.
Не было хлеба. Матушка пела,
И оттого я остался живой.*

*Рядом война полыхала и тлела.
Сытым ходило одно вороньё.
Вдовы рыдали. Матушка пела.
Песней наполнено детство моё.*

*Минуло время, память немела.
Но без войны я не прожил и дня.
Все эти годы матушка пела.
Это, должно, сохранило меня.*

*Мы отнесли ее лёгкое тело
На вековечное поле-жилё.
Всё мне казалось: матушка пела.
Песней наполнено сердце моё.*

И дальше, как говорили в прежней жизни, продолжительные аплодисменты, слёзы горестной бабьей радости...

Мне, как издателю, конечно, приятно было, что стихи нашего автора вызвали такую реакцию.

Вторая из печатниц, в синем рабочем халате, вместо извинений спрашивает:

— А в следующем номере будут ещё стихи Скворцова?

У меня, что называется, в зобу дыханье спёрло. Начальник хоть и не плачет, но и не радуется, желваки по скулам гуляют, прикрикивает на женщин:

— Какие такие стихи, в каком таком следующем номере?

— Хорошие стихи, — весело и бесстрашно отвечает печатница. — Вы так и передайте автору, что стихи у него хорошие, что мы, работники типографии, скрали двести журналов и раздали добрым людям... Не продали, а раздали, чтобы другие его почитали и своим знакомым передали...

Её признание в «воровстве» поставило нас с начальником в тупик, но понижать градус любви к поэтическому слову было никак нельзя.

— Не всё сразу, — неопределенно сказал я в пространство цеха и быстро ретировался в сторону склада, а женщины снова заплодировали уже моему ответу.

...К счастью, тираж этого номера журнала выходил с превышением подписного количества в двести экземпляров, с учётом передачи землякам в Златоуст, к творческому вечеру поэта Константина Васильевича Скворцова. Конечно, редакция оконфузилась перед уральцами, но такому триумфу наверняка был бы рад каждый писатель и издатель.

Может быть, тогда, в этой типографии, я и сам по-настоящему прочувствовал поэтический дар Константина Васильевича. Он действительно, как никто другой, в своём поэтическом творчестве сумел достичь таких высот в наше драматическое время, когда твои произведения читают, передают другим из рук в руки, ставят спектакли на театральных сценах от Москвы до самых до окраин, поют в блиндажах и в сельских заброшенных клубах...

Он всегда современен, созвучен дыханию эпохи.

Вот и сейчас, Великим постом, в промозглой, продуваемой всеми ветрами донецкой степи, неподалеку от Славянска, я слушал в мчавшейся по бездорожью машине песнь «Славяне»

в исполнении знаменитой народницы Татьяны Петровой, написанную в 1990 году Константином Скворцовым:

*Солнце встаёт на краю разорённой эпохи.
Празднует мир Воскресенье и Господа славит.
Налиты чаши Байкала и озера Охрид,
Что ж вы столы не сдвигаете, братья славяне?*

*Или латиница цепью сковала нам ноги?
Или уже не отцы нам Кирилл и Мефодий?
Мы песняров растеряли на долгой дороге.
Нам не услышать в застолье напевных мелодий.*

*И не поднимется конница наша из пыли,
Пыли веков, где не знали мы в битвах позора.
Мы на одном из пиров незаметно испили
Чашу запретную, чёрную чашу Раздора.*

*Что ж вы в глаза не глядите друг другу, славяне,
Память ли нам, дорогие братья, изменила?
Может быть, все же мы словом достойным вспомянем
Стяги на Шипке и флаги в камнях Измаила.*

*Это не мы поделили народы на расы.
Славы сыны мы сегодня, славяне, бесславны.
Все мы в плену,
Мы в темнице из собственных распрей.
И не стихает столетия плач Ярославны.*

*Празднует мир Воскресенье распятой эпохи.
Нами поруганных Веры,
Любви
и Надежды.
Налиты чаши Байкала и озера Охрид.
Сдвинем столы и обнимемся, братья, как прежде.*

Какое обнадёживающее завершение песни!

И в этом весь Скворцов, всё его собрание сочинений, состоящее из стихотворений, венков сонет, баллад, поэм, драматических поэм, продолжающих классическую поэтическую нить от Гомера и Романа Сладкопевца до наших дней!

Однако в жизни не видно конца края рекам крови славянской, «и не стихает столетия плач Ярославны»... Читая «Балладу о гребёнке», написанную сегодня, невольно вспоминаю слёзы типографских женщин на рубеже тысячелетий:

*Испокон живёт Россия
От войны и до войны.
И откуда столько силы
У израненной страны?*

*Вспоминаю наше детство...
У охраны на виду
Мы носили пленным немцам
Немудрёную еду.*

*Взяв печёную картошку,
Под оркестр голодных птиц
Соло на губной гармошке
Исполнял пред нами фриц.*

*И в ответ, собрав силёнки,
Покормив облезлых птах,
Мы играли на гребёнке
О победе на фронтах.*

*Нашу детскую сноровку
Караул не брал в расчёт,
Не давали мне винтовку...
— Ты, парнишка, мал ещё!*

*Годы шли, и той победой
Были мы опьянены...
И никто беды не ведал,
И никто не ждал войны.*

*Не сидеть мне тише мыши,
Взять бы в руки автомат,
Но теперь в ответ я слышу:
— Ты, братишка, староват.*

*Пережил войну ребёнком,
У меня свои долги...
Поиграю на гребёнке,
Чтоб услышали враги.*

Сколько, сколько нам ещё надо перевоевать друг друга, чтобы любовь победила ненависть? Поистине нет пророка в своём Отечестве, раз мы дожили, что снова брат пошёл на брата, а матери, вместо ожидания новых журнальных публикаций поэта Константина Скворцова, по обе стороны войны оплакивают павших своих сыновей...

Татьяна НАБАТНИКОВА,
прозаик, переводчик,
г. Москва

Не бывает провинциальной литературы

Точно проверено. Она у нас вся единая и неделимая. Я из инженеров переметнулась в писатели, сама того не ожидая. Дело было в Новосибирске. Ах, какие стихи писала там Нина Грехова, какие рассказы Николай Самохин, какие сказки про Жаконю писал Юрий Магалиф, а Михаил Петрович Михеев, автор «криминальных» романов, в юности сподобился даже — а это высший пилотаж — написать «народную песню». Она правда ушла в народ, её Василий Шукшин взял даже лейтмотивом себе в фильм «Живёт такой парень». Эта песня — «Есть по Чуйскому тракту дорога, много ездит по ней шоферов»!

И было там государственное книжное издательство «ЗапСиб-Издат». Издаться в нём было так же достойно, как в московском.

Жить бы и радоваться.

Но по семейным обстоятельствам нам надо было уехать из Новосибирска, и мы выбирали с мужем — куда. В Иркутск? В Красноярск? В Хабаровск? Всюду есть друзья по Литинституту. Но Виктор Петрович Астафьев, а он считал моего Володю Курносенко своим младшим другом, посоветовал: «Поезжайте в Челябинск: там Костя Скворцов».

И это всё решило.

Там царила ещё более оживлённая атмосфера — может быть, потому что Урал — это не просто Екатеринбург и Челябинск, это и ещё десятки других городов. Недаром Рустам Валеев так удачно перенёс в названии своей книги «Земля городов» античное понятие «гардарика» — на промышленный Урал.

Было в Челябинске и издательство — Южно-Уральское, а в Екатеринбурге — литературный журнал «Урал». Да, всё основательно, надёжно, красиво.

Но главное — литературный Челябинск был каким-то заливчатским, новогодним, праздничным местом.

Вполне отдаю себе отчёт — возможно, это было впечатление молодости: мне было всего 37 лет. Молодому человеку, как известно, везде хорошо, старому везде плохо.

Но возьму в свидетели множество столичных литературных знаменитостей: они летали в наш Челябинск стаями, как птицы на юг. Большие звёзды и крупные шишки. Приезжали Владимир Костров, Валерий Золотухин, Константин Райкин, Борис Примеров, Николай Старшинов, Римма Казакова, Сергей Есин, Надежда Кондакова, Роберт Рождественский, Лидия Григорьева, Татьяна Бек. Евтушенко устраивал свою фотовыставку в квартире Константина Скворцова, а публика из его квартиры не уходила никогда. Стоп, вот с этого места надо подробнее.

Константин Скворцов был руководителем Челябинской писательской организации. В этом всё и дело. Он поэт, мало того, поэт-драматург. И его драмы ставил театр. И от театра до Костиной квартиры пролегла торная дорога, которая не зарастала травой никогда. Да, он был Костя для нас всех. Ну разве что с какой-нибудь трибуны иногда был Константин Васильевич. Актёры у него в доме дневали и ночевали. Двери квартиры не запирались, со стола не успевали убирать, гость за гостем — весь театральный Челябинск и весь литературный Урал не вы-

лезал из-за этого стола. Героическая жена Кости — Тамара — самоотверженная женщина в ранге «жён декабристов» — по совместительству была ещё и врач-педиатр. Лечила наших детей безотказно в режиме круглосуточной скорой помощи.

Не знаю, как это было возможно, но было, не сойти мне с этого места.

У прозаика Кирилла Шишова, хорошо образованного интеллектуала, была даже теория. Он считал, что в семье обязательно должен быть врач. В частности, у него была жена-красавица — офтальмолог.

Врачом был и мой муж, Владимир Курносенко, но так получилось не по теории Кирилла Шишова, а по случайности. К тому же он не столько лечил, сколько писал книги, зато у него был однокурсник, Владимир Фавельевич Бавильский, врач 126-го уровня из 125 возможных. И мы все, конечно, этим пользовались. Из семьи Бавильских вышел ещё один «наш человек» — писатель Дмитрий Бавильский, но это уже на поколение позже. Не мог он в такой питательной среде не вырасти.

Вот эта питательная среда в Челябинске была во многом благодаря Константину. Это он задавал тон тому, что все преклонялись перед Рустамом Валеевым. И тому, что мы не обижались на нашего бескомпромиссного и безумного поэта Сашу Куницына, а берегли его, лелеяли и утешали. А страстный, окрылённый русский патриот Геннадий Суздальев не опасался, что его обвинят в национализме.

Когда умерла мать Зои Прокопьевой, мы — несколько женщин-литераторов — провели у гроба усопшей всю ночь, по очереди читая над ней молитвы по старинной русской традиции, ныне уже ушедшей из городской действительности.

Зоя Егоровна была украшением организации: красивая, талантливая, мудрая и добрая. Умела всё: водить машину, ухаживать за больной матерью, построить в лесу своими руками дом, написать классический роман о русской жизни «Своим чередом».

Равная ей по силе и значимости выдающаяся личность, Римма Дышаленкова, поэт из Магнитогорска, часто подолгу бытовала у нас в Челябинске, потом со вздохом говорила: «Пора домой пробираться». Она собирала частушки, была великим знатоком глубинной, народной русской речи, у неё внутри при-

существовал камертон чистого поэтического звука, на её «глазомер» можно было положиться. Была верным окопным товарищем и другом.

Чистые, талантливые, красивые люди — поэт Николай Година, прозаик Владимир Черноземцев, работавший в издательстве, свой, родной по духу, по нраву и по уральской крови.

Хорошо жили в конце 80-х годов.

Стоит ли удивляться тому, что забрали Константина нашего Василича в Москву. Такой всем нужен, везде и всегда. Поставили его секретарём — как тогда называлось, Большого Союза писателей, поручили работать с молодыми писателями уже всего СССР.

Но нас он не бросил, продолжал считать своими, родными, и в моей личной профессиональной судьбе сыграл, сам того не зная, ключевую роль. Это был поворотный момент. В нашей челябинской квартире раздался телефонный звонок от Кости из Москвы: «Ребята, мы в Душанбе проводим международное совещание молодых писателей соцстран, вы оба в списке участников». Нам не на кого было оставить маленькую дочку, и поехала я одна. Володя был интроверт, человек талантливый, но замкнутый.

А это был 1986 год, время сухого закона в стране. Конгресс отработал, прощальный банкет, громадный П-образный стол в ресторане человек на двести — и ни капли спиртного. Все как-то приуныли, торжественные речи больше никого не интересовали. И тут вышли к микрофону мы с Лидой Григорьевой вдвоём и спели украинскую народную песню «По-за лугом зэлэнЭнькім». И предложили: «А теперь пусть каждая делегация споёт свою народную песню!» Господи, что тут началось! Болгары, конечно, всех перепели. Кто же сравнится с болгарами! «Тих-бял Дунав, се волнува, весело шумит — бум!» Про спиртное уже никто не вспоминал, людей от микрофона невозможно было оторвать.

На следующем совещании — уже в Софии — я познакомилась с немецкими писателями, начала переводить. Сразу вышла книга в московском издательстве «Детская литература». Так и перевожу с тех пор, не могу остановиться, уже больше 70 книг в моём послужном списке.

Порядки, заведённые Костей, в Челябинске ещё долго держались. Жить бы и не тужить. Но в 1989 году уже рушились советские структуры одна за другой, и я, понимая, что двоих детей смогу прокормить только в столице, где просто больше литературной работы, уехала из тёплого, милого сердцу Челябинска. Вспоминаю его с любовью.

Сергей ОВЧИННИКОВ,
писатель,
г. Тула

К. В. Скворцов и Тула

В марте 2018-го моя машина снова летела по заплатанной дороге в сторону Москвы, вокруг ещё лежал снег, холода надоели до смерти, и, так сказать, для привлечения весны я собирался привезти в родной город Скворцова: планировалось его выступление в Тульском педагогическом университете. Говоря серьёзнее, мне думалось, если уж нашим тульским филологам изучать кого-либо из земляков-поэтов, родившихся в XX веке, то прежде всего Скворцова и затем Пахомова, Белозерова, Савостьянова, Коровина... По сторонам дороги уплывали назад бензиновые заправки, посёлки частных домов, шумозащитные экраны зелёного цвета, светящиеся неоном сетевые магазины, рекламные щиты, с которых ещё не успели снять предвыборные плакаты. Чаще всего встречался такой: «Жириновский. ЛДПР».

В стылых утренних сумерках на дороге оказалось мало машин, сравнительно быстро я выбрался на МКАД. Вскоре показалось Боровское шоссе, надо было не пропустить поворот на Переделкино и Спасо-Преображенский храм с его разноцветным главами: верхняя синяя, а вокруг — оранжевая, лазо-

ревая, зелёная. Как-то я ездил туда к отцу Илию за благословением на свою новую книгу. В начале 2000-х видел старца в Оптиной, но в 2009-м году Поместный собор избрал Илия духовником Патриарха. В 2018-м отец Илий ещё принимал людей в трапезной и в храме после литургии, но попасть к нему было трудно. У тех, кто пробивался к старцу, часто менялась жизнь к лучшему, таких людей много, восьмидесятилетний о. Илий осязаемо влиял на жизнь страны.

Ведя машину, я думал о том, как Сталин взаимодействовал с писателями. В 1933 году советский Цезарь, разговаривая с Горьким, спросил у литературного классика, только что вернувшегося из-за границы, как живут зарубежные писатели. «На дачах живут, — сказал Горький. — Уезжают от городской суеты...» И Сталин решил: а мы чем хуже?

В XX веке всю Европу, в том числе Россию, охватила дачная лихорадка. Поначалу дачи в России строили только богатые люди, но в СССР загородные участки получали все желающие. Советская дача — особый мир и образ жизни. Иметь в пользовании небольшой участок земли считалось естественным, недаром слово “dacha” имеет русский акцент и входит в английский язык вместе со словами “vodka”, “tsar” и “balalaika”. Массовое огородничество началось в голодное послевоенное время: в 1949 году Совет Министров СССР принял постановление о выделении рядовым гражданам страны по 6 соток земли. Эти крошечные, как у сеньора Тыквы, участки застраивались такими же домиками, поначалу жилые постройки на дачах строить запрещалось, разрешались только крошечные будки для садовой утвари. Советских людей это не останавливало, будки для садовой утвари принимали у нас вид маленьких домиков с крошечной верандой, «зоной барбекю», рядом обязательно имелась цветочная клумба. После скученной городской жизни казалось замечательным оказаться на своем участке земли среди цветов и зелени. Многим потомкам крестьян подсознательно, на уровне физиологии хотелось покопаться весной в земле, тем более обещало это ещё и весомую прибавку к столу. Со своих шести соток люди обеспечивали себя овощами, зеленью, ягодами, грушами, яблоками...

Но у писателей дачи были другими — для жизни и творчества. Написать что-то стоящее в тесной городской клетухе, без

связи с землей, природой — тяжело. В 1933 году Сталин попросил Горького составить список из 40–50 писателей, для которых предполагалось выстроить хорошие загородные дома. Место выбрали среди сосен у реки Сетунь, где раньше стояла деревня Передельцы. К 1939 году здесь выстроили Дом отдыха писателей, рядом санаторий и госпиталь, но ещё раньше, в 1935 году, тут возвели 50 дачных строений по немецким проектам, не слишком подходящими к нашему климату. Писатели затем долго утепляли, перестраивали эти дома, возводили для себя новые. В 1937 году в стране случилась эпоха «большой чистки», в Переделкино началось строительство больших заборов. Опасаясь друг друга, чтобы уменьшить возможность слежки, писатели прятались за высокими оградами, не спали ночами, потому что не знали, кого заберут завтра. К тем, над кем сгущались тучи, ходил в гости Пастернак, стараясь поддержать несчастных. В конце 1938 года стало спокойнее. Как раз в это время в Переделкине поселился Корней Чуковский, забора большого он не построил, регулярно совершал моцион, делая это в любую погоду, и, по словам Аркадия Райкина, пожилой чудаковатый писатель стал «...как бы частью переделкинского пейзажа. Когда он гулял по переделкинским улицам, то походил на лешего, осматривающего свои владения». Чуковский был ярким человеком, гостей он иногда встречал наряженным в оксфордскую мантию и шапочку или в индейском головном уборе из перьев. При всей своей советской благополучности Чуковский поддерживал диссидентов, например Солженицына. Ту же линию продолжали его дети, поэтому на похоронах писателя рядом с поклонниками топтались десятки милиционеров и людей в штатском. После смерти Чуковского на его даче организовали музей, Лидию Корнеевну Чуковскую выселили из дома в судебном порядке, ведь она «выражала поддержку лицам, осуждённым за антисоветскую деятельность», устраивала на даче встречи диссидентов с иностранцами да ещё «использовала Музей под собственное жильё». В январе 1974 Лидию Корнеевну исключили из членов Союза писателей СССР, а дом Чуковского в Переделкине сделали для московских детей местом обязательного паломничества, сюда начали водить школьные экскурсии, ведь ещё при Корнее Ива-

новиче возле дома проводились знаменитые «костры», где выступали Райкин, Зелёная, Образцов....

Писатели, артисты, государственные чиновники, генералы принадлежали к советской элите, поэтому им разрешалось иметь более 6 соток загородной земли и строить на своих участках полноценные загородные дома, а не хлипкие хижины. Дом среди зелени в элитном поселке с тех пор стал верхом мечтаний советского гражданина, наряду с импортной машиной и зарубежными поездками. А Переделкино — не просто элитный посёлок, десятилетиями оно считалось неофициальным загородным клубом для интеллектуалов, правда, это было не единственное такое место. Рядом «Советский писатель» на реке Пахра — недалеко от Троицка, на 36-м километре калужской дороги. Основан он тоже по решению Сталина, но уже в 1952-м году, когда в Переделкине стало тесно. Посёлок возле Троицка называли запросто — Пахра. Там в свое время жили Пырьев, Ромм, Матусовский, Драгунский, Трифонов, Твардовский, Нагибин, Высоцкий, А. Миронов, Гердт, Ахмадулина, Зыкина, Тендряков, Липатов, Розов, Дементьев, Э. Рязанов, Г. Боровик, Войнович, В. Токарева, Ю. Бондарев... В 1970-е годы гремел посёлок Семхоз, находящийся в 5 километрах от Троице-Сергиевой лавры. Тут жили В. Фирсов, В. Сорокин, С. Куняев (сейчас он перебрался в Переделкино), А. Иванов... Рядом с Семхозом — знаменитое Абрамцево, где закрепились художники. Вспомним и знаменитое Комарово под Петербургом, где провели часть своего земного срока Д. Шостакович, В. Соловьев-Седой, Е. Шварц, И. Ефремов, братья Стругацкие, Ю. Герман, Д. Гранин, Г. Горбовский. В Комарове тоже имелся Дом творчества писателей, здесь долго (с 1955-го по 1965-й) прожила Анна Ахматова, тут она и похоронена. Возле Питера есть ещё Репино, бывшая Куоккала, подобный поселок, наверное, был и возле Екатеринбурга, и все эти писательские, творческие места считались неприкосновенными, никому в голову не приходило на них покушаться.

Но в 1990-х СССР рухнул, интересы «бизнес-сообщества» России слились с интересами государства. Россия превратилась в громадную корпорацию, торгующую нефтью и газом. Писатели, художники, учёные перестали быть «неприкасаемыми»,

«небожителями». Не наука, искусство, обеспечивающие развитие страны, оказались на первом месте — деньги стали в России главной ценностью, какие уж тут писатели...

Знаменитый Дом творчества в Переделкине вошёл в жизнь и книги многих советских литераторов. После окончания Великой Отечественной войны в поселке стали жить молодые классики: Евгений Евтушенко, Роберт Рождественский, Андрей Вознесенский, Белла Ахмадулина, Булат Окуджава... Для них построили 20 новых дач. Дом Окуджавы превратился в один из штабов шестидесятников, а дом Леже стал очагом скульптурного авангарда. Церетели купил здесь дом в самом начале 1990-х у жены французского авангардиста Фернана Леже. Зураб Константинович, с 1997 года президент Российской академии художеств, решил тут не только жить, он устроил здесь прижизненный музей. Теперь при входе в этот дом посетителей встречает цветная мозаика Леже, а внутри под открытым небом стоят десятки бронзовых скульптур — оригиналы и копии, от 1 до 5 метров в высоту: Пётр Первый, Пушкин, Фрунзик Мкртчян, две десятиметровые ладони, вознесенные к небу, серия скульптур из грузинской жизни...

В 1950–1990-х годах в Переделкине вовсю кипела литературная жизнь. По улицам ходили Пастернак, Чуковский, Катаев, Федин, Каверин, Фадеев, чуть позже — Окуджава, Евтушенко, Вознесенский... В Доме отдыха останавливались молодые писатели, они старались сесть в столовой за столик рядом с маститым писателем, чтобы перекинуться парой слов. В здешнем Доме творчества и на дачах писатели отмечали юбилеи, назначали встречи, влюблялись, спорили, писали книги, уходили из жизни — часто не мирно, в старости, а молодыми. В мае 1956 года здесь на своей даче застрелился Фадеев. В Доме творчества осенью 1974-го покончил с собой кинодраматург Геннадий Шпаликов. В мае 1995-го на своей даче повесился Борис Примеров.

Поселок на Сетуни продержался в творческом режиме ещё 10 лет после распада СССР, но к началу 2000-х он стал на глазах осыпаться, потому что к этому времени умерли многие люди, составляющие его славу. В Переделкине сейчас осталось совсем немного писателей всероссийской известности: Скворцов, Волгин, Поляков, Крупин, Личутин, Золотусский...

В большинстве домиков живут потомки советских классиков. Что касается корпусов Дома творчества — российский Литфонд попытался превратить их в статью дохода (здесь устроили общежитие, гостиницу), но неудачно, многие корпуса сейчас пустуют.

Сам поселок, по сути, на осадном положении, сюда вселяются посторонние люди, ведь место это — лакомый кусок для бизнесменов и чиновников, желающих жить «на природе». За некоторые участки развернулась настоящая война: к Юрию Полякову, например, в дом врывались неизвестные в масках. Нанятые строители ломали забор на участке Катаевых, чтобы отхватить часть земли. Случались странные пожары на дачах Рыбакова, Михайлова и Леонова, ведь здешняя земля от 50 000 долларов за сотку...

Отчасти теснит, но и защищает поселок летняя резиденция патриарха. Этот участок земли был передан Патриархии ещё при Сталине, в 1952-м году, но сама резиденция в нынешнем виде построена в конце 1990-х при патриархе Алексии Втором. Здесь возведено несколько ярких, похожих на торты зданий и храм князя Игоря Черниговского, слегка напоминающий пестротой храм Василия Блаженного. Поле между Домом-музеем Пастернака и церковью, по сути мемориальное, полностью застроили. В 2016 году государство в лице «Росимущества» отсудило писательский городок у «Общероссийского литературного сообщества». Суд счел, что это организованное в 1992 году сообщество «нельзя считать правопреемником Союза писателей СССР», поэтому руководство сообщества в течение 15 лет «незаконно распоряжалось имуществом Союза». В то время в посёлке стали жить такие люди, как Чубайс, вдоль Сетуни поставили канализационные люки: во время дождей канализация попадает в Сетунь, в реке уже давно нельзя купаться. Конечно, во всем мире всё стремительно меняется, но в Англии, например, никто не разрушает исторические деревушки Эмберли, Керси, Кетлуэлл, Тобермори, старые здания Оксфорда, Кембриджа, Лондона. Памятливость и уважение к своей истории — признак зрелой цивилизации. Когда же мы, наконец, повзрослеем?

Давайте лучше о приятном. Константин Васильевич Скворцов родился 13 апреля 1939 года в оружейной столице страны.

Правда, жил он в Туле всего 2,5 года, затем отправился вместе с родителями в Златоуст, куда в первый военный год перевозили оборудование тульского оружейного завода. Окончил там среднюю школу, «заболел театром», пытался поступить в ГИТИС. В 1961 году окончил Челябинский институт механизации и электрификации сельского хозяйства, работал пару лет инженером-механиком в совхозе Красных партизан Тувинской АССР. С 1962-го по 1969-й трудился механиком седьмого цеха Челябинского трубопрокатного завода. И все эти годы, начиная со школы, писал стихи, с 1966 года в Челябинске стали выходить его книги. В 1969 году Константина Васильевича приняли в Союз писателей СССР. В 1975-м он окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте, его избрали ответственным секретарем Челябинской областной писательской организации. В 1986 году Скворцова на съезде писателей выбрали секретарём правления Союза писателей СССР, он перебрался в Москву.

Уже во второй половине 1960-х Константин Васильевич обратился к жанру драматической поэзии, в 1972 году его первая пьеса «Ущелье крылатых коней» была поставлена в Челябинском театре юных зрителей режиссёром Тенгизом Махарадзе. Впоследствии Скворцов стал автором пьес «Отечество мы не меняем», «Алёна Арзамасская», «Ментуш», «Легенда о белом дереве». «Ванька Каин», «Кибальчич», «Гришка Распутин», «Бестужев-Марлинский», «Курчатов», «Царские игры», «Георгий Победоносец», «Иоанн Златоуст», «Константин Великий», «Юлиан Отступник»... В процессе драматургической работы Константин Васильевич глубоко погрузился в историю России и Византии, став, по сути, одним из российских византологов. За свои пьесы и стихи он много раз отмечен премиями и наградами. В том числе — «Большой литературной премией России» Союза писателей России в 2005 году за книгу «Сим победиши!» и золотым дипломом конкурса «Золотой витязь» в 2011 году «за вклад в развитие отечественной словесности и единство славянских народов».

По моему мнению, в XXI веке значение Скворцова для российской литературы не уменьшается, а увеличивается, ведь больших, активно работающих писателей из его литературного

поколения осталось совсем немного: Крупин, Проханов, Зульфикаров, Личутин. Большинство их сверстников, к сожалению, в мире ином, или они уже не могут писать, а у Скворцова, Крупина, Проханова, Зульфикарова каждый год рождаются новые стихи, проза. Их жизненная сила удивительна, мне видятся её истоки в стоицизме этих писателей, в их силе духа, которые держат тело, талант, память.

...После чаепития у Константина Васильевича я с минуту ожидал, пока он соберёт свои книги. В гостиной Скворцовых все было на месте: к стене и книжным полкам прислонены с десяток удочек, среди фотопортретов и картин зелёная рыбацья сеть, чучело лисы и штурвальное колесо от неведомого мне судна. Мы загрузили книги Скворцова в машину, двинулись по Калужскому шоссе в сторону Тулы. Пользуясь моментом, я расспрашивал Константина Васильевича о его детстве.

Оказалось, его бабушка родилась в нашей деревне Медведки, а у деда по материнской линии в Туле была «Сапожная мастерская Дедова» на улице Свободы, в доме 12. В семье дедушки росло 14 детей. В советское время отец Константина Васильевича работал на тульском оружейном заводе, ему предоставили квартиру в доме на пересечении проспекта Ленина и улицы Коммунаров. Этот большой дом с колоннами и сейчас сохранился, раньше там во дворе был фонтан с гипсовыми фигурами лягушек и крокодила. Константин Скворцов прожил в этом доме 2,5 года, даже успел запомнить свой двор, гипсового крокодила — как бил его палкой, спасая лягушек. Когда тульский оружейный завод эвакуировали в Златоуст, отец Константина Васильевича задержался в Туле, записавшись в народное ополчение, оборонявшее город. По прибытии к новому месту приписки его отправили в «трудовой лагерь», но быстро выпустили, хорошие работники были нужны заводу.

— В Златоусте, судя по всему, были неплохие школы? — спросил я нашего классика.

— Тогда вообще образование в России было хорошим. Недаром один из немецких генералов сказал, что Вторую мировую войну выиграл советский учитель. В Златоусте, например, работал клуб юных мастеров и множество кружков, —

рассказывал Константин Васильевич. — Я ходил в кружки художественного чтения, акробатический, авиамодельный! Наш учитель физики обсуждал с нами повести из «Нового мира»! А я уже тогда писал графоманские стихи, но скрывал это. В Челябинском институте многие педагоги были москвичами и ленинградцами, которые остались в городе после эвакуации.

Меня интересовала атмосфера советского Союза писателей, который я не застал, поэтому я тормозил Константина Васильевича вопросами:

— Когда вы приехали в Москву, там уже начались писательские склоки?

— Я работал в Москве на улице Воровского с 1986 года. Это было счастливое время: уже не надо было подписывать никаких расстрельных писем, и до распада страны оставалось ещё несколько счастливых лет...

— Союз писателей России не был наследником СП СССР? Оказывается, он наследник СП РСФСР¹, который создали только в декабре 1958-го, первым председателем его был хорошо известный тулякам Соболев. В 1970-м Соболева на посту сменил Сергей Владимирович Михалков. Как ему удавалось мирить сталинистов, троцкистов, русофилов, русофобов, тюркских, кавказских националистов в среде писателей?

— Он был гибким человеком, дворянская кровь в советское время предполагала это. Когда СССР распался, на 7-м съезде СП РСФСР председателем избрали Юрия Бондарева. Он же фронтовик, у него дипломатичности было поменьше. К этому времени либеральная часть писателей стала выступать «против засилья в Союзе сталинистов и антисемитов», а почвенники бурчали про «засилье евреев». К этому прибавился конфликт литературных «отцов и детей», почвенники обвиняли либералов в «потере духа эпичности», «мелкотемье», «деэстетизации», «дегуманизации» нашей литературы. В 1990-м в Союзе писателей РСФСР появилась либеральная группа «Апрель», конфликт углубился, на одном из заседаний Союза демонстративно поссорились Михалков и Евтушенко. Случился скандал, больше всех орал Черниченко. После этого либеральная часть писателей решила создать свой творческий

союз. На учредительном съезде 21 октября 1991 года они создали Союз российских писателей — «демократическую альтернативу Союзу писателей РСФСР, запятнавшему себя поддержкой ГКЧП».

— Председателем в Союзе российских писателей был Евтушенко?

— Там было много сопредседателей: М. Дудин, И. Золотусский, В. Лукьянин, Р. Солнцев, И. Шкляревский, М. Юхма... Должность первого секретаря с 1992 года занимал Золотусский. Они там все перессорились между собой, — сказал Константин Васильевич, — в результате Союзы писателей Москвы и Санкт-Петербурга заявили о своей независимости.

— Говорят, Дом литераторов в Москве вообще делили чуть ли не врукопашную?

— Да, была рейдерская атака на дом Союза писателей России на Комсомольском проспекте, наши там закрылись, возглавляли оборону Бондарев, Проханов, Личутин...

— Но вообще, в России тогда победила «демократическая альтернатива», недаром наш президент просил американского президента Клинтона принять Россию в состав НАТО.

— «Демократическая альтернатива» победила в общественной жизни, в политике, но не в литературе. Союз писателей России не менял своей позиции. У нас на виду старшее поколение пишущих, и поэтому литература держится...

Помню, мы говорили ещё о Личутине, Крупине, Лихоносове — и Константин Васильевич тут же звонил им, дружески разговаривал с Лихоносовым и Крупинным. Рассказывал, смеясь, как однажды Распутин и Крупин пришли к нему в Переделкино в гости, начали спорить. Крупин размахивал руками, доказывая, что Скворцов теперь начальник и вот, ему почистили двор трактором! Наблюдательный Распутин говорил, что почищено здесь руками...

— Распутин был хорошим человеком? — спросил я.

— Да, но он был замучен своей известностью, получал в год сотни писем и рукописей. И читал все это, писал для многих предисловия, был удивительно отзывчивым и порядочным человеком. Известность его совершенно не испортила, только мешала ему работать. Духовный стержень был в нём такой, что

славу он воспринимал как испытание, которое надо выдержать. И потому он хорошо писал до самого конца. А вот у Астафьева перед смертью появилась неадекватность, он стал писать для Нобелевки: надо, мол, было сдать Ленинград, народ наш гадкий и порочный... В этом перехлёст и ненужное самобичевание. Народ целиком обвинять нельзя.

— А почему Астафьев не занимал никаких писательских постов? Не хотел?

— Один писатель сказал мне, что каждого выдвигаемого на пост в писательской среде спецслужбы тогда «вели» десятки лет. Им Астафьев не подходил, слишком неуправляемый.

— Системные сбои, — говорил я, — или новые правила, сейчас политики вынуждены быть артистами. Советская государственная система была закрытой, а российская тесно связана с зарубежными элитами. На Западе модно делать политиками людей, которых у нас сразу назвали бы чудаками: Борис Джонсон, Дональд Трамп, Эммануэль Макрон... В России роль чудака, близкого народу, играл Жириновский...

В 2018-м году мы ещё не знали, что вскоре придёт время, когда и у нас генералы армии на камеру будут плясать голыми в бане, высшие политики начнут прятаться за спинами двойников, государственная риторика станет меняться по нескольку раз в течение года. Не ведали о приближающейся пандемии, массовых смертях, грядущем переустройстве мира. Ещё были живы Аннинский, Битов, Лихоносов, Курбатов, Искандер, ещё не началась война, и можно было спокойно говорить о литературе.

Примечание

¹ Идея создать Союз писателей РСФСР возникла в 1956 году, тогда первый секретарь Союза писателей СССР Алексей Сурков обратился к Хрущеву с просьбой обсудить этот вопрос. Уже тогда в недрах Союза писателей СССР были сильны скандалы между «почвенниками» и «демократами». Сорились Константин Симонов, второй секретарь Союза Василий Смирнов, секретарь Георгий Марков, Всеволод Кочетов — тогдашний главный редактор «Литгазеты». По созданию Союза писателей РСФСР тоже не было единомыслия: Полевой был против,

а Марков и Сурков — «за». Создание организации поддержал Хрущев. Поручили оформить дело Поликарпову, он решил создать Оргкомитет во главе с Соболевым, Марковым, Смирновым, Сартаковым, Софроновым. К концу 1958 года Соболев подготовил необходимый проект, и в 1959-м создали СП РСФСР, в дополнение к Союзу писателей СССР. А уж после распада СССР новых писательских организаций появилось очень много. В 2020-м создали «Союз писателей и издателей», который особенно близок Туле, потому что возглавили его Сергей Шаргунов и советник президента по культуре В. И. Толстой. В Творческий совет этой организации вошли писатели с разными политическими взглядами: Татьяна Толстая, Ольга Славникова, Владимир Личутин, Владимир Крупин, Валентин Курбатов, Виктор Лихоносков — многие из них были участниками писательских чтений в Ясной Поляне.

Лилия КУЛЕШОВА,
поэт, член Союза писателей России,
г. Челябинск

Крылатый наш Урал

*Я выйду по тропе подталой
На полустанок небольшой.
Не может Родина быть малой
С такой великою душой!*

К. Скворцов

Я познакомилась с творчеством Константина Васильевича Скворцова ещё будучи студенткой Челябинского педагогического института. Со школьных лет я увлекалась поэзией, писала стихи, и весь мир казался мне одной большой прекрасной

метафорой. Мои друзья и я сама были немного мечтателями и романтиками, такими были и стихи:

*Свежесть, небесная свежесть!
Сбросило сердце свой снег...
Вновь обрела моя нежность
В небе весенний просвет.
Ласковых слов я не знала,
Первых цветов не ждала...
С сердца лавина упала –
Близится время тепла!*

Я училась на филфаке, и однажды преподаватель рассказала студентам о творчестве уральских поэтов, в том числе и о стихах К. В. Скворцова. Мне запомнилась их искренность и в то же время ощущение какой-то тайны, стремление увидеть мир из глубины сердца (вспомнились слова А. де Сент-Экзюпери: «Самого главного глазами не увидишь...»).

Мы узнали, что Константин Васильевич возглавляет Челябинскую писательскую организацию, и с моей подругой С. Томских принесли туда свои стихи, чтобы услышать рекомендации и советы. Его беседа с нами стала настоящим сотворчеством, мы почувствовали искреннее внимание, теплоту, желание помочь и получили приглашение посещать занятия для начинающих поэтов.

На занятиях и обсуждениях стихов наш руководитель учил нас видеть необычное в обычном, искать свои собственные неповторимые образы... И тогда рождаются новые смыслы, открываются новые горизонты творчества!

Чтобы расширить наш литературный кругозор, Константин Васильевич посоветовал принять участие в работе челябинского литературного клуба «Светунец».

Это было удивительное время, когда мы имели возможность выезжать на творческие семинары, которые проводились в лесу, на озёрах, в горах, где для молодёжи проводились мастер-классы, в процессе чего рождались новые темы, образы...

Поэзия звучала повсюду, сама природа дарила нам вдохновение. От Константина Скворцова мы получали творческие задания. Например, написать экспромт о том, что мы видим, чув-

ствуем, наблюдаем... А вечером у костра читали свои лирические, а иногда иронические опусы:

*Лесное, закатное озеро
Стоит чистой вертикальной —
Слушает в омурах розовых
Лягушек сентиментальных!*

С помощью наставников молодые поэты создавали коллективные сборники: «Русская тетрадь», «Майский дождь», «Гроздья рябины». Потом многие из нас прошли интересный творческий путь, выпустили свои сборники, стали членами Союза писателей, лауреатами литературных фестивалей, были награждены дипломами, удостоены премий...

Когда Константина Скворцова пригласили в Москву для творческой работы в Союзе писателей СССР, он по-прежнему оставался нашим другом и наставником. Всё-таки Урал был для него путеводной звездой!..

К. Скворцов часто приезжал в Челябинск, Златоуст, Озёрск, его пьесы ставились в театрах Урала, он встречался с писателями, читателями, помогла многим начинающим поэтам обрести свой творческий путь.

Однажды мы с поэтом Ниной Ягодинцевой приехали в г. Златоуст на встречу с участниками литературного объединения. Я была очарована радушием, красотой и каким-то особенным духовным обликом города и его жителей! И у меня родилось стихотворение...

Златоусту

*Златоуст золотыми устами
Обещает мне день золотой,
Мою боль обернёт небесами,
Напоит родниковой водой.*

*В тишине таганайской вершины
Иоанна услышит душа,
В облаках загорится лучина,
И святитель сойдёт не спеша...*

*Иоанном полны, Златоустом,
Эти горы с алмазной слезой,*

*И разбудит волшебные чувства
Лес, похожий на Храм с бирюзой.*

*Горный город несёт его имя,
Проходя по Господней меже,
Устремляется к людям, как инок,
Со спасительным светом в душе.*

Мне дорого, что моё видение совпало с мнением Константина Скворцова, который написал в журнале «Звёздный голос» (№ 1, 2011 г.): «Для меня Урал связан с именем Иоанна Златоуста (а кто такой писатель, если не златоуст?!..). Иоанн Златоуст сеял зёрна, не уповая на получение сиюминутного урожая. Но прошли столетия, и они проросли...». Посеянные писателями Урала зёрна проросли добрыми, светлыми произведениями об этом крае.

Когда мы приезжали в Москву, нас всегда радушно встречал Константин Васильевич. Так было и на I Всероссийском совещании молодых писателей в 1994 г., где члены уральской писательской организации были рекомендованы, а затем приняты в Союз писателей (в том числе Нина Ягодинцева и я, Лилия Кулешова).

Мы радовались, что наш друг и земляк Константин Скворцов стал лауреатом премий им. М. Лермонтова, им. Э. Володина, отмечен Большой литературной премией Союза писателей за лучшее произведение 2004 г. — книгу «Сим победиши!», дипломом Всероссийской литературной премии «Александр Невский».

Хочется отметить важное душевное свойство Константина Скворцова как человека. Он не случайно награждён знаком «Почётный меценат и благотворитель. За благородство помыслов и идей», учреждённым общественным движением «Добрые люди». В целях поощрения авторов Союз писателей России при поддержке предпринимателей г. Златоуста учредил премию К. В. Скворцова — за следование нравственным ценностям русской литературы.

На моём юбилее в 2023 году председатель Челябинского отделения Союза писателей России Олег Павлов говорил о духовной направленности моих книг и вручил мне премию Кон-

стантина Скворцова за книгу «Любовью дышат небеса». Это награда очень важна для меня. Она говорит о том, что Константин Васильевич не забывает своих земляков, изучая наше творчество и радуясь успехам!

Спасибо Константину Васильевичу Скворцову, поэту, драматургу, за его подвижничество духовным ценностям нашего народа и доброе, направляющее влияние на судьбу русской литературы!

Об этом моё стихотворение.

*Судьба вернёт нас — на круги своя,
К дыханью звёзд у неба в изголовье...
Оттуда видно, что жива земля
И жизнь ещё проникнута любовью!*

*Пора нам вспомнить ласточек язык
Одеться в белый шёлк озёрных лилий
И ощутить, что в Боге мир возник
Одушевлённым, мудрым, изобильным.*

*Понять, что нет потерь и нет разлук,
Дышать стихами Божьего завета,
Всё, что не нужно, — выпустить из рук
И выбрать свет на грани тьмы и света!*

Интервью Константина Скворцова

Поэзия проникнута любовью
(интервью в программе «Живое русское слово»)

Константин Скворцов и Светлана Солнцева.
Фото: Евгений Киселёв

«Профессию писателя нельзя выбрать, она является свыше», — рассказал «Парламентской газете» поэт и драматург Константин Скворцов.

«Поэзия обладает одним удивительным свойством. Она возвращает слову его первоначальную девственную свежесть. Самые стёртые, до конца «выговоренные» нами слова... в поэзии начинают сверкать, звенеть, благоухать!» — писал Константин Паустовский. Задача создать что-то новое и оригинальное сегодня становится всё труднее, но вместе с тем и интереснее. Поэт и драматург Константин Скворцов рассказал «Парламентской газете», как он справляется с этой задачей.

— **Константин Васильевич, вы окончили технический университет и заявили о себе как изобретатель. А потом**

вдруг резкий разворот — Литературный институт. Как такое случилось?

— Профессию писателя нельзя выбрать, она является свыше.

— То есть профессия выбирала вас?

— Конечно. Я писал, сколько себя помню. При этом долго скрывал, что пишу стихи, думал, вдруг кто-нибудь скажет, что литература — несерьёзное занятие для мужчины, баловство. Окончил Челябинский институт механизации и электрификации сельского хозяйства, начал трудиться по специальности. А однажды, когда шёл на работу, мелькнула мысль: «Ещё шаг туда — и всё, сердце лопнет». Развернулся и пошёл домой. Вот уже много лет профессиональным литературным трудом занимаюсь. Пока немножко получается.

— Давайте поговорим о хороших и плохих стихах — какой у них критерий оценки?

— Анна Андреевна Ахматова, с которой довелось быть знакомым, считала, что если поэт не знает свои стихи, как молитву, читает по бумажке, то никому они не нужны. В хорошем стихотворении нет случайных слов — вспомнишь одно, и оно «потащит» за собой остальные, как звенья одной цепи.

— Что заставляет начать писать? С чего начинается работа над текстом?

— Сажусь писать, когда возникает ощущение, что если сейчас же не начать — умрёшь. Когда понимаешь, что так долго копившиеся чувства, эмоции должны непременно вылиться в слова.

Для меня творчество — это всегда момент самопознания, а самопознание — смысл и венец человека.

— Какие темы вас интересуют?

— Пишу обо всём, что меня трогает, пробуждает эмоции. И конечно же, вся поэзия «замешана» на любви, проникнута любовью к женщине, к жизни, к Родине. Я вырос в Златоусте, там была красивая сопка, как пирамида Хеопса, и свои первые стихи я написал о любви к ней. Даже пьеса об Иоанне Златоусте тоже, в общем-то, о любви.

— Для вас есть разница между малой и большой Родиной?

— Родина там, где ты наполняешься внутренней силой, которая даёт тебе возможность творить. Это то, что даёт тебе

возможность понимать окружающих людей, мир, Вселенную. Родина — первый весенний ручеёк, мама, твои друзья. Без всяких громких слов.

Кстати, слово «образование» — не от слова «знание», а от слова «образ». Образование — это осознание и чувство образа народа в мировой истории. Поэтому образованные люди никогда не покинут Родину. Знающие толпами уезжают, а образованные всегда остаются в России. Жорес Алфёров, например, образованный человек, лауреат Нобелевской премии, живёт и работает в России и для России. Поэтому нужно не только знания давать, но и людей образовывать, тогда они будут настоящими патриотами.

— Как вам кажется, влияет ли язык на самосознание и самоидентификацию народа?

— Язык и народ — слова-синонимы. Сохраним язык — сохраним и народ. То, что мы начали задумываться о защите русского языка, означает, что сработал наш инстинкт самосохранения. Сохранение русского языка — вопрос государственной важности, выживания нации, цивилизации, Русского мира всего.

— Сегодня не так много писателей, которые, подобно вам, работают в труднейшем жанре драматической поэзии. Вами написаны два десятка пьес, многие переведены на иностранные языки, поставлены на театральных сценах России. Как вы их создаёте?

— В значительной степени каждый из героев моих пьес — это я. Убеждён, что литературное творчество должно быть проникнуто личным опытом, личным знанием. Мне повезло: прежде чем заняться литературой, я поработал механиком, участвовал в открытии тюменской нефти, на целине побывал. В моей биографии, в моей памяти, в моей крови — бесценные воспоминания об этом. Нужно только записать.

Беседовала Светлана Солнцева,
автор и ведущая программы «Живое русское слово»
телеканала «Просвещение»
(Подробнее на ПГ: <https://www.pnp.ru/social/2017/04/07/poeziya-proniknuta-lyubovyu.html>.
Спецпроекты ЛГ / Словесник / Связующая нить)

Фрагмент программы «Живое русское слово» (передача о современной литературе, которую не увидишь на большом телевидении)

Программа «Живое русское слово». Название, которое промелькнуло в пыли очередной фейсбучной «битвы» современных поэтов, почему-то не оставило равнодушным и заставило нажать на ссылку.

«Что важнее в современной литературе для читателя? Стилль? Сюжет? Язык? Каждый автор старается понравиться. Кто-то выбирает запретные сюжеты. Кто-то — исключительно коммерческие. Кто-то намеренно избегает вечных тем. Но как ни крути, проблемы у общества одни и те же. Отцы и дети. Власть и народ. Война и мир. Жизнь и смерть. И тут индивидуальность каждого мастера слова определяется мерой честности и искренности. Чем их больше, тем быстрее произведения становятся народными».

Стилль передачи — интервью с современными писателями. Программа выходит на телеканале «Просвещение». И увидеть её пока можно только в интернете. И это именно стилль, а не формат. Автор и ведущая Светлана Солнцева не ведёт за собой, не определяет место подаваемой информации. Передачу можно даже не смотреть — только слушать. Здесь место слову, а не картинке. Место для мысли.

«Мир стал немелодичным. Уже более сорока лет главным стал ритм. Молодые не слышат мелодии в жизни. Это страшная вещь!» — Василий Дворцов, поэт и прозаик, не догоняет со-

временность, не «поднимает проблему». Но говорит о жизни, как о музыке.

«Не зря говорят, что у жизни бешеный ритм. А чтобы услышать мелодию, надо остановиться и замедлиться. Но всё же одно без другого существовать не может. Звуки объединяются в слова. Слова — во фразы, в предложения. Так появляется речь. В музыкальном языке высота звука подобна гласным, а длительность — согласным. В языке одинаково важны и те и другие. Мелодия и ритм складываются в цельную совершенную композицию. Так рождается музыка».

«Так рождается жизнь» — хочется дополнить Светлану.

Однажды бродячий поэт, продавший мне в подмосковной электричке книжку своих стихов, сказал, что настоящая поэзия больше не живёт в книжных магазинах. «Стихи в России должны жить в людях. Они не хлеб, их нельзя держать на полке до востребования. Вот, прочти и отдай хорошему человеку. Или выброси, если ничего в тебе они не оставят». Книга этого «железнодорожного философа», вероятно, где-то и сейчас живёт среди людей нашей земли. России.

«Не может Родина быть малой с такой великою душой, — говорит собеседник Солнцевой, поэт-драматург Константин Скворцов. — Из тысяч книг, которые образованный человек читает за жизнь, восемьдесят процентов должны быть классикой. Если ты не знаешь, кто такой капитан Тушин или Наташа Ростова, то ты не русский человек. Если прервётся процесс национального самосознания — нация погибнет. Язык — это то, что формирует нацию. Не кровь, не почва. Они вторичны по отношению к языку».

Во все тревожные времена люди пытались жить проще. Не задумываться, быть в толпе, затеряться во многих равных. И большое телевидение вроде бы просто и незатейливо готовит своим зрителям бодрящий коктейль из ожиданий и предпочтений. И многие довольны.

Многие, но не все.

«История помнит немало примеров, когда поэты писали ради лихо закрученного слова. Перегружали произведение эпитетами и метафорами, за которыми скрывалась пустота. Сейчас стихов ради стихов тоже немало. А ведь умная и зрелая поэзия,

даже лирическая, должна если и не решать серьёзные задачи, то нести ответственность за содержание».

Тут должна быть мораль, но её не будет. Будет желание снова — как когда-то — с удовольствием взять в руки старенький пульт-лентяйку, нажать, не выбирая, и услышать «Живое русское слово».

...Друзей моих лица» друзья о писателе)

Григорий ИВЛИЕВ,
президент Евразийского патентного
ведомства (ЕАПВ),
г. Москва

«Говорите слова...»

Уже не первый раз я пытаюсь говорить о драматической поэзии и лирике Константина Скворцова. И каждый раз приходится исследовать какие-то глубины, чтобы не просто проникнуть в эту поэзию, не просто её почувствовать, а чтобы передать её смысл тем, к кому обращаешься, оценивая его творчество.

Однозначно, что после Новеллы Матвеевой и Ивана Киуру о Константине Скворцове говорить вообще проблематично. Они сказали о нём так, что мы практически всё видим, но это взгляд великих.

Запросто, наверное, о Константине Скворцове и говорить нельзя, но очень хочется выразить что-то личное, сказать поэту, сказать тем, кто его читает, то, что ощущаешь при соединении с его словом. Даже перечень его героев впечатляет. Его творчество посвящено Георгию Победоносцу, Иоанну Златоусту, Константину Великому. Это философское осмысление очень многих явлений.

Его выражение «выбоины вселенной» из Георгия Победоносца для меня вообще стало синонимом ощущения сложности окружающего мира. Ощущения того, что идёшь

по пути, который очень непрост, и в этом пути необходимо преодоление.

Причём, когда Скворцов говорит о великих: о великих людях, о героях, об исторических героях — это применимо к каждому человеку. По существу, он как бы наряду с дальней историей заглядывает и в современность. Когда он нам показывает Кибальчича, Бестужева-Марлинского, Курчатова, тоже кажется, что это приближает тебя к чему-то великому, знакомому. И описывает он это в таких сложных выражениях, что для нас становится понятно это спустя какое-то время после прочтения.

Лирика Константина Скворцова очень близка мне. Его стихотворение «Матушка пела», которое положено на музыку, я слышал многократно. Тогда, когда читал его сам автор, когда это стихотворение читали дети. Я его слышал в песнях много раз. И, конечно, такое повторение означает, что оно очень глубоко.

Такое повторение создает образ не только абстрактной матери, но оно обращает к своему собственному прошлому. Так воспринимаешь своих бабушек. Так воспринимаешь свою маму, окружающих тебя пожилых женщин. И это чувство, чувство преодоления трудностей, тоже приложимо вот сейчас, к этому времени, ко времени недавнему. Оно находится где-то в твоей семье, среди твоих близких, это преодоление. И ты ощущаешь ещё и радость, что это преодоление предначертано тебе той позицией, о которой эта самая матушка нам и говорит.

Около тридцати лет я общаюсь с Константином Скворцовым и не перестаю удивляться, как человек, в общем-то, в таком серьёзном возрасте может так нежно писать о любви.

Для меня он также поэт, который глубоко проникся есенинской поэзией. Я понимаю, что это совсем другое, что он с Урала. Но «есенинское» в его творчестве я слышу, вижу, читаю.

*На тебя смотрю не без опаски:
Слишком ты изящна и тонка.
Написать тебя — убоги краски,
И бессильна чуткая строка!*

Это ощущение его близости к классикам постоянно поражает и в лирике, и в драме. Он пишет, конечно, стихи на таком уровне.

У меня есть подаренные автором сборники «Чёлн для двоих» (2014), «Отбившиеся от Вселенских рук» (2016), «Лирика» (2019). И в каждом из них я читаю стихи о любви.

Но наряду с тем, что Константин Васильевич очень нежный поэт и очень чувствительный, тонкий человек, он ещё и человек, который в этой жизни всегда проявлял себя борцом. Я обращаюсь к своему любимому поэтическому герою — Георгию Победоносцу, потому что автор изображает там борца, но сам поэт — тоже борец.

Я читаю его стихи, когда есть какая-то жестокость в жизни вокруг. Мне становится понятнее, что люди это ощущают, что это есть в жизни. И что, может, от этого надо уходить.

*Я не прощаю никому измен:
Ни другу, ни подруге и ни брату.
И не приму за краткий миг разврата
Тысячелетья Верности взамен.*

Такая жёсткость, скрытая за мягкими формами, конечно же, говорит о многостороннем таланте. Я очень люблю, когда Константин Васильевич читает не только свои мягкие нежные стихи, но и стихи, в которых отражается гражданская позиция.

Несомненно, что такой поэт, как Константин Скворцов, — российский поэт, глубоко проникший в ткань русской души, в ткань русской жизни. В его поэзии можно найти много откликов на современную жизнь, на современное состояние души, на современное состояние страны.

*Говорите слова. Мы беду пересилим.
Пусть ложатся они, как на стол кружева.
Говорите слова. Говорите России.
Говорите России. Да будет Россия жива!*

Когда я читаю что-то подобное, понимаю, что это не наносное. Это говорит внутренний голос моего народа.

Валентин ЧИСТЯКОВ,
поэт, член Союза писателей России,
г. Юхнов,
Калужская область

Фуражка-оберег

1967 год. Ленинский район города Челябинска. Я работаю на Челябинском трубопрокатном заводе в шестом трубосварочном цехе подручным электросварщика труб большого диаметра и живу в мужском общежитии этого завода по улице Машиностроителей. Мне 19 лет. Я пишу стихи. Никому их не показываю, а записываю в общую тетрадку.

И вот однажды в общежитии возле стола вахтера на доске объявлений читаю объявление: вечером такого-то числа, в такое-то время, в красном уголке состоится встреча с местными поэтами. Я пришел в назначенное время. Я ни разу не видел и не слышал живых поэтов. Как они начали читать и как закончили, я плохо запомнил. Но во время их чтения мне показалось, что я взлетел куда-то в поднебесье и лечу, раскинув крылья, как торжествующая птица, набравшаяся свежего целебного воздуха, узнаваемых только ей звуков и внутренней, соединяющей гармонии родственных чувств. Я был просто потрясён и очарован этими стихами, так они мне были близки и понятны. После выступления, видно, старший из них, сказал, обращаясь в зал: «Если кто-то из вас пишет стихи, пусть приходит туда-то и туда-то», и оставил на столе адрес.

И я пришёл. Это был огромный красивый Дворец культуры станкостроительного завода имени Серго Орджоникидзе. Еле я отыскал в таком огромном здании помещение литературного объединения. Робко постучал, сказали: «Войдите». Объяснил, что вот, мол, стихи принёс. Встретили доброжелательно — стихи мои все разбили, строчек несколько всё же похвалили. Руководитель Константин Скворцов записал в журнал мою фамилию и сказал: «Ходите на занятия каждый четверг в 18:00»,

пожал мне руку и добавил: «Вы молодой, время у вас впереди ещё есть, первые ряды в литературе всегда свободны».

Так я познакомился с Константином Васильевичем Скворцовым. Скромным, обаятельным, душевным, справедливым, настоящим русским человеком.

Я как-то легко влился в небольшое ядро этого коллектива. Приходило желающих много, но строгую критику выдерживали только одержимые — таких нас было всего девять человек. Мы печатались в заводских, городских и областных газетах, во многих журналах, альманахах и коллективных сборниках нашей страны. Выступали с чтениями своих произведений по всей Челябинской области и за её пределами и получали к тому же по тем меркам приличные гонорары. И в последующем из девяти постоянных участников литобъединения пять стали членами Союза писателей России. И всё это благодаря нашему руководителю — Константину Васильевичу Скворцову.

А когда он узнал, что я, уже женатый человек, прописан в общежитии, немедленно написал ходатайство от Челябинской областной писательской организации в обком партии Челябинской области, и мне вскорости дали отдельную двухкомнатную квартиру для успешной творческой работы по улице Гагарина в городе Челябинске.

Наступил 1980 год. Константин Васильевич на одном из занятий сказал, что я уже вполне дорос до издания отдельной книжки стихов: «Отпечатай все стихотворения на машинке, составь их взаимосвязанно и принеси мне на прочтение». Что я и сделал. Через несколько дней он принес мои стихи и сказал: «Я уверен, что книжка есть, поедешь в Москву, найдёшь там очень большого поэта и скажешь ему, что тебя прислал Скворцов». В 1983 году в издательстве «Современник» в Москве вышла моя первая отдельная книжка стихов «Светлые дожди».

Было время, когда я учился разным профессиям. Особенно мне понравилось шить на швейной машинке. А начал я с шитья фуражек модного раскроя, материал — брезент. Сшил первую фуражку и принёс похвалиться Константину Васильевичу. Показал, она ему очень понравилась. Я ему её и подарил. Прошло много лет. Константин Васильевич часто менял места жительства. Забывал и терял многие дорогие, ценные вещи, а эта фу-

ражка, уже совершенно ненужная, как феникс из пепла, везде появляется во всей своей непомятой красе. Он рассказал мне эту историю. А я ему говорю, что это его оберег. Вроде бы шутка. Но мне моя родная бабушка по отцу Чистякова Фёкла Григорьевна рассказывала о своей жизни с дедушкой. При ссорах, как только дедушка хотел ей сказать в гневе что-то нехорошее, бабушка пристально глядела на него, и он уходил от нее, подходил к окошку и всю свою плохую словесную энергию выплескивал из себя в окошко. Кто знает, может и мне что-то передалось от моей дорогой бабушки. И эта добрая сила в виде фуражки оберегает Константина Васильевича Скворцова, моего духовного учителя, от разных жизненных бед и напастей по сей день.

Своему наставнику Константину Васильевичу Скворцову, одному из лучших поэтов- драматургов России, желаю крепкого здоровья и новых творческих сил на благо нашей великой и славной Родины — матушки России!

Валерий ТАГАН,
ПОЭТ,
г. Москва

Корневая поэзия

Сложна жизнь — витиеватая... Кто-то мучается, корни распутывая, а кому-то трын-трава — лишь бы дышалось, двигалось...

Идёт жизнь, размеренно катится... И шла бы она незаметно, если бы не случаи, которые не оставляют равнодушными, придают душе волнение, нарушая привычное спокойствие, сохраняя в памяти незабываемое.

Каждый раз, приезжая в Переделкино, под хвойные своды высоченных елей, сосен и узорных крон разнодеревья, знако-

мого с детства только по книжному многострочию страниц, твёрдо знаешь, что не уедешь отсюда без чего-то необычного, услышанного от самого Константина Васильевича Скворцова...

И вот она — живая речь, выданная экспромтом из тайников его замыслов; первым звуком говорящей души, вся от сердца, на пробу — как-то оно откликнется, завладеет ли вниманием или пройдёт и канет, как всё привычное в сиюминутном обиходе...

Знаешь, чувствуешь балансиры сценария, но где уж там, забываешь враз о своём всезнании, когда слышишь вещи для тебя удивительные. Невольно становишься участником рождения нового, того, что завтра, получив малую толику поддержки, пройдя филигранную доработку, уйдёт в многострочие бесценных книг классика, доставляя радость и наслаждение любителям чтения настоящей русской литературы.

Встречая новое, невольно вспоминаешь *старое*. К сожалению, книги тоже имеют свой возраст. Стоят они рядом на полке — место почетное, весомые... Встречают каждое утро: «Сим победиши», «Царские игры», «Ванька Каин», «Ущелье крылатых коней», «Лирический дневник»; стоят, как врата величественные для вхождения в мир неповторимой поэзии, наполненные глубиной мысли, красотой родимой речи, идущей от ума-разума, от народной смекалистой мудрости.

И вьются-переливаются драгоценные строки — от вдохновенного лиризма:

*...Хотела я, как Лунная река,
Сама в горах навеки выбрать русло!..*

*...Я облакам прислуживаю здесь,
Их убирая звонким гребнем солнца...*

*...Плут на Руси найдёт чем оправдаться.
Скажите — честному куда податься?*

до могучего подъёма философской мысли, до разговора с Богом:

*Вы спросите, зачем я прихожу
К вам в этот мир, где ничего не вечно,*

*Где бродит зверь в обличье человека,
Грозя Вселенной разумом своим,
Как пращур окровавленной дубиной?..
Но загляни в глаза его и там —
В дремучей глубине его сознания —
Тебе блеснет неяркий огонёк
Чуть тлеющей души, то — искра Божья!..
...Укрой огонь от ветра и узнай,
Как в мире этом всё преобразится,
Как свет зари прольётся по долинам,
Пронзит лучами небо... И взойдёт
Великое, немеркнувшее Солнце.
И этот Свет есть Бог
И есть Любовь...*

Как ни скрывай, а бродит внутри что-то загадочное, усиливая движения чувств при очередном приближении к величественным хвойным кронам Переделкина.

Каждый раз, приезжая, пытаюсь увидеть не увиденное, отгадать не отгаданное — в чём же секрет слова поэта русского Константина Скворцова...

Прочитал — и снова тянет заглянуть в страну его таинственную книжную, пожить мироощущением её героев...

Сколько вокруг поэтов — громко поднятых, с экранов читанных...

А он?! Когда же проснётся Россия, Русь с языком народа!

Кипит всё внутри от такой несправедливости, возмущается... ищешь зацепки для утверждения его самобытного, чистого, мощного голоса, чтобы открыть широкий путь светлому звучанию родника природы, опрокинув житейскую муть времени смрадного. Ищешь, ищешь, а искать-то не надо, оно уже есть, и жить ему вечно, пока произносится, светит и светится слово русское!

Дошло до меня это просто и ясно по недавнем приезде в пенаты Константина Васильевича...

Вещь житейская — труженик он, без учёта собственных сил и здоровья. Видно было, как горели глаза его и переполняла его радость внутренняя!

В течение месяца мучился он с пеньком сосны столетнего возраста: ствол порешили, положили спиленный грамотно, не задев ни бани, ни дома. Поработал хозяин довольно много: ствол распилил на чурбаки соразмерные, убрал с дороги. Принялся за пень с одним желанием — убрать вчистую. А пень углубил свои корни, держится, обкрошен основательно, очищен вроде по краям, да недоступен для перемещения в костровую поленницу, требуется помощь, приложение сил вспомогательных.

Слово — дело, приезд не впустую. Пошли в ход лом весомый, лопата негнучая да топор, по-хозяйски насаженный.

Красуется корень, точнее остатки его, наблюдает со всей вредностью за нашими потугами... Подведён лом — на рычаг, мышцы включены, а корень шевельнулся чуть-чуть — и ни с места.

Удивляемся с Константином Васильевичем, что неясного, примеряемся, смотрим пристальней, попытались ещё раз двинуть дело корчевое... Держит корень — своя хитрость имеется.

Но держи, не держи... мужики уральские всё равно своего добьются. Почистили лопатой ещё раз обкопно вокруг пня, каждого корневого отвода касаясь. Лом всё равно не в силах, не справляется, что-то держит его, не отпускает. Видим, по центру углубился корень, врос в землю стволовато, держится, не сдаётся. Лопата не отсекает — отскакивает со звоном. Выход один только — топор острый, крепкий.

Работаем, действуем!

И вот он, пень-красавец, наконец-то нашёл своё место в ожидающей его костровой поленнице. А часть корня витога, стволоватого всё же осталась в земле — глубина-то неподдатная, крепко схвачено! Жить ей жизнью своей, всё как скажется... Ждёт, что будет ей рост, лишь отважится!

Глаза видят, руки делают, и к месту не к месту явилась догадка, крепким корнем навеянная: вот чем сильно поэтическое слово Константина Скворцова!

Осенило вдруг, что поэзия его — корневая, как ни крути её кто, а крепко она держится сердцем-корнем своим за землю русскую. И не свергнут её, не выкорчуют ни молчание, ни зловещий смрад земной. Жить ей в сердцах людей словом родным, дорогим и любимым, потому что она, поэзия, — корневая...

Валерий ЕФРЕМОВ,

г. Москва

Наше детство в послевоенном Златоусте

В конце 1945-го отец пришёл с японской и мы уехали из холодного и голодного Златоуста в Бугуруслан, потом в Белоруссию. Вернулись в Златоуст в начале 1950 года уже вчетвером: родилась сестрёнка Тамара. Пошел в четвёртый класс мужской школы № 27. Тогда в посёлке при машзаводе было две школы — мужская № 27 и женская № 5. С четвёртого класса помню только двух человек — классного руководителя Карла Фёдоровича Гинтера и мальчика, с которым сидел на одной парте, — Эдика (Эдуард Абрамович Гиненфельд, заслуженный учитель школы РФ, заместитель директора по учебно-методической работе Челябинского областного института усовершенствования учителей, учитель гимназии № 48 г. Челябинска). Карл Фёдорович — строгий учитель, любящий во всём порядок. Эдик — мальчик, который «всё знал».

Друзьями у меня в то время были соседские мальчишки и девчонки с улицы Чкалова. Весь день на улице в играх. Штандер, гуси-лебеди, прятки, футбол с тряпичным мячом. В памяти осталась такая сценка. Чья-то мать издалека, из переулка кричит:

- Любка, иди обедать!
- А что есть?
- Ну тюрю...
- Не пойду! Не хочу тюрю...
- Ладно уж, иди, я тебе ее забелю!
- Бегу, бегу! — повеселела Любка.

В конце лета кто-то из ребят подбил нашу компанию на поход в КЮМ — клуб юных мастеров.

Драмкружок

В комнату набилось человек тридцать. Высокий человек с оспинами на лице долго рассказывает, чем занимаются ребята в драмкружке и как им живётся. Это был Борис Иванович Перепёлкин — первый человек в моей жизни, которому я был интересен, как я тогда думал. Мне казалось, что ему было интересно во мне всё: что я хочу, что я делаю, почему я так делаю. И он незаметно подсказывал, как лучше сделать. Наверное, ему интересны были и другие ребята, но этого я не понимал. Видел только его и себя.

Родители наши в те трудные, голодные послевоенные годы были заняты выживанием. На детей не хватало ни сил, ни времени. Отец всегда в трудах: пилил, строгал, обустроивал. Мать крутилась по дому — приготовить, постирать, убрать. Насколько помню, в раннем детстве она только два раза говорила со мной. Первый раз, когда я деревянной саблей порубил цветы вдоль дорожки к дому. Не ругала, просто объяснила: такую красоту погубил. Но этого я не понял. Поверил только, что мать затратила на цветы много времени и сил. И не то, чтобы я пожалел её силы и время, а какую-то неловкость все-таки почувствовал. Второй раз — когда я взял топор (как только смог размахнуться им?), срубил молодую сосну в конце огорода и приволок её к дому. Мать пришла с работы, увидела сосну, топор, похвалила за заботу о дровах. А когда я пообещал завтра ещё одну срубить, рассказала, как они с отцом пошли далеко в лес, выкопали несколько маленьких сосенок и посадили их на краю огорода. Вот вернётся отец с войны, увидит, что нет сосенок, и огорчится. На этот раз я сразу всё понял.

Борис Иванович дал мне роль в небольшой пьесе. Ребята идут на рыбалку и не берут с собой маленького мальчика. После роли маленького рыбака Борис Иванович предложил мне роль в большой пьесе «Особое задание». В этой пьесе были заняты опытные актёры. Репетиции пьесы подходили к концу, и, чтобы догнать весь коллектив, мне нужно было позаниматься с наставником. Этим наставником оказался Костя Скворцов, учившийся со мной в одном классе. И стали мы после уроков репетировать наши общие сцены. Жил он рядом со школой, днём в квартире никого не было, и мы и репетировали, и баловались,

и играли. Даже в волейбол через кожаный диван. Как только окна не повыбивали. С этого и началась наша дружба.

А спектакль пользовался успехом, даже в Челябинск ездили с этим спектаклем. Драмкружок работал до тех пор, пока Борис Иванович не уехал в другой город. Потом я занимался в фотокружке, в радиокружке, но такой радости от занятий, как в драмкружке, уже не было. Думаю, что дело было в Борисе Ивановиче. Он умел создать атмосферу радостного соучастия для всех ребят и девчонок. Наверное, Борис Иванович ещё где-то работал, потому что занятия проходили вечером по три-четыре раза в неделю. Возвращался я домой поздно по совершенно пустой улице. Под ногами скрипит снег. Справа и слева белые горы. Впереди угадывается Александровская сопка. Тусклые огоньки в окнах домов, дымок из труб. И три яркие звезды на поясе Ориона.

Школьные будни

Что ещё я помню о времени до восьмого класса? Помню печку — хранительницу жизни нашей семьи. Вся жизнь дома вертелась вокруг печки. Печка в доме на улице Чкалова плохо грела и немного дымила. Отец с матерью долго выбирали печника, который сложит нашу новую печку. Наконец, выбрали. Печник несколько дней выкладывал кирпичи, мы ходили на цыпочках. Когда печник делал первую топку, переживали: хороша ли будет тяга, не будет ли дымить наша печка? Побелили её, просушили, снова побелили. Красавица, а не печка! Тяга хорошая, дров расходует мало. Голландка с двухконфорочной варочной плитой для приготовления пищи, и русская печь над ней, перпендикулярно голландке, причём плита голландки служит шестком печи. За печкой как бы маленькая комнатка, в ней моя кровать, над кроватью чёрная тарелка репродуктора. Настройка звука и включение одним винтиком, причём очень ненадёжным, поэтому радио никогда не выключается и очень редко регулировали громкость. В шесть утра радио начинало работать и в двенадцать ночи заканчивало. Часто передавали концерты классической музыки, с тех пор я её и люблю. По воскресеньям топили русскую печь и мать пекла шанежки с картошкой или какие-нибудь пироги. Любимые пироги — с черёмухой. Летом мы собирали много черёмухи, сушили её, а зимой размалывали

в мясорубке. Получалась сладкая начинка для пирогов — ни яблок, ни других фруктов у нас не было.

Зимой по вечерам часто не было электричества. Света керосиновой лампы хватало только на освещение стола, где мать готовила ужин. Когда дрова в голландке разгорались, отец открывал дверцу, садился на маленький стульчик перед ней, я садился рядышком, сестрёнка Тома тоже к нам пристраивалась, и отец начинал читать вслух какую-нибудь библиотечную книгу. Поскольку я ещё со второго класса привык не делать дома уроки, времени свободного у меня было много и я успевал читать книги из четырёх библиотек — КЮМа, дворца культуры, районной и школьной библиотек. Любимой у меня была библиотека КЮМа — самая богатая, самый старый книжный фонд. Помню, одна из зим была посвящена Чехову — я приносил по очереди тома из двенадцатитомного собрания сочинений, к концу зимы прочитали шестой том. Когда ужин был готов, мать звала к столу. На этом кончался сеанс чтения вслух, а иногда это был только перерыв. На ужин обычно была тарелка супа или щей, а на второе любимая картошка в мундире с молоком и луком. Я любил давленный лук: выбирал небольшую луковицу и давил её о стол ладонью, а чаще о стул. Эта нехитрая еда нам никогда не надоедала, не помню даже случая, чтобы кто-нибудь просил чего-то другого. По воскресеньям были шанежки и пироги, по праздникам — два кулёчка конфет, один с подушечками, другой с разноцветным горошком. Помню, как в первый раз ели халву, мать вечером принесла. На другой день в школе гул стоял. Каждый ученик, входя в класс, спешил поделиться: «А я вчера халву ел!». Это впервые после войны в магазины привезли халву. В магазине покупали хлеб, вермишель, соль, сахар, муку, крупы. В огороде выращивали картошку, лук, морковь, репу и свёклу. Когда появлялись первые свекольные листья, мать обязательно говорила: «Теперь не пропадём, есть чем суп заправить». Ещё любили огурцы с грядки, горох и бобы. Много времени уделяли корове, её все любили, особенно мать. Покормить, подоить, почистить стайку, заготовить сено. Участки для покоса были на середине второй горы — это полтора-два часа хода. Отец косил, мы с матерью гребли, ворошили, собирали грибы по кустам,

а иногда и под валками травы. В конце покосной поры высохшее сено собирали в большой высокий стог. Отец деревянными вилами с длинной рукояткой забрасывал последние охапки сена на вершину стога, я перемещал их, укладывал по указаниям отца и уминал ногами. После этого можно было слезать с высокого стога, что было очень непросто. Отец с матерью выбирали наиболее удобное место для спуска, я садился на край стога и с замирающим сердцем начинал скользить вниз в руки отца. Мать со стороны следила за процессом спуска и подсказывала самые удобные позиции и действия мне и отцу. Наконец, отец ловил меня и ставил на землю. И тут наступали радость и облегчение. Важная и тяжёлая работа была окончена. В конце лета, до начала дождей, завод выделял машины и со всех покосных участков по какой-то длинной объездной дороге сено развозили по домам, сгружали перед воротами, и мы втроём переносили его во двор, а потом на сеновал над стайкой для коровы.

Настойчивая завуч Баландина

В 1952 году на машзаводе открыли новую школу № 28 в районе Дегтярки. Долгое время я не мог понять, почему в общем-то добрая и, по словам матери и бабушки, любившая меня завуч школы № 27 Анастасия Антиповна Баландина насильно перевела меня в 28-ю школу, куда она была назначена директором. Скорее всего, дело было, в конечном итоге, в руководителе драмкружка. Борис Иванович решил, что драмкружку нужно поучаствовать в смотре художественной самодеятельности. Он предложил одной из девочек, Косте Скворцову и мне принять в этом участие, подобрал нам по стихотворению и начал с нами заниматься. Косте он дал стихотворение Маяковского. Звонкое, громкое, героическое. И читал его Костя с горящими глазами, с рвущейся душой. Мне тоже хотелось так же читать Маяковского, но Борис Иванович дал мне другое, совсем не героическое:

*Был мальчишка как мальчишка,
Как же нам его не знать —
Был девчонок, звали Мишкой,
Жил в квартире номер пять.*

*А потом пропал куда-то,
Все забыли про него ...*

Дальше уже не помню, но появился этот мальчишка во дворе в форменной одежде, в фуражке с кокардой и, как теперь понимаю, с другими жизненными принципами — защищал девчонок и опекал маленьких. По стилю похоже на Агнию Барто. Спустя много лет я пытался найти это стихотворение в интернете. Не нашёл. Смотр был в новом, построенном военнопленными немцами Дворце культуры машзавода. Костя выступил очень успешно и прошёл на городской смотр, моё выступление прошло незамеченным. Но кое-кто на него всё-таки обратил внимание. Понравилось Борису Ивановичу и Анастасии Антиповне Баландиной. На школьной перемене она ко мне подошла, похвалила, обняла и даже поцеловала в лоб, чего я никак не ожидал: она вела у нас математику и была достаточно строгой учительницей. Перед новым, 1953 годом в новой семилетней школе № 28 был какой-то общешкольный вечер. В большом актовом зале собралась, наверное, вся школа. Директор Баландина обязала меня выступить на вечере с чтением стихотворения, и хотя я сопротивлялся, но, видя её серьёзное настроение, подчинился. Читал я нехотя и с долей безразличия, но поскольку Борис Иванович отработал со мной каждое слово, каждое движение, чтение прошло без малейшей запинки и с неожиданным для меня успехом. Зал просто воодушевился. Дальше — больше. Почти каждый встречный малыш, а я учился в старшем, выпускном классе, завидев меня, кричал какую-нибудь строчку, чаще: «Был мальчишка как мальчишка» и «Бил девчонок, звали Мишкой». Много времени спустя я, кажется, понял причину этого фееричного успеха. Вся жизнь школы в те времена была подчинена общей линии партии. Если песни, то патриотичные, если стихи, то героические, если речи, то только те, которые могли бы быть одобрены партийными работниками. И вдруг живые стихи с живым исполнителем. Думаю, это было сделано не нарочно, случайно, но живыми людьми для живых детей. И дети это оценили, правда, по-своему.

Прошло много лет, и на закате жизни Костя Скворцов буквально заставил, ну, убедил меня задуматься о том, что я помню о жизни в Златоусте. Пришлось поднапрячься, чтобы что-то вспомнить. Тогда-то до меня и дошло, что в течение долгих лет учёбы в вузе, работы на заводе и в институте воспоминания о Златоусте и репетициях с Костей, о Борисе Ивановиче и поясе Ориона согревали мне душу. И до сих пор греют. Вот тут-то я и осознал цену Костиного совета и взялся за перо.

А теперь о любимом мною Костином стихотворении «Созвездие Лебедя». В старые времена люди верили, что при помощи поэта Бог как бы ведёт разговор с человеком о его жизни и, иногда, о его судьбе. Сейчас же некоторые верят, что таким образом космос что-то хочет сообщить человеку. Я верю и в то, и в другое.

*Из ночного болотного лепета,
Из тумана цветущих гречих
Вылетает созвездие Лебедя
И над соснами горько кричит.*

Нашим предкам, как говорят историки, очень даже знаком был болотный лепет. Да и вкус гречихи тоже. Мы же лепет болота подзабыли, а вот вкус гречихи любим до сих пор. Как и светлый образ Лебедя. Даже его горький крик трогает нашу мятущуюся душу. Когда рука поэта писала эти строки о Лебеде, вряд ли он думал о наших славянских предках и о нашей странной для мира любви к гречихе. Скорее, это было именно то самое влияние, воздействие бога или космоса.

*Из ущелий и хижин брошенных,
Рассекая крылом облака,
Вылетает созвездие Коршуна,
Неизвестное людям пока.*

А это уже не весточка из далёкого прошлого, а неожиданное предвидение. Мы не видим созвездие Коршуна. И о сути

его совсем ничего не знаем. Возможно, догадываемся. А ведь оно, похоже, где-то есть. Может, затаилось, а может, уже вылетело, но на забитом звёздами небесном своде мы его ещё не разглядели. И голос у этого коршуна, на первый взгляд, совсем не горький, как у лебедя, а, скорее, приятный (прелестный?) — послушайте его хотя бы на «Ютубе». И следом ещё одно предвидение — это уже про ту же беспокойную нашу душу.

*Из тугого распадка горного
Выгну лук и стяну рекой.
Только мне до раскрытия чёрного
Не достать никакой стрелой.*

Когда в середине 1970-х годов у меня началась эпоха, ну, скажем, полоса, а может, просто некий зуд сочинения музыки, я написал мелодию для «Созвездия Лебедя». И вот что получилось.

Созвездие Лебедя

сл. Скворцов К.В. муз. Ефремов В.Н.

The image shows a musical score for the song "Созвездие Лебедя". It consists of four staves of music in 3/4 time. The first staff starts with a treble clef and a key signature of one flat (B-flat). The melody is written in a simple, lyrical style. The second staff continues the melody with some rhythmic variation. The third staff has a few measures of rest, followed by a continuation of the melody. The fourth staff concludes the piece with a final note and a double bar line.

*Из ночного болотного лепета,
Из тумана цветущих гречих
Вылетает созвездие Лебедя,
Вылетает созвездие Лебедя*

*И над соснами горько кричит.
Ау, пока-пока, пока-пока...
Из ущелий и хижин заброшенных,
Рассекая крылом облака,
Вылетает созвездие Коршуна,
Вылетает созвездие Коршуна,
Неизвестное людям пока.
Ау, пока-пока, пока-пока...
Из тугого распадка из горного
Выгну лук и стяну лук рекой.
Только мне до раскрылия чёрного,
Только мне до раскрылия чёрного,
Не достать никакою стрелой.
Но пока-пока, пока-пока...*

Я, конечно, понимаю, что упростил, вернее, обеднил эмоциональное воздействие некоторых строк, они получились более сглаженными, округлыми, что ли, и потому менее цепляющими за душу, но мелодия потребовала такой доработки, и надеюсь, Костя (поэт) поймёт эту необходимость.

А в конце наша переписка с Константином Скворцовым.

Костя! Посылаю тебе обещанный текст для Третьих чтений.

14.09.22. Константин Скворцов

Валера! Пишешь хорошо, подробно и с чувством. Если что-то вспомнишь про занятия в драмкружке КЮМа, где Б. И. Перепёлкин заложил в меня любовь к слову и театру, что потом стало смыслом моей жизни, то добавь. А ты не помнишь, когда в девятом классе я во Дворце культуры поставил «РЕВИЗОРА», Бобчинского и Добчинского играли Саша Солдатов и Толя Узинцев. Я играл Городничего, но помню очень смутно... И ещё хорошо бы добавить главку о наших московских встречах и тех моих спектаклях и творческих вечерах, на которых вы были с Валентиной. Это бы придало материалу должный объём. Попробуй!

Твой КС.

Костя! Репетиции с тобой помню, а вот занятия в драмкружке совершенно не помню. И спектакль по Гоголю тоже. А Сашу Солдатову я бы запомнил. Наверное, я не видел ни спектакль, ни репетиции. Фото, которые ты прислал, совсем мне не знакомы. К сожалению, память наша очень избирательна. И для меня давно уже загадка: КТО же её настоящий хозяин?.. Из московских спектаклей и творческих вечеров помню только Ингу. Она истинная дочь твоя и Тамары. Вы оба очень талантливы, думаю, что Инга тоже, но я с ней ни разу не разговаривал и поэтому о её талантах ничего не знаю. Из наших встреч помню прекрасное, душевное пение Тамары. И старую собаку Владу на кухне в Переделкине. Я на неё сейчас очень похож — так же ем всё, что Валя положит мне на тарелку. Если положит лишнего, то съем и не замечу, если не доложит, то, как и Влада, подниму голову от тарелки, взгляну в глаза хозяйке, но так же промолчу. Такие вот грустные мои дела. Теперь о том, что можно сделать. Концепция главы, о которой ты пишешь, очень разумная. Если ты покопаешься в памяти и что-то вспомнишь, то стоит вместе подумать, за что можно зацепиться и написать.

А Борис Иванович Перепёлкин, думаю, видел в тебе искру божью. Он дал тебе стихотворение Маяковского, отдельно занимался с тобой, и ты единственный прошёл на городской смотр. И это счастье, что наши с тобой жизни на какие-то мгновения пересеклись с жизнью этого неординарного человека. Я ведь до сих пор хорошо помню внимательный и всё понимающий взгляд Бориса Ивановича, которым он смотрел на нас, на каждого в отдельности, как мне тогда казалось. А может, и в самом деле он видел и понимал каждого из нас. Это тоже большой талант, и, похоже, Борис Иванович им обладал в полной мере, раз он смог из детей и подростков, выросших на военных и голодных послевоенных улицах, создать такой сплочённый, увлечённый театром коллектив и остался у нас в памяти до конца дней наших.

Р. С. Костя, а может, стоит эти три письма подредактировать и вставить в текст — это и будет косвенным (непрямым) решением вопроса и хорошей эпитафией Борису Ивановичу.

Николай РАЧКОВ,

поэт,
г. Тосно,
Ленинградская
область

Как златоустовский булат

Прочитав драматический триптих истории христианства в Византии Константина Скворцова, я понял, какой это большой, незаурядный поэт. И в «Константине Великом», и в «Георгии Победоносце», и в «Иоанне Златоусте», созданных в традициях почти забытого ныне византийского театра, говоря о далёком, поэт по-шекспировски глубоко и размашисто изображает характеры древней эпохи, напоминает о том, что мы те же люди, с теми же страстями и пороками, завистью и лукавством, любовью и ненавистью, страданиями и радостями. И самая несокрушимая в веках тема — народ и власть.

Погружаясь в исторические глубины, он обязательно проецирует отдалённые события на современность. В философских суждениях, в характерах, репликах и монологах его героев в драмах «Смутное время», «Алёна Арзамасская», «Ванька Каин» и других набатно звучат колокола не только прошлого, но и настоящего, трагические ноты нашей жизни. Поэт на то и поэт, чтобы люди задумывались о том, как жить, куда идти — в сторону тьмы или в сторону света. Кто у нас сегодня драматическую прозу отчеканил в классические стихи, чтобы она завораживала и на сцене, и наедине с книгой?

Не случайно ещё в советское время влиятельные писатели по достоинству оценили талант мастера сценического искусства, избрали на съезде Секретарём Союза писателей СССР. Именно Скворцов стал самым молодым в то время в руководстве писательской организации страны.

Всё это я знал. Частенько встречал его лирические стихи в альманахах. Впоследствии он дарил мне свои книги. В том

числе и роскошный трёхтомник драматических произведений с превосходной статьёй Новеллы Матвеевой.

Но это впоследствии.

А познакомились и подружились мы с ним в начале нового века в Крыму, где должен был проходить выездной пленум Союза писателей России. Мы прибыли сначала в Симферополь, где нас разместили в гостинице до прибытия автобуса в Гурзуф. Чтобы скоротать время, я решил пройтись познакомиться с окрестностями города. Рядом был большой парк. И вместе со мной пошёл Константин Скворцов: «Чего попусту сидеть, прогуляемся»...

Два поэта. А о чём разговаривать? Конечно же, о поэзии. «Давай читать стихи друг другу», — сказал он. Я начал читать о детстве, о матери, о пропавшем без вести солдате, о любви, о России: «Я был в Раю, но я не знал об этом», «Всё идут к ней русским полем сквозь туманное жнивье три её родимых сына, три кровиночки её...» И так далее. После каждого моего стиха на ту же тему читал Скворцов. Оказалось, что мы очень близки по духу, по любви к Родине, к матери, к природе, по отношению к войне и миру. Я был буквально поражён, как он написал о матери, как сумел в небольшом стихотворении передать и жизнь эпохи, и материнский подвиг, и всё, что невозможно из нас вытравить никакой ложью и никакими лукавыми лозунгами и идеями нынешних перемен.

Какие строки! Как просто и как великолепно!

*Зимами злыми над прорубью белой
В стылой воде полоская бель,
Вся коченея, матушка пела.
Песней наполнено сердце моё.*

*Больше она ничего не имела.
Только свой голос, свой — ножевой.
Не было хлеба. Матушка пела.
И оттого я остался живой.*

*Рядом война полыхала и тлела.
Сытым ходило одно воронье.
Вдовы рыдали. Матушка пела.
Песней наполнено детство моё.*

*Мы отнесли её лёгкое тело
На вековечное поле-жильё...*

Матушка пела...

Господи, как мне всё это близко, до рыдания знакомо. Ведь и моя мама пела, и как пела! И это в те же горькие, слёзные и победные годы. И моё сердце наполнено песней — песней матери, песней народа, песней Родины.

Вот она, настоящая русская поэзия. Вдохновляясь, мы читали и читали друг другу, забыв о времени. И всё больше проникались уважением друг к другу. Я ведь знал его больше как эпического поэта, а тут такой лирик. Под конец совсем сдружились, разговорились о жизни, поняли, что мы одного поля ягоды...

Уже темнело, когда мы вернулись в гостиницу. Оказалось, что все уехали в Гурзуф, а о нас забыли. А мы даже и не расстроились. По приезде туда председатель Союза писателей В. Н. Ганичев, оглядев всю группу, был озадачен: «А где же Скворцов и Рачков? Где потеряли их?» Писатели Костров, Молчанов, Сегень, Котькало, Середин только руками развели...

Короче, за нами прислали специальную машину. Мы нередко со смехом вспоминали этот эпизод и были благодарны нашим товарищам, что они второпях забыли нас при отъезде, что именно благодаря им мы стали с Константином Васильевичем Скворцовым друзьями.

Побывали мы и на Урале, в Златоусте, родном для Скворцова городе. И там читали стихи в разных местах. Помню, как в школе, куда мы пришли на встречу, над дверями актового зала красовался огромный плакат: «Не может Родина быть малой с такой великой душой». К. Скворцов». Я приобнял его: «Смотри, Костя, как тебя здесь и знают, и любят...» Он расправил плечи: «Так это же Урал, это же моя родина...»

В музее златоустовских изделий я заметил среди других один великолепный клинок, изукрашенный золотой насечкой. Конечно же, он принадлежал настоящему бойцу. «Вот и напиши стих об этом клинке», — посоветовал Скворцов. Я написал. И посвятил ему. Вот несколько строк из этого посвящения.

*Ты помнишь, как почти что свято
В музее молча мы с тобой
Смотрели на клинок булата,
На отблеск серо-голубой.*

*Не просто звонкой или меткой —
Строка твоя, с эпохой в лад,
Да будет вот такой же крепкой,
Как златоустовский булат!*

Вскоре там же он познакомил меня с руководителем мастерских декоративно-прикладного искусства Заслуженным художником России Александром Лохтачёвым, который подарил мне охотничий нож с такой же примерно искусной гравировкой золотом. Вообще, куда бы мы ни приходили в Златоусте, у Константина везде были друзья, ценители его творчества, сами высочайшие мастера. Познакомился я там и с Сергеем Барановым, талантливым самородком, продолжателем аносовской традиции в изготовлении златоустовского булата.

Ночуя в гостиницах, мы старались быть вместе, много говорили о том, что происходит в стране, в мире.

Разве не о сегодняшнем дне вот эти его знаменитые строки?

*Что ж вы в глаза не глядите друг другу, славяне,
Память ли вам, дорогие братья, изменила?
Может быть, всё же мы словом достойным вспомняем
Стяги на Шипке и флаги в камнях Измаила?
Это не мы поделили народы на расы.
Славы сыны, мы сегодня, славяне, бесславны.
Все мы в плену, мы в темнице из собственных распрей,
И не стихает в столетиях плач Ярославны.*

Бывая в Переделкине, я всегда навещаю Константина Васильевича. Помню, как мы сидели у него за столом на даче с писателем Михаилом Чвановым, обсуждали текущие дела. Выпивали, конечно. Жена Константина поставила перед нами тарелку с красной рыбой. «Где это ты наловил, Костя?» — спросил я его наивно. Он так же невозмутимо ответил: «Да вон вчера на Сетуни рыбачил...». Эта речка где-то

в двухстах шагах от дачи еле журчит. Юмор помогает ему держаться на высоте.

А сегодня он пишет, и как пишет!

*Спой же мне ещё раз ту старинную песню в дорогу.
Пусть замрут на мгновенье летящие в высь облака.
Все дороги уходят не в Рим, а к Всесильному Богу,
И мы знаем с тобой, как дорога к нему нелегка.*

*Горечь тяжких обид неприкаянный ветер рассеет.
И, как память о них, будут горькие травы расти.
Но счастливее нас никого мы не знали на свете,
Коль я в этом неправ, ты меня, дорогая, прости...*

Свеча русской традиционной поэзии не погаснет, пока у нас есть такие поэты, как Константин Скворцов.

Его поэтические драмы ещё послужат русскому театру. Его лирические стихи ещё пригодятся тому, кто любит русское слово.

Жизнь человеческая есть жизнь. А потому я дружески посвящаю ему и такие вот строки: «Не соблазнили ни власть и ни лесть, славы услада. Честь не запятнана. Родина есть. Что ещё надо? Были ошибки, были грехи, боль и бравада. Всё это, Костя, испуют стихи. Что ещё надо?..»

Песней наполнено сердце моё...» поэзия К. Скворцова в музыке)

*Рожденная в вашем сердце песня покинет
его и уйдёт в более надёжное хранилище —
в народное сердце.*

Михаил Алексеев

Константин Скворцов плодотворно сотрудничает с композиторами и музыкальными исполнителями. Песни на его стихи написаны Е. И. Птичкиным, Г. И. Гладковым, В. А. Брусом, Ю. М. Клепаловым, Ю. В. Коломниковым, А. С. Днепровым и др., исполняли их певцы Л. Г. Зыкина, И. Д. Кобзон, Т. Ю. Петрова, А. С. Днепров, А. П. Литвиненко, В. Г. Хызыров и др., они звучали на концертах в Колонном зале Дома союзов, в Большом зале им. П. И. Чайковского, в концертном зале «Россия», в сопровождении Национального оркестра народных инструментов России им. Н. П. Осипова, Государственной концертной капеллы Москвы. Фрагменты оперы В. П. Веккера «Выстрел» («Аносов»), написанной по пьесе К. Скворцова «Отечество мы не меняем», включались в программу челябинского симфонического оркестра. Оперу по пьесе «Ущелье крылатых коней» создал Е. Г. Гудков.

Композиторы, писавшие музыку на произведения Константина Скворцова

1. Геннадий Гладков

Русский марш

2. Евгений Птичкин

Надежда, Вера и Любовь

Матушка пела

3. Валерий Калистратов

Златоустье моё

Всему виной твои глаза

Два ручейка
Ожидая тебя
Четыре креста
Моя любовь, моя сестра
Нечитанным отложен том

4. Валерий Ярушин

Лебедь белая

5. Анатолий Днепров

Шарманщик

Лишь бы не было войны

Там, на речке...

Русская женщина

Матушка пела

Прослышал дед

Эх, уральская тайга

Жар-птица

Белые снега

Княжна Анастасия

6. Юрий Клепалов

Ивушка

Островок

Элегия

Златоустье

7. Владимир Комаров-Елецкий

Матушка пела

Песня о Родине

Славяне

Всё равно догорит свеча

Если к слезе слеза

Ивушка

Карабаш

Песенка актёра

Пионы

Спасибо Господу за то, что есть

Утка и селезень

На горячем ветру

Всё осталось на том берегу

Сквер поэтов

Кузюки

Весёлка

Не забывай меня

Белый вальс

День вины

Платок

8. Максим Трошин

Матушка пела

9. Сергей Антропов

Это голос любви

10. Валерий Брус

«Георгий Победоносец» — музыка к спектаклю Озёрского
театра драмы «Наш дом»

Не может Родина быть малой

Альма-матер

11. Галина Рылеева

Сирень

Песня о детстве

12. Надежда Колесникова

Радуйся птице

13. Олег Кульдяев

Сирень

14. Юрий Коломников

Чистые снега

Под осенним дождём

Сирень

15. Марк Андриахин

Пролетала птица

Ивушка

16. Нур Даутов

Калиновка

Гимн аэрокосмической школы

17. Николай Миронов

В Надеждине звонят колокола

18. Андрей Капланов

Песни к моноспектаклю «Матушка пела...»

Родина

На горячем ветру

19. Анатолий Акимов

Матушка пела

20. Ольга Никифорова

Мне снятся сны

Я уже никого не люблю

21. Леонид Тимошенко

Белый вальс

22. Николай Светличный

Мне рано жизни подводить итог

23. Сергей Грищук

На тебя смотрю не без опаски

24. Александр Романов

Гимн Златоуста

25. Валерий Веккер

Опера «Выстрел»

(по драме «Отечество мы не меняем»)

26. Геннадий Гудков

Опера «Ущелье крылатых коней»

27. Николай Писаренко

Три дороги

Геннадий ГЛАДКОВ,

композитор, народный артист
Российской Федерации,
г. Москва

«В жизни бывает случай, когда повезло!»

Вот мне повезло встретиться с поэтом Константином Скворцовым. Это, считаю, большая удача в моей жизни. Вот поэтому я читаю его стихи, хочется с ним работать, писать музыку. Он вдохновляет. Появились у нас общие интересы. Это такая радость большая! Это бывает редко, но это удача. Я всем бы пожелал встретить таких надёжных людей и вместе делать хорошие дела.

С композитором Г. Гладковым во время работы
над песней «Русский марш»

Русский марш

Музыка Г. Гладкова, стихи К. Скворцова

*Святая Русь! Во все века
Твоя дорога нелегка —
С крестом и в латах.
Не в первый раз горит восток,
Опять урок врагу не впрок —
Идём на запад!*

*Россияне! Не уроним чести
И плечом к плечу сомкнёмся впредь.
Выстоять дано нам только вместе.
Порознь — только умереть!*

*Спасать Европу от оков
В одном строю всегда готов
Суворов с нами.
«Мы — русские! Какой восторг!
Мы — русские, и с нами Бог!» —
Звучит веками.*

*Россияне! Не уроним чести
И плечом к плечу сомкнёмся впредь.
Выстоять дано нам только вместе.
Порознь — только умереть!*

*Идём в атаку в полный рост
За тех парней, кто в землю врос,
За наше знамя!
И кровью пролитой горя,
Победы алая заря
Встаёт над нами!*

*Россияне! Не уроним чести
И плечом к плечу сомкнёмся впредь.
Выстоять дано нам только вместе.
Выстоять дано нам только вместе.
Порознь — только умереть!*

Piano

The musical score is for piano accompaniment in 2/4 time. It consists of two staves: a treble clef staff and a bass clef staff. The piece begins with a forte (f) dynamic. The melody in the treble staff starts with a quarter note G4, followed by quarter notes A4, B4, and C5. The bass staff provides harmonic support with chords and single notes. The score ends with a final chord in both staves.

Фабрика «НИКОН» (г. Златоуст). Директор Н. Н. Новиков.
Гравюра народного художника РФ Владимира Носкова

**Музыкально-поэтический моноспектакль
«Матушка пела...»
в Доме композиторов в Москве**

МОСКОВСКИЙ ДОМ
КОМПОЗИТОРОВ

Приглашает Вас
на моноспектакль

“Матушка пела...”

по произведениям
Константина СКВОРЦОВА

в исполнении
народного артиста России
Валентина КЛЕМЕНТЬЕВА

В спектакле принимают участие
ансамбль «Эйдос»,
гитарный квартет им. Фраучи
Игорь БЕЛОКОНЬ (орган, фортепиано)

Прозвучат фрагменты из произведений
И-С. Баха, А. Марчелло, А. Дворжака,
Дж. Россини, Ф. Тарреги, А. Пьяцоллы,
П. И. Чайковского, С. В. Рахманинова,
А. М. Иванова-Крамского, С. С. Прокофьева,
В. Н. Зинovieва, Г. В. Свиридова,
В. А. Гаврилина, В. Г. Агафонникова,
К. В. Акимова, А. Н. Ананьева,
А. С. Капланова

Дирижер - Андрей КАПЛАНОВ

Интервью К. Скворцова после спектакля

— **Константин Васильевич, похоже, вы, что называется, свой человек в Доме композиторов?**

— Свой человек в Доме... Возможно, это чувство возникло у вас оттого, что композиторы и исполнители, с которыми я сотрудничал, вложили в наше общее дело столько тепла и таланта, что для них я действительно стал своим человеком.

Никогда не писал специально текстов ни для песен, ни для либретто. Но так случилось, что стихи запелись, а некоторые мои драматические произведения стали поводом для написания опер («Ущелье Крылатых коней», композитор Геннадий Гудков (Челябинск); «Павел Аносов», композитор Владимир Веккер (Германия)). И особенно хотелось бы отметить мою дружбу с композитором Владимиром Бруссом, написавшим пронзительную музыку к драме «Георгий Победоносец».

Благодаря Евгению Ивановичу Птичкину, в своё время создавшему песню «Надежда, Вера, Любовь», я познакомился с Людмилой Георгиевной Зыкиной, которая её исполняла. Песней это произведение даже бы не назвал... Около десятка романсов написал прекрасный композитор и дирижёр Валерий Калистратов.

— **Песня, впитанная с молоком матери, с вами, выходит, навсегда? Вот отрывок из той, что стала и названием недавнего моноспектакля, — «Матушка пела...»:**

*Снова глаза закрываю несмело,
Вспомнить пытаюсь детство своё...
Помнится только: матушка пела...
Песней наполнено сердце моё.*

*Зимами злыми над прорубью белой,
В стылой воде полоская бельё,
Вся коченея, матушка пела.
Песней наполнено детство моё.*

*Больше она ничего не имела.
Только свой голос. Свой — ножевой.
Не было хлеба. Матушка пела,
И оттого я остался живой.*

*Рядом война полыхала и тлела.
Сытым ходило одно вороньё.
Вдовы рыдали. Матушка пела.
Песней наполнено детство моё.*

— Удивительно, что, когда более двадцати лет назад появились эти стихи, я не подозревал, что они станут песней. Более десяти композиторов написали к ним музыку. У каждого из них свой мотив, как и у каждого своя мама, без песен которой, наверное, они не мыслят музыкальной и певческой судьбы. Например, Иосиф Кобзон пел «Матушку» Анатолия Днепрова. А в моноспектакле звучала «Матушка» на музыку Константина Акимова.

— **И именно песни матери «привели» вас в поэзию и музыку?**

— Безусловно, это имело своё значение в ощущении музыкальности слова и глубины чувства. Хотя всё в мире этом не так однозначно... «Когда б вы знали, из какого сора / Растут стихи, не ведая стыда...» Но песни мамы, её «ножевой» голос я слышу до сих пор.

— **О родителях немало сказано в ваших стихах: «Я помню, мать у прокопчённой печки...» (1969), «Отец» (1984), «Плач по матери» (1987), «Я помню...» (1987), «Собирайся, сынок» (2002), «Шарманщик» (2004), «Не знаю, по какому праву...» (2008). «Как забытые детские ласки...» (2013), «Ко мне из детского кино...» (2016). Тем не менее, пожалуйста, несколько слов в дополнение...**

— Если бы родители не умерли, сейчас им было бы более ста лет. Но, увы...

Отец был инженером, но одарён был такой артистичностью, что у меня проявилась тяга к театру. И я стал драматургом. Но, думаю, главная заслуга отца в том, что он научил меня чувствовать и разгадывать тайны Южно-Уральской природы — во время Великой Отечественной войны семья наша была эвакуирована в город Златоуст. С пяти лет отец брал меня с собой на рыбалку. В кристально чистых ручьях и речках мы ловили хариусов... Так что все грани моего творчества были заложены в детстве.

— Если речь — проявление души, то тем более это утверждение справедливо для её музыкальной «формы» — песни, не так ли?

— Слово и музыка в песне соединены браком, который вершится на небесах. Много песен, но каждая из них «счастлива и несчастна» по-своему. Чувства рождаются и умирают, и только Любовь вечна. Есть песни, которые умирают, едва родившись. Есть живущие, как бабочки, век их короток, а есть те, что переживают века и становятся народными. Но у каждой народной песни есть счастливый автор, которого народ делает бессмертным и безымянным. Я не пророк, но главная беда песен-однодневок — непрофессионализм её создателей, как поэтический, так и музыкальный. Случается, что гениальный композитор из банальных стихов являет миру шедевр, а посредственный музыкант может умертвить живое слово поэта. Это как кому повезёт. Как в браке.

— Среди ваших многих литературных премий — «Соловьи, соловьи...» им. А. И. Фатьянова (1996), присуждаемая «за создание высокохудожественных поэтических произведений, песен героико-патриотической тематики, продолжающих лучшие традиции русской национальной культуры и получивших народное признание». Что подразумевается под этими традициями?

— Об этом лучше знают те, кто учреждает эти премии... Традиция, думается мне, заключена в одном — песня должна расширять эмоциональное познание мира и воскресать в душе человека чувства сострадания и восторга, добра и красоты, о которых он ранее в себе и не подозревал. Тогда музыка и слово останутся в его душе навсегда. Если песня в одно ухо влетела, а в другое вылетела, не касаясь души, значит, в ней нет того главного, ради чего была создана.

— Сколько песен написано на ваши стихи?

— Трудно сказать... Сейчас отвечаю на ваши вопросы, а где-то кто-то читает стихи и слышит музыку, и, возможно, рождается новая песня. Я здесь не о профессиональных композиторах. Вот в Красноярском крае есть человек, который пасёт коров, играет на баяне и поёт «самопальные» песни на мои стихи. Есть нечто похожее в Томской области.

На Урале, где часто бываю, тоже рождаются песни чуть ли не каждый год. А что касается профессионалов, думаю, что и Юрий Коломников, и Валерий Калистратов, и Юрий Клепалов, и Владимир Брусс, и Константин Акимов ещё напишут не одну песню.

— **На ваш взгляд, какие из них лучшие?**

— Мне очень нравятся романсы, написанные Валерием Калистратовым. Их исполняют Анна Литвиненко, Татьяна Петрова, Вахит Хызыров. Но есть песни на мои стихи, которые нередко называют народными. Это «Ивушка» Клепалова, «Матушка пела...» Максима Трошина, «Два ручейка» опять же Калистратова...

— **Случались ли неудачи?**

— От природы я человек везучий, не знаю, что такое неудачи. Рождение нового произведения всегда удача фактом своего появления, а будет ли оно жить — «нам не дано предугадать». Всё неудачное время отсеет за ненужностью. К этому нужно относиться как к данности и радоваться тому, что есть. Думаю, едва ли кто-то из нормальных людей, из тех, кто творит, рассчитывает на Успех. Успех и расчёт — это как гений и злодейство...

— **Как обычно складывается ваше сотрудничество с композиторами?**

— Никогда не предлагаю свои стихи для написания песен. Все мои песни «дикорастущие». Композиторы сами находят стихи и пишут музыку. Так, в Ельце композитор Владимир Комаров написал более десяти песен на мои стихи, и одна из них, «Платок», поистине становится народной. Песня «Лебедь белая» Валерия Ярушина стала очень популярной. Достаточно заглянуть в интернет. А закономерность одна: чем больше в песню вложено Любви и профессионализма, тем больше надежды на то, что она эхом отзовется в сердцах слушателей. Для мюзикла «Матушка пела...» песни написал Андрей Капланов, и его музыка не прозвучала диссонансом среди произведений мировой классики, исполненных на сцене. С чем его многие и поздравили.

— **Вы каким-то образом «вычисляете», станут ли стихи песней?**

— «Вычислять» — это дело математиков. Но мне часто говорят, что мои стихи мелодичны и сами просятся на музыку.

— Верно ли, что первые уроки, ещё до поступления на Высшие литературные курсы при Литературном институте им. М. Горького, вы получили от Ахматовой?

— Было несколько иначе. Мне повезло в молодости дружить с замечательной Людмилой Константиновной Татьяничевой. Услышав мои стихи по радио, она пригласила к себе. Это было в Челябинске, где я работал инженером на трубопрокатном заводе. Первый вопрос, который поэт мне задала: «Занимаетесь ли вы спортом?» Я ответил утвердительно. На что она сказала: «Хорошо. Значит, вам можно говорить правду». Я приготовился к разгрому, но Людмила Константиновна обошлась со мной более чем деликатно. И после нашей встречи опубликовала мои стихи в областной газете с напутствием.

Никакие уроки писать стихи не научат — будь то школьный учитель по литературе или гениальный поэт. Но общение с великими, их манера говорить, читать свои и чужие строки и просто их мудрые советы дорогого стоят. На Съезде писателей РСФСР в марте 1965 года Людмила Константиновна и познакомила меня с Анной Андреевной. Меня тогда поразило их внешнее сходство. Я прочитал что-то Анне Андреевне. Она меня похвалила, как я теперь понимаю, не столько за стихи, сколько за то, что я читаю их наизусть. Сказала, что чтение наизусть — один из верных признаков талантливого поэта: если не знает своих стихов наизусть и не спасается ими, как молитвой, никому такие стихи не нужны.

Много раз убеждался в справедливости этих слов, так как судьба подарила мне знакомство и дружбу со многими по-настоящему знаковыми поэтами и прозаиками нашего времени: Ярославом Смеляковым и Николаем Рубцовым, Евгением Евтушенко и Юрием Кузнецовым, Андреем Битовым и Фазилем Искандером.

— Из поэтов вы последний, кто видел Фазиля Абдуловича. Вы были с ним знакомы давно?

— Думаю, что, как и все люди моего поколения, знаком с Фазилом Искандером с 1966 года, после публикации в августовском номере «Нового мира» повести «Созвездие Козлотура». Это был взрыв. Вся читающая страна (а она действительно тогда была самой читающей) попала под магию этого молодого, талантливое и дерзкого автора. А личное наше знакомство состоялось двадцать лет назад, когда Фазиль Абдулович и его жена, поэт Антонина Хлебникова, волею судеб стали моими соседями по переделкинской даче. Но это уже отдельная история, которую так вот с ходу и не осмыслить. Ведь пока человек жив, мы не всегда осознаём ценность отпущенного нам для общения времени, а потом выясняется, что остаётся столько несказанного...

Он очень тепло относился к моей драматургии, прочитал все толстенные тома. На его столе лежит по сей день раскрытая книга моей прозы.

— **Вы имеете в виду «Иное время»?**

— Да... «Увидеть Москву и умереть...» — не дочитанная им новелла.

Много всяких мистических совпадений было в последние дни жизни Фазиля. Так, за три дня до смерти о его стекло на балконе насмерть разбился дрозд. Что это — предвестник беды? Как-то я ему рассказал, что утром у нас под крышей ворона расклевала птенцов сойки и разорила гнездо. На следующий день Фазиль прочёл:

*Гармония природы есть враньё.
Всё прочее — случайные детали.
Птенцов в гнезде сожрало вороньё,
Пока за кормом сойки улетали.*

*Не утешают в птицах небеса,
Глухие реки, горные походы.
От подлости людей уйдёшь в леса.
Куда уйдёшь от подлости природы?*

В его кабинете до глубокой ночи не гас свет. А свет души его ещё долгие годы не померкнет в душах его друзей...

*Я не знаю, что пережил...
Не отчаянье это, не страх, —
Утром умер великий Фазиль,
Как дитя у меня на руках.*

*Он упал на колени, средь книг,
Бездыханный, лишившийся сил.
Не узнать нам, за что в этот миг
Он у Бога прощенья просил.*

*Вены, что наливались рекой,
Превратились в тончайшую нить,
Будь я маг или трижды святой,
Я не мог бы его оживить.*

*То, что Богу дано одному,
Смертному ни за что не сумеет.
Но Всевышний по праву ему
Ниспослал эту лёгкую смерть.*

*Новодевичье — память времён.
Пахнут ладаном старые мхи...
Здесь молитвою Виссарион
Отпускал, словно горлиц, грехи.*

*У стены лёгкий ветер сквозил,
Доносился небесный хорал...
И я видел, как с башни Фазиль
На процессию молча взирал.*

*Так на мир смотрит только мудрец,
Удивляясь всему, как дитя.
Краткой жизни терновый венец
Он сменил на бессмертье шутя.*

— Почему как поэт он известен не так широко, как прозаик?

— Многие известные писатели — от Ивана Бунина до Василия Белова — входили в литературу как поэты и писали прекрасные стихи. Но случается нечто, что затмевает их известность как поэтов. Часто этим нечто оказывается одна из первых удачных публикаций. Так случилось и с Фазилем Абдуловичем. «Созвездие Козлотура» стало звездой, затмеваящей свет других, может более значительных в художественном отношении, книг. Некое кодовое слово закрепляется за писателем. То ли косность мышления, то ли леность, не знаю, что, но что-то не позволяет людям судить о писателе не по на шумевшему названию книги, ставшей популярной, а по сути его художественных открытий в других произведениях и в иных жанрах.

— Собственно, тема, общая для ваших стихов, — жизнь. Точнее, настрой на жизнь...

— Я не любитель депрессивной литературы. В этом смысле пушкинская традиция мне ближе всего. Думаю, что и для Фазилия Искандера — тоже. Хотелось бы, чтобы после общения с книгой окрылённый читатель устремлялся бы к солнцу, а не кидался бы в бездну от отчаяния и никчёмности своего существования.

— Но имеет ли смысл поддерживать и культивировать в самом себе и других потребность к прекрасному и возвышенному, любви, поэтичности, воображению, душевной широте, доброй воле, если сегодня жизнь, по сути, подчинена либо экономическому, либо рациональному расчёту?

— Поддерживать и культивировать ничего не надо. Нужно просто дышать, а не поддерживать дыхание. Расчёт — и экономический, и рациональный — всегда был, и если бы ему удалось подмять под себя Художников, то человечество до сих пор жило бы на деревьях или уже истребило бы себя в драке за материальные ценности, забыв о духовных. Владыки мира — Любовь и Красота, а не зелёные купюры. И сколько бы они ни менялись ролями, победа всегда остаётся за Любовью, Красотой и Словом. Потому как в начале было Слово и Слово было Бог...

Беседовала Елена Константинова

Стихи К. Скворцова в спектакле исполнял народный артист России Валентин Клементьев

Фото из открытых источников

Анна ЛИТВИНЕНКО,
певица, народная артистка
Российской Федерации,
профессор кафедры хорового
и сольного народного пения
Российской Академии музыки
имени Гнесиных,
г. Москва

«Я благодарна судьбе...»

Первая встреча с Константином Скворцовым произошла в середине 90-х на фестивале поэта-песенника Алексея Фатьянова в Вязниках. Затем Константин Васильевич пригласил нас с моим супругом композитором Валерием Калистратовым в Переделкино, к себе домой. Мы подружились. В приятном общении выяснилось, что Константин Васильевич и Валерий Юрьевич, помимо творчества, имеют ещё одну страсть — природа и рыбалка. Калистратов предложил Скворцову отдохнуть и порыбачить в Доме творчества композиторов в Карелии, в Сортавале. Результатом был не только хороший отдых, но и совместные произведения: на стихи К. Скворцова В. Калистратовым было написано несколько романсов, которые потом проникновенно исполнила замечательная исполнительница Татьяна Петрова. В романсах удивительно сочетаются музыка и стихи, простота и глубина жизненной философии.

Ещё мне запомнился такой случай. Я нахожусь на гастролях по Южному Уралу, даю сольные концерты с челябинским оркестром «Малахит». Мне предстояло выступление в г. Златоусте, где провёл своё детство К. Скворцов. Вдруг Виктор Григорьевич Лебедев, руководитель оркестра «Малахит», сообщает мне, что Калистратов передал клавир новой песни, написанной на стихи К. Скворцова, — «Златоустье моё». Буквально накануне концерта расписывают партитуру для оркестра, одна репетиция — и вот премьера песни. Как потом напишут в газете «Златоустовский рабочий», прозвучала «песня с листа». Это был удачный экспромт. Песню бисировали дважды. Как потом поведал мне Константин Васильевич, в дальнейшем песня ста-

ла очень популярна в Златоусте. Порой её можно даже услышать на улицах города!

Всегда с большой радостью мы с Валерием Юрьевичем принимали участие в творческих вечерах К. Скворцова, исполняя песни и романсы на его стихи. От души радуюсь и удивляюсь многогранности его поэтического дара!

Я благодарна судьбе, что мне посчастливилось соприкоснуться с удивительно талантливым российским поэтом — Константином Скворцовым.

*Народная арт. Госсим
Профессор РАМ им. Нестерова
и просто друг
Светлана Анискина*

Татьяна ПЕТРОВА,
певица, заслуженная артистка России,
народная артистка Башкортостана,
г. Москва

Родину предавать нельзя

С поэтом Константином Васильевичем Скворцовым меня познакомил Антон Васильев в 1991 году. Я тогда тяжело маялась в исканиях, мой внутренний голос мучил меня, не затихая, требовал песни, идущей от самых глубин народных, но песни современной. Её не было. И Антон сказал: «Да у тебя есть замечательный земляк из Челябинска, хороший поэт Константин Скворцов! Едем к нему». И мы поехали. Константин Василье-

вич жил тогда в Новых Черёмушках. Недавно переехал с Урала в Москву, потому что был избран секретарём правления Союза писателей СССР.

Я попала в атмосферу радушной семьи: жена Тамара, врач-педиатр, работала участковым доктором, самоотверженная и очень добрая женщина. Дочь Инга, актриса драматического театра, работала в Туле, теперь живёт в Москве. Есть и другая дочь, младшая, она осталась на Урале, так сказать, в родных пенатах. Позже именно в их доме я познакомилась с романистом Петром Лукичом Проскуриным, мы часто встречались домами, позже, когда появилась дача в Переделкине, часто встречались все вместе и там. А в наш первый приезд я попросила Костю написать стихи «Вера, Надежда, Любовь» в широком, всеохватном значении темы как народного истока женской судьбы в России. Поэт поначалу смутился, сказал, что работает в жанре драматическом, пишет пьесы в стихах для театра. Говорил, что боится жанра песни — получится ли у него? Но он скромничал: песня получилась, и поистине народная, и по слову, и по глубине понимания женской русской судьбы, по той щемящей боли и высоте страданий, которые выпадают на долю русских женщин:

*Цветёт полынь взамен смородины.
Не слышен в пойме соловей.
Чем больше думаю о Родине,
Тем горше на душе моей.*

*Они пахали и косили,
Оберегая отчий кров,
Седые дочери России:
Надежда, Вера и Любовь.
И там, где травы колосились,
Зазеленеют нивы вновь,
Но кто вернёт моей России
НАДЕЖДУ, ВЕРУ и ЛЮБОВЬ?*

Музыку мы попросили написать композитора Е. Н. Птичкина. Когда ехали к нему домой, Костя по дороге всё подтрунивал надо мной: «Какой-то птичий союз получается: шёл,

пел я, Скворцов, зашёл к Птичкину, посмотрел на Птичкина и ушёл». Птичкин написал музыку. Песня обрела жизнь. Я не часто её пою, она всё-таки написана не для моего голоса. Да и не давали мне её петь. В те годы ещё была в силе прежняя, советская система, когда за исполнителя все вопросы решали инстанции. Записать какую-либо песню можно только с разрешения высшего руководства в Радиокomiteте. И у меня этот материал в Радиокomiteте не приняли, сказали: «Это не ваше». Тогда укоренилась привычка: певицы обслуживают власть. Песни поём «сладкие», всё у нас хорошо, всё ладно. А здесь что за слова? «Но кто вернёт моей России Надежду, Веру и Любовь?» Не дай Бог! Хлопот не оберёшься, выпуская в эфир подобный репертуар! А вот Людмиле Георгиевне Зыкиной всё же удалось отстоять эту песню. По своему положению она могла настоять на своём и понравившийся ей материал записать, например, на радио. Она долго исполняла в концертах песню на слова Константина Скворцова «Надежда, Вера и Любовь». Песня была наполнена глубоким содержанием: в четыре куплета вместились целая эпоха!

А вот с песней «Птицы русские» получилось! У неё своя биография. Однажды Костя сказал мне: «Вот посмотри: все поют эту песню, а ты чего ждёшь. Ведь для тебя писал». И дал мне кассету с записью концерта популярного тогда исполнителя Анатолия Днепровца. Послушала. Он пел «Птицы русские» в избранном им «лагерном стиле». И всё-таки мне очень захотелось спеть эту песню, душа потянулась к ней, и я придумала свой распев, и — получилось! Душа, наверное, подсказала, ведь состояние духа — самое главное в человеке. Я не знаю, как объяснить, но я остро почувствовала тогда: предавать нельзя! Родину предавать нельзя.

Я думаю, что жить надо, соответствуя тому, что было на Руси всегда. Ясность духа приходит с верой, а в нашей исконной вере самое главное — мысль о высоком достоинстве человека. Сейчас попроано это достоинство. Все мы понимаем, чувствуем это, а как защитить душу свою, не знаем. Подсказать нам это может только духовное зрение, которое оберегает наше наследие. Вглядитесь в образы тех наших прославленных предков,

которые много верили и много любили, тех, кто отличался преданностью делу, верностью долгу, любовью и нежностью.

Терпение и кротость, самопожертвование — всё это бесценные сокровища, из которых сотканы характеры наших прадедов, отцов, матерей. Они собирали силы веками и утверждались в православной вере. Вера даёт ясность духа. Думаю, что православие в Константине Скворцове живёт как культура его страны, как данность, которую он хорошо понимает... Процесс православного становления проходит у всех по-разному. Думаю, каждый человек чувствует его одухотворяющую силу...

Когда Россия покрестилась, то ей был дан знак — СЛОВО! У неё есть голос. Голос слова. Вот это сила. Костя, наверное, помнит пленум Союза писателей в Якутии, когда все собрались и я спела песню «Птицы русские» и всем казалась, что всё переменится, потому что такой силы были слова в этой песне.

Птицы русские

*Вы не смейтесь над поверьями:
На Руси святой с жар-перьями
Были птицы не во сне.
Поднялись они по осени
И исчезли в стылой просини.
Не вернулись по весне.*

*Ой, журавка!.. Ой, соколица!..
Много лет России помнится
Взмах крыла, как взмах руки.
Улетели в разны стороны,
А у нас остались вороны.
Вороны да воронки!..*

*Колокольни ими заняты.
Но мы, русские, без памяти.
Так случилось не впервой:
Замолчали всюду звонницы,
И Россия, как покойница,
Птицу ждёт с живой водой.*

*Есть меж туч проходы узкие.
Возвращайтесь, птицы русские,
Соловей и певчий дрозд,
Не вина крылатых прадедов,
Что Отечество украдено,
Что не будет прежних гнёзд.
Вы же сами это видели:
Не Россия вас обидела,
Не она — исток беды.
Всё, что с нею, — это свято вам.
Так из царства тридесятого
Принеси живой воды!*

*Снова силушку былинную
Влей в гармонику старинную.
Спой!.. Была иль не была!..
Пусть кому-то не понравится —
Встанет русская красавица.
Зазвенят колокола!..*

И в этой песне, в этих словах были осознаны тысячелетие крещения Руси и новый человек, который глазами Скворцова смотрел на всю историю России. Нам казалось, что мы споём и всё будет не таким... Но бой будет долгий. Длинный, тяжкий, яростный. Говорят одно, а делают другое. И борьба наша вечная. Я очень рада, что в этой борьбе я скажу слово Скворцова. Нас уже всех не будет, а слово, музыка и мой голос будут служить тому времени, когда Россия будет знать, что она отстаивает свою духовную сущность, что она никому не принадлежит как третья страна, что наши богатства не принадлежат американскому обкому...

Мы чувствуем Россию в слове, в своей любви друг к другу.

Об образовании. Вот я преподаю в Гнесинке. У меня много учениц, которые очень любят Скворцова. У него сложное слово, фраза. Им очень тяжело это выражать — большую такую сентенцию русскую и силу духа в большой фразе. Но они стремятся к этому. И поют. Я очень рада, когда (я, кстати, никогда не говорю им о том, что Скворцова люблю) они слушают

в интернете мои записи и когда они говорят, что хотят петь «Птицы русские», «Ивушку. Я считаю, что я научила понимать ту силу духа в слове, которую я люблю, и они это поняли. Для меня высшее счастье.

Юрий КЛЕПАЛОВ,
заслуженный артист
Российской Федерации, балалаечник,
композитор, солист инструментального
дуэта «Серебряные струны»,
г. Москва

Как рождались песни

Поэзия Константина Скворцова никого не может оставить равнодушным. Читая его стихи, я почувствовал себя понимающим судьбу и жизнь России. Впервые его стихи затронули мою душу в песне «Птицы русские», которую исполнял уникальный певец и автор музыки Анатолий Днепров. Сколько боли и страдания вложил поэт в эти стихи! И мне, как музыканту, хотелось познакомиться с ним и с его творчеством. На одной из писательских встреч судьба меня свела с поэтом. Мы с ним стали общаться и обмениваться творческими идеями и замыслами. Однажды он пригласил меня к себе на дачу в Переделкине, где и подарил сборник своих стихов. С этого момента началась наша творческая дружба. Мы вместе переживали за судьбу России. И в этих творческих встречах родились стихи «Ивушка», «На Казанском сумрачном вокзале», «Островок», «Златоустье». Эти стихи были пронизаны глубокой мыслью и болью о Родине, и мне захотелось к ним написать музыку. Так родились песни на слова этого замечательного русского поэта. Эти песни прозвучали впервые в исполнении заслуженной артистки России Татьяны Петровой. Наша дружба продолжается до сих пор.

Владимир КОМАРОВ-ЕЛЕЦКИЙ,
композитор, лауреат национальной
премии «Имперская культура»,
Всероссийской премии
имени Фёдора Конюхова,
заслуженный работник культуры,
г. Елец

«Пусть недолог наш век, но бессмертна душа»

С Константином Васильевичем Скворцовым я знаком давно, но его творчество меня тронуло до глубины души на юбилее Светланы Фёдоровны Ганичевой. Помню, она попросила его прочитать стихотворение «Матушка пела». Когда Константин Васильевич начал читать, то в зале, где присутствовало более двухсот человек, воцарилась тишина.

Затаив дыхание (слышно было, как стучит сердце), я дослушал стихотворение. Сразу начал спрашивать у Марины Валерьевны, где взять сборник стихов Скворцова, отметив про себя, что напишу не одну песню на его стихи.

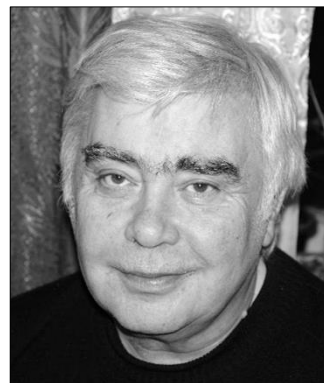
Когда первая песня «Матушка пела» была написана и мы с Натальей Мироновой начали её учить, без слёз ни одна репетиция не проходила. Но особенно памятно первое исполнение. Собрались друзья — поэты, прозаики, художники, музыканты. Мы так и не смогли спеть песню без слёз. А зрители оцепенели. Стали расспрашивать про автора стихов.

Трудно посчитать, сколько раз была исполнена песня «Матушка пела», но каждое исполнение встречалось восторженными овациями зрителей.

Последовали новые работы, и к сегодняшнему дню мною написано более двадцати песен на стихи Константина Васильевича. Особой популярностью и любовью зрителей пользуются «Ивушка», «На горячем ветру» («Бабочка»), «Платок», «Спасибо Господу за то, что есть», «Всё равно догорит свеча», и, как разрыв бомбы, приняли «Реквием 2020». Это произведение, посвящённое всем ушедшим от ковида, трогает всех. Я думаю, что оно останется как напоминание о периоде страшных испытаний в истории человечества.

Стихи Константин Васильевича Скворцова легко ложатся на музыку, в каждом произведении глубокий смысл и яркий образ, а это, по-моему, присуще только великим поэтам! Я счастлив, что являюсь одним из соавторов Поэта с высокой буквы — Константина Скворцова.

Анатолий ДНЕПРОВ,
композитор, певец,
г. Москва

«Я написал много песен на его стихи...»

(Из выступления на творческом вечере
Константина Скворцова
в Центральном доме
работников искусств
25 марта 1995 года)

Во время знакомства с Константином Скворцовым произошла почти детективная история... Я был в Омске на гастролях. После концерта подходит ко мне молодой человек и говорит, что он следователь, сотрудник милиции. Пришёл на концерт ко мне, следя за одним преступником и во время концерта его потерял, потому что не следил за преступником, а слушал мои песни. Упустил его и вот сейчас после концерта пришёл за кулисы, чтобы показать стихотворение своего знакомого: «Я думаю, что вы сможете написать песню». Я прочитал стихи. Они

мне очень понравились. (Песню я написал. Она звучала по радио, на телевидении, вы наверняка её слышали — «Баллада о жар-птицах». Кстати, и Татьяна Петрова её пела...) На переданном мне листке стояли фамилия поэта и номер телефона. Я позвонил по этому телефону и спросил: «Можно к телефону товарища Сиверцова?» (Текст был рукописный, и букву «К» я прочитал как «И»). Я как раз попал на Костю, он случайно заехал домой. Он говорит: «Вы знаете, Сиверцов здесь не живёт, а Скворцов здесь живёт». Тогда я понял, что правильно СКворцов, а не СИверцов. Я говорю: «Я не знаю, кто вы, что вы делаете, чем занимаетесь, но я вот написал песню на ваши стихи. И, по-моему, песня получилась хорошая. Костя ко мне приехал, мы с ним стали общаться совершенно нормально, по-человечески. Мне было всё равно, кто он был, что он был... Когда через два дня я открыл «Литературную газету» и увидел его там, сидящего недалеко от Горбачёва, мне плохо стало. Но поскольку он общался так просто, мы с ним подружились.

Я написал много песен на его стихи...

Я люблю песню о городе Златоусте. Там есть речка Ай, которая разделяет Европу и Азию. Это для тех, кто не знает... Я тоже не знал. Но вот Костя своими стихами мне сказал об этом. И вот про Урал, про Златоуст, про речку Ай, про красивых женщин, которые там живут, эта песня, которую я всегда исполняю с особым душевным трепетом... (речь идёт о песне на стихи. К. Скворцова «Эх, уральская тайга, Иремель и Уреньга...»).

Там, на речке...

*Эх, Уральская тайга —
Иремель и Уреньга!..
Был я там, где не ступала
До меня ничья нога.
Только звери, как жульё,
Вдруг нарвутся на ружьё
И обходят за сто метров
Задымлённое жильё.*

*Там, на речке, на Аю,
У Европы на краю,*

*Звал тебя я Никою
И кормил брусникою.*

*Небо выпито до дна.
Ах, как жаль, что жизнь одна!
С левой стороны — Европа,
С правой — Азия видна!
И уносит нас ладья
С тёплым именем «нодья»
На такие континенты,
Где никто нам не судья!..*

*Там, на речке, на Аю,
У Европы на краю,
Звал тебя я Никою
И кормил брусникою.
Где та неба бирюза?
Где озёра, как слеза?
Где вобравшие полмира
Хвойные твои глаза?
Опустели закрома.
Заколочены дома.
Но бессмертные старухи
Вас накормят задарма!..*

*Там, на речке, на Аю,
У Европы на краю,
Звал тебя я Никою
И кормил брусникою.*

Константин Скворцов о писателях

Наш Пушкин

...Время неумолимо, но, как бы оно ни менялось, какие бы удары ни сотрясали мир, Александр Сергеевич, как и сама Россия, был, есть и будет нашей духовной сущностью на все времена.

Думаю, что для поэта, живущего во времени, не было привычного нам понятия прошлого и будущего: прошлое жило в нём, в настоящем жил он сам, будущее прозревал его гений.

За рубежом немало деятелей культуры, которые не могут понять, за что мы так ценим Пушкина. Пушкин для нас и есть сама Россия, сама русская душа — загадочная и для них непонятная.

Он искал национальный характер, прозревая будущее. В его магическом стихотворении «Странник» удивительным и непостижимым образом угадывается характер Льва Николаевича Толстого, появление которого Пушкин предчувствовал. Случайность? Совпадение? Нет! Это гениальное прозрение.

В мире ничего нет случайного. Его заточение в российской глубинке мы воспринимаем как гонение за талант и гражданскую дерзость. А может, это знак Судьбы?

«Духовной жаждою томимой» России 1830 года необходимо было утолить эту жажду Болдинской осенью — тысячами пушкинских строк, ставших хрестоматийными...

Пушкин — явление национальное мирового масштаба.

Языки, судьбы и характеры народов подобны рекам, опоясывающим планету. Пушкин мог войти в любую из этих рек, не рассыпаясь по дну мелкой галькой, а растворившись в реке, сам становился вселенским потоком.

Он никогда не был за границей. Но в нём текла испанская кровь, когда он жил страстью Дон Жуана и мудростью Лепорелло. Вместе с Моцартом он слушал слепого скрипача в трактире в Вене.

Страдал на пиру во время чумы, охватившей Европу...

Народ у поэта безмолвствует. Он безмолвствует, потому что отдал своё слово, свой язык и характер своему гению. Хранить Пушкина — значит сохранять русский народ. В этом наше предназначение, потому что сегодня в мире дефицит России.

Пушкин — сердце России. И пока бьётся это сердце, Россия жива и непобедима!

«Я пришёл дать вам волю»

Традиционная, не тронутая социальными погромами деревня издревле представляла собою мини-государство со всеми атрибутами самодостаточной жизни. Здесь было всё: и своя власть, и своё средство массовой информации, которое метко называлось — «сарафанное радио», и свой неповторимый говор, свои мудрецы и юродивые, свои пророки и изобретатели... Лад и гармония были её духовными основами.

Когда рождался гений, впитавший природную мудрость родной земли, он уходил в город и силой своего прозрения превращал Россию в великую державу.

Деревня — родник русской культуры.

Василий Макарович Шукшин жил в национальной стихии среди «крепких мужиков» и «странных людей». Их невесёлые истории становились частью нашей духовной жизни. Они звучали, как песни. Не случайно Уинстон Черчилль как-то заметил: «Я бы всю европейскую культуру поменял на одну грустную русскую песню».

Творчество Шукшина превращало страну в единое духовное пространство, объединяло народ, проявляя его лучшие черты.

Мегаполис, как теперь называют город, размывает национальную культуру, деформируя язык. Народ теряет себя. Обезвоживается. В деревне люди жили общиной, в городе каждый живёт своей жизнью.

В деревне человек вписан в природу, он часть самой природы. В городе человек становится частью машины, уничтожаю-

щей природу. Инстинкт самосохранения заставляет миллионы людей хоть ненадолго бежать из города в деревню — к земле, чтобы зарядиться жизненной энергией. Теряя общение с природой, человек теряет данную ему Богом волю. Волю к созиданию, волю к сопротивлению, волю к Жизни.

Шукшин приходил дать нам волю, которую мы теряем. Забудьте — ВОЛЮ, а не СВОБОДУ, которая может стать губительной для души и разрушительной для государства. В этом его заслуга перед Отечеством.

Он ушёл в 45 лет, на взлёте своего таланта. Он набрал высоту, но полёт прервался...

*Горит на небе синеоком
От самолёта алый след...
Встав на крыло, разбился сокол,
А вот вороне — триста лет.
Россия нас бросает в крайности,
Чтоб мы могли уразуметь:
Жить надо иль до сизой старости,
Иль очень рано умереть.*

*А за окном невыносимая,
Обманчивая тишина...
Да изморозь картин Васильева,
Да кровь калины Шукшина.*

*Друзья мои, сквозь тьму и замять
Нам здесь завещано гореть.
Но чтоб осталась всё же память,
Дай Бог нам рано умереть.
Дай Бог нам думами высокими
Найти у вечности приют,
Ведь на Руси не только соколы —
Вороны долго не живут.*

*А за окном невыносимая,
Обманчивая тишина...
Да изморозь картин Васильева,
Да кровь калины Шукшина.*

*Под небом синим и жестоким
Моих друзей давно уж нет.
Не дослужив земные сроки,
Они ушли во цвете лет.
А мне ходить вокруг да около,
То ль с ними, то ли наяву,
Быть не вороной и не соколом...
Случилось так, что я живу.*

*А за окном невыносимая,
Обманчивая тишина...
Да изморозь картин Васильева,
Да кровь калины Шукшина.*

Многое из задуманного им переложилось на наши плечи. Сегодня Василий Макарович Шукшин испытующим взглядом взирает на русских людей с верой и надеждой...

Вишнёвые горы (вспоминая Л. К. Татьяничеву)

Я смотрю на Вишневые горы, озеро Иртяш — всё знакомо, всё запечатлено в памяти: и ломаные линии гор, и белёдые полосы курумников, и редкие, устоявшие на вершинах лиственницы... Это — лик Урала.

Но если войти в синюю даль хребтов и оказаться в «интимном мире» Природы, созданном как бы для себя, а не для всеобщего обозрения, вдруг меняется не только физическое ощущение этого великолепия, но и иным звучанием, иным смыслом, иной красотой наполняются сами Горы, столь знакомые по контуру вершин, навечно вписанных в осенний непокой небес...

Мы знали Людмилу Константиновну Татьяничеву по её уральским книгам, мы читали её стихи на отрывных листках календарей... Те, кто знал её лично, неизменно восхищались её ахматовской поступью, попадая под обаяние её медового и одновременно изучающего взгляда. В суতোлке литературной

жизни она всегда была заметна, она «парила» над всеми — и в этом была своя, только ей присущая магия, может быть, потому её непростая судьба многим казалась счастливой. Одни завидовали её стихам, другие — умению «быть над всеми». Но в её глазах, где-то в самой их глубине, светила едва заметная то ли горькая усмешка, то ли лёгкая грусть... Была Тайна, которая даже нам, близким (надеюсь) для неё людям, была недоступна. Шла невидимая работа души, отличающая настоящего Художника от мнящих себя таковыми. Наверное, в эти мгновения и рождаются Пророчества, так резко отличающие русскую поэзию... Пророчества, которые не каждый осмеливается поведать людям, — в стихах они умалчиваются, оставаясь в спасительных многоточиях. И не потому, что была цензура (а она была!), и не из-за ложной скромности, а потому, что в каждом (или почти каждом) большом писателе живёт свой Понтий Пилат его совести, судящий талант поэта мучительным и безжалостным (а иногда и несправедным) судом.

Но и скрывать своих Пророчеств художник не в силах. Он пишет письма и дневники, освобождаясь от гнетущих его прозрений или от назойливых житейских мелочей, «недостойных» высокой поэзии... Журчат родники души. Дышит живая Природа. И эти откровения через много лет одаривают его потомков великим чудом живого общения. Разве мы знали бы так Пушкина и Чехова без их писем или Достоевского без его дневников?..

Людмила Константиновна, видимо, не допускала, что её записи «для себя» будут прочитаны «всеми». Тем не менее она боролась со своим прокуратором настолько, насколько у неё хватало сил... Ни один художник не сказал всего, что он знал. Людмила Константиновна успела сказать многое...

За окном Урал — Вишнёвые горы, озеро Иртяш... В руках у меня томик Людмилы Татьяничевой. Вековые рифмы хребтов, чёткие ритмы строк — непостижимая красота Природы. И как в непроходимых дебрях уральской тайги, на затерянных тропах дневников и писем Людмилы Константиновны бьют то скрывающиеся, то вновь выходящие на свет Божий родники живой воды, коим дано воскресить в нас Время и Память.

У вишнёвого омута

Село Монастырское Саратовской области... Утренняя переключка соловьёв. Пулемётные очереди лягушачьих мелодий. Коровьи вздохи. Гогот потревоженных дворнягами гусей.

Иглы взошедшего солнца, больно ударившие по глазам, заставили меня пробудиться, как мне думалось, первым.

Я глянул вниз с дюжины горячих перин. Сюда, под самый потолок, глубокой ночью после бесконечных рассказов, стихов и песен под балалайку водрузили меня Михаил Николаевич и его тёзка по фамилии Одинокоев. Фамилия Одинокоев с удивительной точностью соответствовала и его дому, стоящему на отшибе села в зарослях ольхи, и самому Михаилу Петровичу, в одиночку ведущему уже не один десяток лет своё нехитрое крестьянское хозяйство.

В доме никого не было. Спустившись на рассохшийся от времени деревянный пол, весь в пуху и перьях, как если бы мне довелось ночевать в курятнике, я вышел на солнце и пошёл к деревне по мокрой траве вдоль непроглядных зарослей черёмухи, ивняка, ольхи, ежевики, хмеля...

Навстречу мне, балансируя на скользкой тропинке, как циркач на канате, приближался Михаил Николаевич, с лицом счастливого прихожанина, возвращающегося с утренней молитвы.

— Я уже сбегал на Вишнёвый омут. К моим дружкам. Поздороваться.

Рядом в песне зашёлся соловей.

— Вот ещё один... Здравствуй, дружок!

— Да это же... — развёл руками я, — три километра туда. Да три обратно!

— Для бешеной собаки семь вёрст не крюк. Пошли завтракать.

В доме, построенном на месте нецелевшего родового гнезда Михаила Николаевича, откуда вчера вечером под шум гос-

тей мы незамеченными (так нам казалось!) ушли на ночлег к Одинокovu, нас уже ждали.

Хозяева дома, Наталья и Василий, щедро накрывали стол. Прибывший из Саратова поэт Николай Палькин с заговорщицким видом (было слышно, как у него работали мозги!) уже сочинял дружески-язвительные стихи по поводу нашего ночного отсутствия и выдававших нас предательских перьев на моём костюме.

Михаил Николаевич, приняв мою сторону, мгновенно включился в игру, проявив при этом незаурядный поэтический дар.

Стихи рождались со скоростью мысли. Гости смеялись до боли в затылках.

Чтобы никого не обидеть, я отвечал «дипломатическими» строчками. Так можно и «заиграться»...

— Не стесняйся! — подбадривал меня Михаил Николаевич. — Я же говорил тебе, что отсутствие юмора — это недостаток ума, а здесь народ не глупый.

У сельского клуба, зная о приезде своего великого земляка, с утра толпился народ, боясь пропустить долгожданную встречу. Ещё не утратив веры в силу писательского слова, они видели в нём единственного Спасителя своего разорённого перестройкой села. Они наивно полагали, что достаточно одного слова Алексеева, сказанного кому-то в Москве, и вновь зацветут их поля, заурчат трактора и комбайны, а о своих позорных пенсиях они будут вспоминать только в страшных снах...

Восьмидесятипятилетняя одноклассница, согбенная временем, но не утерявшая врождённого чувства юмора, по-девичьи дерзко доказывала Михаилу Николаевичу, что он стал великим писателем только потому, что «списывал у неё» на уроках русского языка, так как они сидели за одной партой.

«Списывал» он у неё или нет, мне не удалось выяснить, но то, что он с душевным трепетом иконописца списывал с неё своих многострадальных Журавушек, Фенюшек, Фрось и Вишенок, чьим непомерным до самоотречения крестьянским трудом, бессонницами, слезами и молитвами была не раз спасена Россия — в этом не было никакого сомнения.

А на крохотной сцене сельского клуба сегодняшние монастырские драчуны изображали алексеевских драчунов века

прошлого. Они играли с такой откровенностью, с таким задором, с таким не актёрским знанием жизни, что, узнавая в них самого себя, Михаил Николаевич долго не мог расстаться с юными артистами, как будто, обнимая их, он мог вернуть свою молодость.

Чуть позже мы сидели у троюродной сестры Михаила Николаевича Полины, которая без устали сыпала афоризмами и с гордостью показывала свои десять соток ухоженной земли, засеянные луком, которые она самостоятельно обрабатывала в свои девяносто с лишком лет. При этом беспрерывно шутила, а мы улыбались. Улыбались, хотя картина была не из весёлых, и почему-то наворачивались слезы. Наверное, от лука...

Вспомнили мать Михаила Николаевича Ефросинью Ильиничну, «безрассудно» отправившуюся в революционном семнадцатом году отсюда на Урал, в Челябинск, чтобы проведать своего служивого мужа. Её отговаривали родственники и соседи отказаться от столь неразумной затеи:

— Куда ты? У тебя уже трое ртов. Привезёшь четвёртый, и всех надо кормить!

Но долг сердобольной русской женщины и любовь сделали своё дело, и родившийся «по теплу» восемнадцатого года (М. Н. дважды отмечал день рождения: весной и осенью) в саратовском селе озорной мальчишка долго не мог избавиться от клички «Мишка Челябинский», а на вопросы сына: «Почему меня так странно дразнят?» мать, краснея, уходила от ответа...

Вспомнили и щемящие сердце песни Ефросиньи Ильиничны, которыми она лечила свою натруженную душу. Вот уж, воистину, «о чём не поплачешь, о том не spoёшь»! Михаил Николаевич знал все её песни, пел их самозабвенно, при этом умудряясь комментировать каждое слово. Легонько постукивая пальцами по краю стола, он с гипнотической силой погружал нас в свои воспоминания...

*Тягька, тягька, тягька родный,
Зачем замуж меня отдал
Не за ровню, не за пару?..
Я любить его не стану...*

Всё становилось зримо и ощутимо. И поющая матушка, и чуть поскрипывающая прялка, и рыжий котёнок, гонящийся за клубком только что спрядённой шерсти...

*Из-под камушка, из-под белыва,
Там текёт река, река быстрая.
Там текёт река, река быстрая,
Река быстрая, вода чистая.*

*Как по той-то реке
Вёл донской казак,
Не коня вёл поить,
А жену топить...
А жена-то мужа уговаривала:
— Уж ты муж, ты мой муж,
Не топи ты меня...*

Потом далеко за селом, в степи, на открытом всем ветрам кладбище, где каждый крест ему бесконечно горек и дорог, он долго и отрешённо будет стоять у её могилы, опершись о скромную оградку.

А по другую сторону села нас ожидал Вишнёвый омут.

Михаил Николаевич не мыслил себе жизни без этого святого для него места. Он должен был хотя бы раз в году обязательно посетить его, привезти сюда своих друзей.

Омут «кругл, глубок и мрачен», но именно здесь, в чёрной таинственной глубине его, как мне теперь думается, и зародился солнечный талант великого русского писателя.

Ему, как дышать, необходимо было приезжать сюда, поднять с невесть откуда опустившейся скатерти-самобранки рюмку монастырской водки, услышать размеренный, ни с чем не сравнимый звук падающих в осоку капель (настоящих слёз!) плакучих монастырских ив, забросить, без всякой надежды на удачу, удочку в золотистые струи Игрицы.

По дороге к омуту, вновь пересекая село, мы остановились у моста.

Вдоль дороги, среди занявшейся зелени, кое-где ещё дымила прошлогодняя полынь. Михаил Николаевич сорвал веточку полыни, тщательно растёр её в ладонях, при-

нюхиваясь, как охотник, уловивший только ему одному известный след.

Мне показалось, что он что-то пытается вспомнить и не может...

Да, это был мост, который соединил деревенского мальчугана с Большой Землёй. По этому мосту в тридцать шестом году он ушёл, чтобы стать студентом Аткарского педтехникума. Этот мост — начало большой, огненной дороги, пролегшей через Халхин-гол, Сталинград, Прохоровское поле, Днепр, Прагу, Вену.

Это была дорога от неизвестности к славе.

Но о чём сейчас он так мучительно вспоминал?

Через несколько дней, уже на даче в Переделкине, он, как драгоценный клад, зарытый от чужих глаз в большой кастрюле с мукой, извлёк ещё неведомый для мира, небольшой, перевязанный тонкой тесёмкой свёрток и с таинственным видом повёл меня в свою комнату, к столу.

Это были фронтовые письма, написанные шестьдесят лет назад в сталинградских окопах, «под непрерывным обстрелом с воздуха и земли».

Письма, адресованные его девятнадцатилетней подруге из уральского города Ирбита, Оле Кондрашенко (после войны она жила в Украине и скончалась незадолго до смерти М. Н.). Письма, которые сохранила Женщина как память о первой и единственной любви, оберегая их более полувека как самое дорогое в её жизни, и решила вернуть автору, узнав о том, что он работает над романом «Мой Сталинград».

Михаил Николаевич долго не показывал их ни друзьям, ни родственникам, ни супруге, дабы не травмировать её женское сердце. Он был счастлив, когда, узнав о письмах, Татьяна Павловна отнеслась к ним с должным пониманием.

Как хирург, боящийся неловким движением поранить живую ткань, он осторожно раскрывал пожелтевшие треугольники писем.

И вдруг из одного из них падает на стол выцветшая, нет, скорее поседевшая, веточка полыни... Не веря глазам, он не решался прикоснуться к чуду, помнящему огонь и солнце сорок второго года!

«14 сентября 1942 г.

Оля, дорогая моя!

Хотелось бы побольше написать тебе, но борьба далеко ещё не кончена, и я считаю преждевременным подводить какие бы то ни было итоги. Скажу только, что я сам едва ли верю в то, что моя рука пишет это письмо. Трудно, пожалуй, совершенно невозможно представить себе всей тяжести борьбы.

Уже сотни раз смерть пыталась захватить меня в свои холодные объятия, но тщетно: я продолжаю жить и бороться».

— Да... — говорит он, снимая очки. — Я многое ей недописал. Цензура всё равно не пропустила бы. И это письмо было бы уничтожено. Но я положил эту полынью, чтобы Оля почувствовала всю горечь моего положения.

«...Я очень люблю жизнь и очень хочу жить, и всё-таки я отдам без страха эту жизнь, уже решил её отдать... Я хочу жить, именно потому я и отдам её».

Это строки из предыдущего письма (от 09.08.1942) двадцатитрёхлетнего русского красноармейца, готового отдать жизнь ради Жизни.

Не эту ли веточку полыни пытался вспомнить тогда на мосту у села Монастырского старый солдат? Бог весть.

Он не упомянул о ней и в своих комментариях к письмам (теперь уже не единожды переизданных), несмотря на мои просьбы. Что ж, как видно, не всё на продажу: есть вещи, которые писатель оставляет навсегда в потаённых уголках своей души, куда остальным путь заказан. Ольга Кондрашенко не стала его женой. Война, как казалось молодому офицеру, ожесточила его сердце. Он не имел права на счастье в безумном, оглушённом войной мире. Что это? Жестокость опалённого войной сердца? Или, может, это инстинкт самосохранения большого Художника? Судить не мне.

У Вишнёвого омута шумели «прототипы»... Так в шутку он называл своих земляков. Но какие там шутки, если в каждом из разгорячённых встречей людей угадывались его персонажи?! То «небывало поворотливый и ловкий» Пётр Михайлович, то Настасья Хохлушка, то Вишенка, то «плутувато подмигивающий» Иван Мороз, то «ёрнически морщащийся» Митрий Резак...

А ведь это их дети, внуки, а то и правнуки. Неистребима кровушка саратовских мужиков!

Михаил Николаевич смотрит в чёрное, обрамлённое патиной зелени зеркало Вишнёвого омута. Над ним, расколотая молнией, но всё ещё живая, забывшая о своём возрасте плакучая ива. Она обильно окропляет его своими золотыми слезами... А может, эти капли совсем не её?

Омут памяти. Омут вечности. Тайнственный и бездонный.

Михаил Николаевич, как бы извиняясь, радуется жизни, в который раз удивляясь тому, что он всё ещё жив, как эта древняя ива, принявшая на себя все ветра и молнии столетия. Он, как и она, чувствует бунтующие соки земли.

Они так просто не сдадутся... А четыре его военных ранения (каждое из которых могло оказаться смертельным!) — просто мелочи жизни, о которых не стоит и вспоминать...

Давно уже нет тех, что кто не раз ценою собственной жизни спасал его, чтобы он сейчас мог вдохнуть этот пахнувший свежим огурцом воздух Вишнёвого омута, который вздрагивает серебряной зыбью от каждого порыва ветра...

Но не уходит из памяти сентябрь сорок второго года. Николай Сараев, неподвижно лежащий на искромсанной Сталинградской земле в разорванной гимнастёрке, бросивший связку гранат под гусеницы немецкой танкетки.

Он спас тогда не одну жизнь бойцов миномётной роты.

А после, в адском крошечке Курской дуги, полковник Денисов отправляет его (его — командира пулемётной роты гвардии старшего лейтенанта Алексеева!) в дивизионку «Советский богатырь»... («Видать, с ума сошёл: с чего ему вздумалось посылать меня в газету...»), — запишет он в своём дневнике.)

Но не будь этого самого полковника Денисова, разве стоял бы он сейчас у своего Вишнёвого омута? Разве появились бы на свет Божий его «Солдаты» и «Драчуны», «Карюха» и «Хлеб — имя существительное», «Мой Сталинград» и «Оккупанты»? Его «Русское поле» с Нонной Мордюковой и «Журавушка» с Людмилой Чурсиной? Да разве всё перечислишь!

Он не боялся смерти. Он страшился того, что не окончит роман «Оккупанты» и подведёт редактора, что не сможет

больше прийти на Вишнёвый омут, что не услышит больше подгулявших монастырских соловьёв, не посидит на берегах (пусть даже без удочки!) невеликих, но таких дорогих речек Баланды и Медведицы.

— А чего страшиться смерти, — отшучивался он, — я же всё равно не буду знать, что я умер!

...Неподалеку от могилы Михаила Николаевича на переделкинском кладбище стоит расколотая молнией ива. Неслышно течёт река Сетунь. Плачет ржавыми слезами небольшой родник. С грохотом, отчего вздрагивает земля, проносятся по дороге автомобили...

Но в недолгие минуты затишья в предутреннем тумане залиvisto и нестерпимо громко, на всю Россию, поют соловьи, взывая к её памяти.

Ведь она так неслышно похоронила своего великого Сына.

«Умереть от собственного цвета»

Задаю себе вопрос: почему я никогда не писал о Вячеславе Богданове, с которым дружил от первых наших книжек до его последней? Думаю, потому, что писание такого рода не есть дань

памяти, а скорее (по крайней мере для меня) осознанные часы прощания с человеком, которого все годы чувствуешь рядом, видишь его глаза, улыбку, слышишь его голос... Сердце не смиряется с тем, что все мы смертны. Что это «жизнь, и она пройдёт...» Но жизнь проходит, а память обостряется. Мы — сверстники, люди одного поколения, одного уральского «поэтического подлеска», как любили нас называть старшие коллеги: Людмила Константиновна Татьяничева, Михаил Давыдович Львов и Борис Александрович Ручьёв. Я неслучайно написал коллеги, потому не считаю, что в литературе могут быть учите-

ля... У поэта — один учитель. Это его талант, данный Богом. Всё остальное — судьба и путь. У каждого они свои, до тебя не пережитые и не хоженные. Конечно, нельзя отрицать, что, скажем, Сергей Есенин своим творчеством собрал в поэтическую дорогу для Вячеслава Богданова свой туесок, который кормил и поил раннее творчество поэта.

*Я вовеки песню ту не брошу.
И пойду, уверенный, в дела,
Как идёт разгневанная лошадь,
Закусив стальные удила.*

(1962)

Не знаю, кому сказать «спасибо» — то ли власти советской, которая финансировала не только писательские организации бескрайнего государства, но и многочисленные семинары молодых писателей от Дальнего Востока и Сибири (Чита, 1962; Кемерово, 1966) до Москвы и Ленинграда, то ли нашим корифеям литературы, которые находили время для общения с молодыми литераторами, делающими первые шаги в профессии, не давая нам оступить и сломать головы на этом опасном пути.

На Кемеровском всесоюзном совещании молодых писателей мы с Вячеславом Богдановым оказались в семинаре, руководителем которого был выдающийся русский поэт Василий Дмитриевич Фёдоров, только что издавший тогда книгу стихов «Третьи петухи», за которую вскоре он получит Государственную премию имени Максима Горького. С каким упоением он читал, а мы слушали, раскрыв рты, его строки:

*Упадёт голова —
Не на плаху, —
На стол упадёт,
И уже зашумят,
Загалдят,
Завздыхают:
Дескать, этот устал,
Он уже не дойдёт...*

*Между тем
Голова отдыхает.
В темноте головы моей
Тихая всходит луна,
Всходит, светит она,
Как волшебное око.
Вот и ночь сметена,
Вот и жизнь мне видна,
А по ней
Голубая дорога.*

Да... Но стихи стихами, рукописи рукописями, пожелания и рекомендации — всё это, безусловно, нам пригодилось. Молодых писателей, чьё творчество имело самостоятельное художественное значение, рекомендовали для приёма в члены Союза писателей СССР. Конечно, все мы об этом мечтали. У Вячеслава были тогда стихи, которые тормозила к изданию цензура, но в «кулуарах» совещания он их читал. Я не знаю, опубликованы ли они сейчас. Вот некоторые строчки (цитирую по памяти):

*Что с тобой совершили, Россия? —
Задаю я крамольный вопрос, —
Голубые глаза очернили
И горбатый приляпали нос!*

Или:

*В горле комом застряли блины
Из отборной канадской пшеницы.*

Естественно, руководители семинаров, такие как Ярослав Васильевич Смеляков, Борис Александрович Ручьёв и другие, поплатившиеся в своё время за поэтическую дерзость, предостерегали Богданова, но что эти предостережения для молодого парня, прошедшего Коксохим металлургического завода! Однако Марк Соболев сказал ему:

— Богданов, в Союз писателей вступишь только через мой труп!

Слава очень расстроился и передал этот разговор Василию Фёдорову. Тот только загадочно улыбнулся:

— Не переживай, Слава. Перешагнём!

Но главным событием для нас было то, что Василий Дмитриевич повёз в свою родную деревню Марьевку и в город Анжеро-Судженск, с гордостью показывал высокую кирпичную трубу, которую воздвигнул его отец-каменщик, и, конечно же, на речку своего детства Яю, в которой мы купались и пытались (правда, безуспешно) ловить бреднем рыбу. Это было важнее и полезнее всех семинаров и литинститутов. Это было щедрое переливание чувств из души в душу... Своеобразные песочные часы нашего становления.

Василий Дмитриевич очень скорбел по поводу безвременного ухода из жизни Вячеслава, дорожил его дружбой. Они любили друг друга и часто спорили до ссор. Мне неоднократно приходилось мирить их в Доме литераторов, благо, что это было не так уж и сложно. По итогам совещания Слава стал членом Союза писателей СССР и возглавил литературное объединение Челябинского металлургического завода. Многие члены этого литобъединения пополнили областную писательскую организацию.

Родившись в Тамбовской глубинке, Богданов как поэт состоялся и возмужал на Урале. Виктор Фёдорович Боков, с кем также был очень дружен Вячеслав («Мои стихи оценил сам Боков», — с гордостью говорил молодой поэт), писал: «...органическое слияние двух начал — души сельской и рабочей — создаёт поэта, самобытного по своему духу».

*Поклонясь деревенской избе,
Где нужды пережито немало,
Я ушёл из тамбовских степеней
Под железное пламя Урала.*

Если сердце стихов Богданова — Урал (город), то образный и по-снайперски меткий язык его поэзии дала ему деревня. Он по-сыновьи переживал её судьбу, понимая: если спасём деревню, значит, спасём наш язык. А если спасём язык, то сохраним государство и русский мир, ибо язык и народ — слова-синонимы.

*Молодёжь покинула деревню,
Заманили звоном города...*

*И об этом шепчутся деревья,
И луна сгорает со стыда.
Лишь собаки лают обалдело
У столбов на ламповый накал...
Город, город!
Что же ты наделал? —
У деревни молодость украл...*

В Москву мы приезжали как на пир поэзии. Будучи ещё совсем молодым, Богданов был знаком со многими замечательными поэтами середины прошедшего века: Александром Прокофьевым, Михаилом Лукониным, Дмитрием Ковалёвым, Николаем Глазковым, Николаем Тряпкиным...

Пленумы Союза писателей и съезды, куда нас приглашали поначалу как гостей, а позже и как делегатов, были для нас событиями, которые заряжали нас надолго не только творческой энергией наших классиков, но и желанием встреч с нашими читателями. А встреч таких было превеликое множество. Наверное, на Южном Урале не было тогда ни одного завода, Дворца культуры, школы, института, училища, где бы не выступал со своими стихами Вячеслав. Бюро пропаганды литературы работало, как часы, не зная сбоев. Поэтому он мог позволить себе уйти с завода на вольные литературные хлеба» и жить безбедно. Сейчас это звучит, как сказка. Но что было, то было. Помню, как на одном из съездов, во время приёма, Александр Прокофьев (а мы его как» поэта изучали ещё в школе), узнав, что мы из Челябинска, с доброй улыбкой, несколько окая, сказал:

— Хорошая волна идёт с Урала. Дай-то Бог!

Одна фраза. А как она поддерживала нас, молодых.

А когда к нам подошёл Анастас Иванович Микоян (которого мы знали только по портретам) и предложил выпить за Урал, восторгу нашему не было предела... Но жизнь наша писательская бросала нас «из огня да в полымя»... Буквально через несколько дней, в последний день марта, когда на Урале стояла ещё лютая зима, мы ночью из города Сатки добрались до города Аши, где у нас было назначено несколько творческих встреч. Нас никто не встретил, но мы и не расстроились. Город

спал. Искать гостиницу нам не пришлось на ум. Мобильных телефонов не было. Уличных телефонов-автоматов мы не смогли найти. Морозец был знатный. На пути попалось какое-то кирпичное заведение, как выяснилось, общественный туалет. Это нас не смутило, главное — не было пронизывающего ветра. Мы нашли какой-то «приличный» уголок и, прижавшись к стене и друг другу, решили дожидаться утра. Положение наше нас не смущало, и под стук зубов мы стали сочинять строчки:

*Эх, хороший город Сатка:
Почитал стихи — двадцатка!*

— начал Вячеслав.

*А скажу вам: и Аша
Тоже очень хороша!*

— отвечивал я ему, хотя ничего хорошего мы в Аше пока не видели!

— Вот судьба поэта, — вдыхая «пряный» ледяной воздух, говорил Вячеслав, — два дня назад в Москве, в Кремле пили коньяк с Микояном, а сейчас лежим в каком-то сортире, чёрт знает где!

— Судьба, — выстукивал зубами я.

Наутро мы уже выступали в одном из цехов Ашинского металлургического завода и навсегда забыли о «весело» проведённой ночи. Это было нормой. Молодость и стихи списывали все бытовые неудобства.

Представьте: раннее утро, пересменка. Одни пришли на работу, другие спешат домой после бессонной ночи, а тут поэты сваливаются им на головы... Многие недовольны, но терпят. Начинается встреча. Лица рабочих оттаивают. Глаза начинают светиться, а может, и слезиться. Поэзия берёт своё, и просят читать ещё и ещё...

*К дверям забитым я зимой приеду,
Замочный ключ до боли сжав в горсти.
И улыбнусь
Хорошему соседу,
И попрошу мне клещи принести...*

*Я в дом родной вернусь не блудным гостем!
Я, словно ключ,
Любовь к нему сберёг...
И под рукой
Застонут длинно гвозди
И упадут, как слёзы, на порог...
И тишина мне бросится на плечи,
А голуби забьются под стреху.
Трубу открою
В стылой русской печи
И, словно память, — пламя разожгу!*

Николай Константинович Доризо в стихотворении, посвящённом Елене Сергеевне Булгаковой, писал:

*Мало
Иметь
Писателю
Хорошую жену,
Надо
Иметь
Писателю
Хорошую вдову.
Мне эта горькая истина
Спать не даёт по ночам.
«Белая гвардия» издана,
Вышли «Записки врача»,
«Мастер и Маргарита»,
«Бег»,
«Театральный роман»...
Всё,
что теперь знаменито,
Кануло б в океан.*

Вячеславу Богданову повезло: у него есть прекрасный брат — Виктор Михайлович Сошин, усилиями которого творчество Вячеслава Богданова вернулось в духовную жизнь России.

На родине поэта, на Тамбовщине, ежегодно проводятся Богдановские чтения, открыт музей поэта, его именем названа районная библиотека, улица, утверждена литературная премия «Светунец», утверждены стипендии одарённым школьникам. Установлен памятник работы заслуженного художника России Н. А. Селиванова. На Урале его стихи включены в школьную хрестоматию.

Есть присказка, что поэты Восточной Европы — пророки, а Западной — мастера... Не знаю, как насчёт мастеров, но, что касается пророков, то, «как вспомню, так вздрогну»! Когда на Цинковом кладбище, так в Челябинске зовут в народе самый большой погост города, мы хоронили отца нашего друга, поэта Валентина Сорокина — Василия Александровича, рядом с его могилой оказалась ещё одна, свежеврытая... Мы со Славой оказались около неё.

— Смотри, Костя, уже приготовили... И ведь кто-то в неё ляжет в цинковом гробу.

— Почему в цинковом? — меня удивила это неожиданная деталь.

— Но ведь кладбище-то Цинковое!

Не знаю, была это шутка или пророческое предчувствие, потому как могила оказалась его собственной, куда Вячеслава через несколько дней опустили в цинковом «саркофаге». Самолёт из московского аэропорта Внуково с телом поэта прилетел в Челябинск поздно вечером.

Книга его «Избранной лирики» вышла в Челябинске в 1975 году за два месяца до этого события. Сборник заканчивался стихотворением «Желание», посвящённым Валентину Сорокину:

*За какими делами захватит
Час последний в дороге меня?
Я б хотел умереть на закате
На руках догоревшего дня.*

Что это — пророчество? Предчувствие? Предвидение ранней гибели? Или просто такое вот желание? «Уж сколько раз твердили миру», чтобы не писали стихов о своей смерти до ро-

кового часа, но «только всё не впрок»... Эти пророчества, как правило, сбываются. Как тут не вспомнить рубцовское:

*Я умру в крещенские морозы.
Я умру, когда трещат берёзы...*

Николай и Вячеслав были очень дружны. Случалось, что мы втроём гуляли по Москве в поиске «приключений», благо, что цены советских времён позволяли молодым поэтам «ни в чём себе не отказывать». Гонорары, несмотря на редкие наши публикации, исправно платили не только издательства, но и все журналы и газеты. Так что Рубцов более с юмором, чем с обидой, говорил:

*Стукну по карману — не звенит!
Стукну по другому — не слышать!
Если только буду знаменит,
То поеду в Ялту отдыхать...*

На Ялту пока явно не хватало, но всему своё время... Известность к Николаю пришла, правда, в Ялту поехали уже другие, менее знаменитые... а тогда мы с молодецкой наглостью заваливались на квартиру сестры жены Вячеслава — Евгении и вольготно засыпали на постеленном нам на полу матрасе под звуки Колиных стихов, заглушаемых оглушительным храпом поэта с Урала, сравнимого по силе звука только с рёвом стартовой ракеты. Кстати, Слава мог мгновенно засыпать в любое время суток в любом месте. Эта привычка выработалась у него в ранней молодости на металлургическом заводе. Работа по сменам, когда днём не спишь, а в ночь выходить к станку, выработала у него привычку засыпать хоть на несколько минут, если позволяла ситуация, и друзья по работе могли подстраховать тебя от бдительных глаз начальства. Я всегда завидовал этому его качеству, особенно когда он умудрялся «отключиться» на несколько минут, сидя в президиуме какого-нибудь литературного праздника, если стихи выступающего «не прóniaли» (словечко В. А. Солоухина) ни его, ни зрительный зал.

В стихотворении «Раздумье» в разговоре с Николаем Рубцовым Вячеслав пророчествует:

*Только знаю, что в час мой последний
Мне в деревню захочется, друг...*

В кармане Славы нашли билет в Тамбов. Не успел. Не доехал...

*Тридцать лет живёт всего агава
И цвести лишь раз имеет право.
Только раз —
Цвести высоким цветом,
Увядая навсегда при этом.
Как её возвысила планета —
Умереть от собственного цвета!..*
(Вячеслав Богданов, 1971)

Творчество К. Скворцова в школе

Соприкосновение с Прекрасным...

В наше время многие считают, что поэзия исчезла, что она человеку как будто бы не нужна. Но она есть и всегда будет восхищать своим великолепием ценителей мира поэзии. На самом деле интерес к ней, в том числе у молодёжи, даже возрастает. Ученики с удовольствием посещают созданный мною литературный кружок «Родники», где пишут свои творческие работы и более глубоко изучают поэтические произведения, в том числе и Ваши. Вместе с поэтами литературного объединения «Исток» сходили «За вдохновением» к памятнику глухарю, к скульптурной композиции «Икар», во Дворец культуры «Икар». Мои воспитанники успешно выступили в городском литературном конкурсе «Серебряное пёрышко», заняв призовые места.

Я видела одобрение в глазах своих учеников неподдельный интерес, что в свою очередь меня окрыляло.

С Вашим творчеством я познакомилась сравнительно недавно благодаря Юрию Николаевичу Жилину. Он подарил моей школе Ваши сборники: избранные произведения в пяти томах и «Чёлн для двоих» — и помог раскрыть некоторые особенности Вашей поэзии. Теперь знакомлю с ней своих воспитанников на уроках литературы, и не только. В календарно-тематических планах отводятся часы на изучение поэзии Южного Урала на выбор учителя. В основном мы изучаем Ваше творчество.

Был организован в Детской библиотеке имени С. Т. Аксакова просмотр фильма «Иремель — ритмы Земли» для учеников 11-го класса. Его ведущим был Ю. Н. Жилин, он рассказал о Вашем творчестве, своих воспоминаниях, после фильма со сцены звучали Ваши стихи в исполнении одиннадцатиклассников. Этот фильм я показала участникам своего поэтического кружка, а также учителям русского языка и литера-

туры города. Я порекомендовала в своих школах показать этот фильм. Дети и учителя были в восторге от его просмотра, поблагодарили за предоставленную возможность побывать заочно на Иремеле вместе с талантливыми людьми и насладиться Вашей поэзией.

По Вашим произведениям создаём видеоролики.

Я рассказала школьникам о многогранности понимания ЛЮБВИ в Вашей поэзии, воспользовавшись монографией Т. В. Соловьевой «Концепт „Любовь“ и его лингвистическая репрезентация в лингвокультурном аспекте: на материале лирических и драматургических произведений К. Скворцова».

Со своими учениками обязательно продолжу изучать Ваше творчество. Мы только в начале пути по его постижению, нам вместе много ещё предстоит узнать. Я верю, эти знания окрылят моих воспитанников и помогут им в их собственном литературном творчестве.

Уважаемый Константин Васильевич, продолжайте радовать нас своими стихотворениями! Пусть творческое вдохновение никогда не покидает Вас!

**Из письма учителя
Елены Анатольевны Петелиной,
г. Трёхгорный**

В Копейске прошел конкурс чтецов...

(из переписки К. Скворцова с учителем литературы
Л. Е. Даниловой)

Уважаемая Любовь Евгеньевна!

Очень неожиданно и трогательно получить весточку из Копейска!

Я очень тронут Вашим трепетным отношением к Слову, которое Вы сумели передать ребятам.

Мы очень часто проглатываем слова, а ими нужно упиваться, ибо ничто так не формирует личность, как ощущение первородства Слова, его глубинной музыки и сокровенной силы. Обесцененное слово — деградация нации.

Мы в юности не понимаем, что в слове — истоки нашей будущей дороги, и от того, каким оно будет, зависит наша дальнейшая Судьба. Это остаётся в подсознании на всю жизнь.

Я благодарен Вам за те чувства, которые Вы сумели вложить в сердца Ильи и Серёжи.

Стихи прозвучали достойно и проникновенно, поздравьте их от моего имени.

С надеждой на дружбу,
Ваш Константин Скворцов.

Доброго здоровья, Константин Васильевич. Большое Вам спасибо за новые стихи, которые сразу запали в душу, как только их увидела. Была на курсах повышения квалификации в ЧИППКРО, и Татьяна Васильевна Соловьева читала их на занятии. «Вот именно то, что мне надо, родное по духу и как вовремя, — пронеслось в голове, — это нужно читать со сцены, чтобы люди слышали и знали». Именно тогда родилась идея выбрать эти стихи для конкурсного выступления.

И ребята с воодушевлением поддержали идею. Мои ученики очень старались, добросовестно ходили на репетиции, анализировали каждую строчку, вдумываясь в смысл каждого слова, искали нужные интонации, работали над сценичными образами. Это интереснейший творческий процесс — погружение в текст, в живое авторское слово. Ребятам сказала: «Своё чтение посвятите своим родителям, подарившим вам жизнь, посвятите поэту, который несёт посыл мира, добра и любви в глубоком христианском понимании этого слова, и тогда у вас всё получится». Дебют удался. Строгое, но справедливое жюри присудило 2-е место. А ещё парням пообещала, что если хорошо выступят, то постараюсь, чтобы до автора дошло их выступление. Очень хотелось Вас порадовать, Константин Васильевич.

Вы правильно заметили, что «очень часто проглатываем слова, а ими нужно упиваться, ибо ничто так не формирует личность, как ощущение первородства Слова, его глубинной музыки и сокровенной силы. Обесцененное слово — деградация нации. Мы в юности не понимаем, что в слове — истоки нашей будущей дороги, и от того, каким оно будет, зависит

наша дальнейшая Судьба. Это остаётся в подсознании на всю жизнь». Ваши слова обязательно прочитаю девятиклассникам на следующем уроке литературы, как напутствие, как руководство к бережному и трепетному отношению к родному языку.

Спасибо за высокую оценку нашего труда, нам очень приятно получить отклик.

Дорогой Константин Васильевич, желаю Вам здоровья, здоровья и ещё раз здоровья. Пусть родные и близкие будут всегда с Вами рядом, окружают любовью и заботой. Многие лета Вам, бодрости, мира, гармонии в душе и счастья. Спасибо, что Вы есть. Да хранит Вас Господь.

Любовь Евгеньевна Данилова,
учитель МОУ «СОШ № 2» КГО.
Шахтовый посёлок Октябрьский.

Наталья ВОЛЧЕНКО,
учитель русского языка и литературы,
Полетаевская СОШ,
Челябинская область

**«По неустроенному свету
бродить с протянутой душой...»**
(духовные ценности русского народа
в произведениях К. В. Скворцова)

Духовные ценности русского народа... Сейчас, пожалуй, только ленивые не говорят о ценностях, вот только договориться не могут, что же на самом деле считать ценностями. Для нас сегодня это, к сожалению, тоже стало вопросом, ведь совсем недавно мы активно воспитывали в школе «разумного потребителя», а значит, главными ценностями и были... по-

требности. Свои. Как говорится, «хлеба и зрелищ»! В ходу была фраза: где мне хорошо, там и родина; зачем мне эта родина, если мне здесь плохо. Годами выкорчевывались из души русского народа такие глубинные понятия, как семья, любовь к родине, к матери, к детям, духовность, культура, русская культура. Мы почти перестали петь на домашних праздниках, мечтать о «высоком», выбирать профессию, а не выгодность профессии. Да много чего перестали. Но не все. Среди тех, кто неустанно возвращал нас к истокам, напоминал о том, что Россия — это нечто другое, чем «потребности», всегда был русский поэт Константин Васильевич Скворцов.

В 2006 году он написал стихотворение «Яблоня» — яблоня как символ извечной веры в то, что страна наша, как Феникс из пепла, преодолев все соблазны, воскреснет, «зацветёт»:

*Ольхой дымит заброшенный погост.
Чернеет остов рухнувших ворот.
Забитый дом по окна в землю врос.
Плеть упал, а яблоня цветёт.*

*...На обелиске стёрты имена.
И поезд скорый, набирая ход,
Уносит Русь в иные времена,
В беспамятство, а яблоня цветёт.*

Мы почти ушли в беспамятство, мы почти растворились в англо-американской культуре, но «яблоня цветёт», и то, что заложено той ещё Русью, не исчезнет бесследно, какими бы «потребностями» ни соблазняли. Всё это наносное, временное, оно уйдёт, как пена, спадёт:

*...Эх, Россия! Сколько пены
Накопилось за века.
...И сдувает эту пену
К нам пришедшая война.*

*Исполняя волю Божью,
Всех погибших отмоля,*

*Вновь ядрёной, русской рожью
Наливаются поля.*

(«Размышления над кружкой пива»)

Неслучайно Скворцов говорит о молитве и полях, потому что сегодня это, наверное, та основа, которая не даст нам исчезнуть как нации: особая русская вера и умение встать и работать до поту. Особая вера, потому что заключена она не в надежде на Бога, эта вера не только верующих, она просто ВЕРА, вера в то, что мы, Россия, единое целое, и православие — это не просто религия, это больше, чем религия, это убеждение. Ведь соборность у нас в крови всегда была как в язычестве, так и в православии, и в атеизме: человек человеку — друг, товарищ и брат. Это особая духовная сила, которая делает каждого нестигаемым богатырём, черпающим её из старых сказок да былин, где герой не искал выгоды, а, попав на распутье, выбирал без сомнения главное:

*Ведут от камня три дороги
В цветах библейской сон-травы:
Пойти по левой — ждут чертоги,
По правой — не сносить главы.*

*И путник не играл Судьбою.
С молитвой: — Господи, еси...
Россию заслонив собою,
Шёл по прямой на небеси.*

(«Три дороги»)

Нет ничего удивительного, что в мире Содомы и Гоморры именно Россия становится нравственной опорой, а для поэта это было очевидно всегда, и в лихие 90-е, и сейчас, в страшные 20-е:

*Зори кровью тучи оросили,
Предвещая тяжкие бои.
Верная заступница России
Вновь пришла на рубежи свои!*

(«Под огнём разорванного неба...»)

И Богородица здесь не столько надежда на чудо, атрибут церковности, сколько олицетворение того нравственного стержня русича, который определяет меру стойкости души: раз Богородица — значит, мы вечны, и ценности наши вечны, неизменны. А потому не злобимся мы на неправых, а жалеем их, как убогих, не ведающих, что творят. Мало этого, поэт ощущает свою вину отчасти, что так случилось с миром, с Россией: может, не всё сделал, не на все «плахи голову сложил», нужно было больше сделать:

*...Не думай, что легко поэту
(Всё с виду вроде б хорошо)
По неустроенному свету
Бродить с протянутой душой*

*Средь бескорыстно плутоватых,
Сменивших дружбу на тщету,
Среди безвременно богатых,
Свою забывших нищету.*

*И всё ж я сердцем понимаю:
Не нужно вёсел кораблю...
Я никого не обвиняю
И всех по-прежнему люблю!*

(«Всегда мы ищем виноватых...»)

Вот в этом загадочная русская душа — во всеобъемлющем всепрощенье и любви, в умении пощадить поверженного, потому что сам силён; в умении понять и помочь, потому что это наивное и доверчивое *И всех по-прежнему люблю!* — и есть основа нашей веры — в себя, в других... Наверное, поэтому К. В. Скворцов так часто в своих стихах обращается к фольклорным мотивам, предлагая нам вспомнить, чем сильна душа русская, сила сильная:

*Вы не смейтесь над поверьями:
На Руси святой с жар-перьями
Были птицы не во сне.
...И Россия, как покойница,
Птицу ждёт с живой водой.*

*...Снова силушку былинную
Влей в гармонику старинную.
Спой!.. Была иль не была!..
Пусть кому-то не понравится —
Встанет русская красавица.
Зазвонят колокола!..*

(«Птицы русские»)

Духовные ценности... Стыдливо подхихикивая Западу, мы едва не потеряли себя, а ведь ещё в 90-е годы поэт призывал нас опомниться, не гнаться за «потребностями», вспомнить, что не бывает души без труда, она чахнет в «зрелищах» и беззаботности. И опять, взывая к Господу, он обращается к той самой душе, что есть в каждом русском от рождения:

*Огради нас, Господь от дремучести.
Хлеба нет.
Плуг застрял в борозде.
И молчит в ожидании участи
Весь народ, как на Страшном Суде.
...Огради нас, Господь, от дремучести,
Чтобы плуг зазвенел в борозде.*

(«Огради нас, Господь...»)

Слова поэта помогают не забывать главное в жизни. Так получилось, что письма солдатам на фронт мы писали как раз после урока по лирике Скворцова, многие включали строки из его стихов между своих слов. Мальчишкам особенно запал в душу призыв:

*Куда ни кинь — клыки.
Куда ни кинься — жала.
Вставайте, мужики,
Нас так осталось мало!..*

Почему? Потому что в них и призыв к единению, и сила духа, и любовь к Отчизне, и вера в нестигаемость Руси... Всё это получилось, на мой взгляд, передать и ученице в своём поэти-

ческом письме солдату, так удивительно созвучном духовной сути поэта Константина Скворцова:

*Россияне, не уроним чести
И плечом к плечу сомкнёмся впредь.
Выстоять дано нам только вместе,
Порознь — только умереть.*
(К. Скворцов)

*Ах, это чувство дежавю!
История вновь повторится:
Войны ужасной колесница
Проедет по главам солдат!*

*Но не дадим мы дух сломить
Ребят, что в эту вот минуту,
Желая в мире мир хранить,
В атаку страшную идут!*

*Мы все для Родины солдаты,
Героем суждено стать каждому когда-то!
От мала до велика — все,
В ком есть любовь к родному краю,
В Победу вклад внесёт!
В единстве сила —
Вот девиз страны!*

(Е. Брюханова, 8 класс, 20.10.2022)

Пожалуй, пока есть такие поэты, как Константин Скворцов, ГОТОВЫЕ

*По неустроенному свету
Бродить с протянутой душой,*
не растворятся бесследно наши ценности, наша духовность, ведь следом за ним идут преемники его, и они вслед за ним не устанут

*...всюду повторять
И называть своими именами
То, что веками выстрадано нами:
Отечество, Любимая и Мать.*

Тогда и песни запоются, и потребности станут высокими, и «яблони будут цвести»!

Список литературы

1. Константин Скворцов / сост. А. П. Моисеев, В. А. Черноземцев ; под ред. канд. филол. наук Т. В. Соловьевой. — Челябинск : АБРИС, 2012. — 256 с. — (Писатели России).

2. Константин Скворцов. Русская поэзия. — URL: <http://yazemlyak.ru>.

3. Скворцов, К. В. Лирика / Константин Васильевич Скворцов. — Москва : Издательский дом «Звонница — МГ», 2019. — 397 с.

Вера ЛУКАШЕВИЧ,
заместитель директора
«Специальной коррекционной
школы-интерната VIII вида»,
г. Миасс,
Челябинская область

Топонимы Южного Урала в лирике К. Скворцова

Презентация «Топонимы Южного Урала в лирике К. Скворцова» представляет собой литературно-географическую экскурсию. Работа содержит не только стихотворения К. Скворцова, воссоздающие образ Южного Урала, но и фотографии географических объектов.

Для создания экскурсии было использовано тридцать три стихотворения К. Скворцова, которые объединены в блоки с упоминанием топонимов: населённые пункты (г. Златоуст, г. Сатка, п. Плотинка), вершины (хр. Таганай, хр. Уреньга, гр. Откликной, г. Ирмель, Нургуш), водоёмы (о. Зюраткуль, Кураминское болото, р. Ай, р. Белая, р. Балашиха, р. Уржумка, р. Лемеза, р. Юрак, р. Большой Кыл, р. Веселка, р. Тесьма), до-

лины (Айская долина) и части света (Европа, Азия). Все географические названия, представленные в произведениях К. Скворцова, являются реально существующими.

Благодаря работе можно проанализировать роль и функции топонимов в лирических текстах. С одной стороны, топонимы определяют поэтику произведений, отражающую авторский замысел, с другой — являются отражением ментальности народа, частью словарного запаса жителей Южного Урала.

Презентация является учебной и может использоваться как на уроках литературы, так и на других учебных дисциплинах при изучении топонимов (в том числе в рамках НРЭО).

Использованы материалы с официального сайта писателя, поэта, драматурга Константина Васильевича Скворцова — <http://skvortsov.k.ru/writing/zlatoust/>.

С содержанием презентации можно ознакомиться по ссылке https://vk.com/wall-170773505?w=wall-170773505_3707%2Fall.

Научное издание

**ЕЩЁ МЫ СКАЖЕМ
НАШЕ СЛОВО»
(К. Скворцов)**

Сборник материалов
Третьих Скворцовских чтений

Составитель и редактор
Татьяна Васильевна **Соловьева**

Технический редактор
Наталья Лазариди

Подписано в печать 19.10.2023. Формат 60×84^{1/16}
Усл. печ. л. 12,79. Тираж 200 экз. Заказ № 24

Издательский центр «Павлин»
ЧОПО Союза писателей России
454091, г. Челябинск, ул. Советская, 67

Отпечатано с оригинал-макета
в типографии ИЦ «Павлин»
454091, г. Челябинск, ул. Советская, 67